

IV $\frac{14}{21}$

1860 N5-8

18   14
          21

270.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

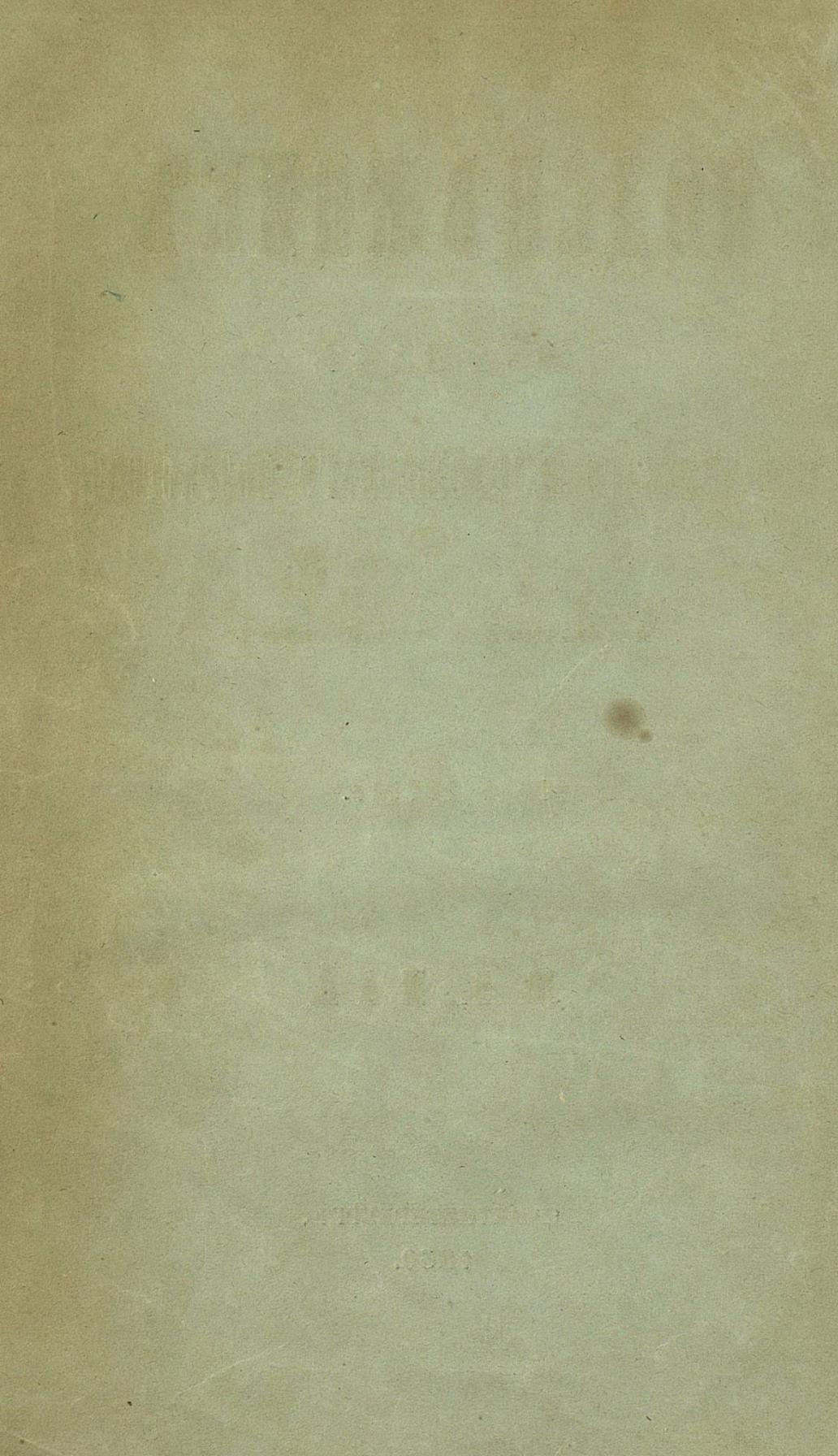
ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 5. М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

1860
58

ПОДСЧЕТНИКЪ

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСИДЖИДОН

ЖУРНАЛ

СВЯТЫЙ СЛАВЯНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ДРУГОЙ

ПОДСИДЖИДОН

ЖУРНАЛ

СВЯТЫЙ СЛАВЯНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ДРУГОЙ

ЖУРНАЛ

СВЯТЫЙ СЛАВЯНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ДРУГОЙ

1861

IV $\frac{14}{21}$

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 5. М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПОДСУЖЕНІЕ

ЖАРИНА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ И ПОНОВЛЕНАГО ВОЗРАЩЕНАГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 16 іюня 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ПОДЪ ПЕЧАТЪЮ

№ 5. П. П.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ (*).

ЧТЕНІЕ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (продолженіе).

II. Волненіе раскольниковъ. — III. Второй
Стрѣлецкій бунтъ..... 1

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО ЕВРОПѢ:

III. Голландія и Голландцы Д. Григоро-
вича..... 24

Мнимый шпионъ, (изъ воспоминаній о Севасто-
полѣ) Н. Берга..... 35

РУССКАЯ СТАРИННАЯ РУКОПИСЬ Н. С—на..... 45

ВОДОЛАЗНОЕ ИСКУССТВО (съ пятью рисунками)..... 74

Квентинъ Дорвардъ (историческій романъ Вальтера
Скотта, въ сокращеніи):

VI. Цыгане. — VII. Опредѣленіе на
службу..... 67—110

(*) Въ 1860 году «Подснежникъ» выходитъ въ концѣ
каждаго мѣсяца.

СЪДЪРЖАНИЕ

Планъ на вѣской исторіи (предисловіе)..... 1

II. Вѣская исторія — III. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

III. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

IV. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

V. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

VI. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

VII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

VIII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

IX. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

X. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XI. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XIII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XIV. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XV. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XVI. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XVII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XVIII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XIX. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XX. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXI. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXIII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXIV. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXV. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXVI. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXVII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXVIII. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXIX. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

XXX. Вѣская исторія (предисловіе)..... 1

ЧТЕНІЕ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА.

II.

ВОЛНЕНИЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Князь Хованскій. — Надежды, возбужденныя между Старообрядцами его возвышеніемъ. — Они стараются войти въ публичное состязаніе съ Православною Церковью чрезъ его посредство. — Патриархъ отъ этого уклоняется. — Самонадьянность раскольниковъ чрезъ это увеличивается; они публично проповѣдуютъ. — 5 поля толпы ихъ вступаютъ въ Кремль и требуютъ публичнаго пренія съ Православнымъ Духовенствомъ. — Царевна назначаетъ это преніе въ Грановитой Палатѣ. — Буйство Никиты Пустосвята. — Царевна находитъ опору въ Стрѣльцахъ. — Никиту казнятъ, другихъ ссылаютъ, остальные притихаютъ. — Разрывъ Хованскаго съ партіею Царевны. — Слухъ о замышляемомъ имъ извѣщеніи Царскаго дома во время крестнаго хода. — Удаленіе двора изъ Москвы. — Призывъ ратныхъ людей. — Приглашеніе Хованскаго на церемоніаль въ Троицкую Лавру. — Дорогою князь Лыковъ его арестуетъ. — Казнь его и его старшаго сына, безъ суда. — Второй его сынъ убѣгаетъ въ Москву и поднимаетъ Стрѣльцовъ. — Они разбиваютъ пушечный дворъ и хотятъ идти на Троицкій монастырь; укрепляютъ Москву. — Узнавъ о большомъ сборѣ ратныхъ людей, они смиряются, ходатайствуютъ черезъ Патриарха о прощеніи и получаютъ оное. — Возвращеніе въ Москву Царской Фамиліи.

Мы уже знаемъ немножко, что такое былъ Церковный расколъ; знаемъ и то, что онъ сильно распространился и очень усилился въ короткое время. Пра-

вительство начало его преслѣдовать, какъ опасное ученіе; раскольниковъ хватали, есылали на покаяніе, заставляли обращаться въ Православіе, а когда они не соглашались, то подвергали жестокимъ мученіямъ и даже смерти. И что же? расколъ продолжалъ усиливаться! Идя на казнь, перенося тяжкія истязанія, эти несчастные продолжали пѣть гимны, читать молитвы и проповѣдывать о преимуществахъ *старой вѣры*; эти зрѣлища, которыми думали устрашить сектаторовъ, производили совершенно противное дѣйствіе: оно поражало умы самихъ православныхъ, которые, по своему непросвѣщенію, не въ состояніи были оцѣнить заблужденій *старовѣровъ*, и говорили: видно, ихъ вѣра и впрямь хороша, когда они идутъ за нея на мученія и на смерть!

Что же касается до самихъ раскольниковъ, то послѣ каждой обрушившейся на нихъ грозы, они разбѣгались въ глухіе лѣса, въ отдаленныя пустыни, въ пограничныя мѣста, гдѣ уже не боялись преслѣдованій, вписывали новыхъ мучениковъ въ число чтимыхъ ими святыхъ, и въ ихъ примѣрахъ почерпали новыя силы, новую неприязнь къ Правительству, терпѣливо ожидая конца, какъ они говорили, царствованію Антихриста!

Это блаженное время, казалось, наступило для нихъ съ возвышеніемъ одного отъ ихъ братіи, князя Хованскаго, попавшаго въ число приближеннѣйшихъ людей новаго Правительства. Теперь намъ какъ-то странно вообразить себѣ старообрядца между знатными людьми; распространеніе образованія между ними отодвинуло старообрядство въ ту часть русскаго народа, надъ понятіями которой еще лежитъ густая тьма; но въ то

время, когда непросвѣщеніе было обще всей Россіи, старообрядцы часто встрѣчались въ числѣ знатныхъ и именитыхъ людей.

Князь Иванъ Хованскій былъ человекъ очень знатный и богатый; его любилъ покойный Царь Алексѣй Михайловичъ, но впрочемъ не давалъ ему особенно важныхъ порученій, не имѣя слишкомъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ. За то самъ князь считалъ себя первымъ человекомъ въ Государствѣ и никого не признавалъ себѣ равнымъ. Его страсть была тщеславіе: онъ только тогда и былъ счастливъ, когда ему кланялись, льстили ему, удивлялись ему; выѣзжая изъ дому, онъ всегда бралъ съ собою множество мелкихъ денегъ, которыя разбрасывалъ народу и радовался, видя, какъ за нимъ бѣгутъ толпы всякаго сброду; между новыми своими подчиненными, Стрѣльцами, онъ былъ очень популяренъ; они его называли не иначе, какъ «батюшкою» и, указывая на шумъ и давку, которыя поднимались, когда онъ появлялся на улицѣ, говорили: «большій ѣдетъ!»

Впрочемъ серьезнымъ уваженіемъ онъ не пользовался, и народъ привечталъ его насмѣшливымъ прозвищемъ *Тараруя*. Хованскій, какъ и многіе другіе въ то время знатные люди, принадлежалъ къ расколу. Увидя его въ милости и силѣ, единовѣрцы его заволновались; приходитъ конецъ, говорили они, царству Антихристову и начинается торжество истинной, *старой* вѣры! Они нахлынули въ Москву, явились въ Стрѣлецкихъ слободахъ, гдѣ было много раскольниковъ, стали поучать народъ на улицахъ, на площа-

дяхъ, предсказывая близкую гибель *Никонианцевъ* и называя священниковъ хищными волками, а церкви анбарами... Народъ слушалъ ихъ и смущался.

Но раскольникамъ уже недостаточно казалось, что они въ самой Москвѣ свободно проповѣдуютъ; имъ захотѣлось полного и гласнаго торжества, котораго они надѣялись достигнуть публичнымъ, всенароднымъ преніемъ съ Патріархомъ и Епископами. Нашелся между ними грамотѣй, который написалъ объ этомъ челобитную; нѣсколько раскольничьихъ поповъ и проповѣдниковъ да нѣсколько выборныхъ Стрѣльцовъ прослушали ее, и положили довести свое желаніе до Царей черезъ Хованскаго. «Только смотрите же,» говорили попы Стрѣльцамъ: «стойте крѣпко за святую вѣру!»

Съ этимъ отправились къ Хованскому. Тотъ ни какъ не ожидалъ, чтобъ нѣсколько полуграмотныхъ постниковъ затѣяло состязаться съ нашимъ высшимъ духовенствомъ, между которымъ были и ученые люди. «Ты инокъ смиренный, тихій и немногословный, сказалъ онъ тому, который сочинялъ челобитную: — не станеть тебя на такое великое дѣло!» Но тотъ и не думалъ робѣть; онъ отвѣтилъ Хованскому текстомъ: «Не пецытеся како или что возглаголите; не вы убо будете глаголющіе, но духъ Отца вашего глаголай вами.» Хованскій ничего не нашелъ возражать противъ этого, и обѣщаль постараться.

Черезъ нѣсколько времени онъ ввелъ нѣсколькихъ раскольничьихъ учителей къ Патріарху; но тотъ отказался разсуждать съ ними о церковныхъ дѣлахъ,

говоря, что это не ихъ дѣло. Разумѣется, они приняли это за неувѣренность Патріарха въ себѣ или своемъ дѣлѣ, и проповѣди ихъ сдѣлались еще настойчивѣе; огромныя толпы народа собирались ихъ слушать. Это былъ совершенный соблазнъ. Уступить раскольникамъ, войти съ ними въ публичное преніе считали не безопаснымъ; разгонять ихъ силою тоже боялись, потому что между ними было много Стрѣльцовъ, да и Хованскій горячо за нихъ стоялъ. Злобились на него и Царевна и ея ближайшіе совѣтники, но ничего не могли сдѣлать, и не знали что придумать.

5-го іюля густыя толпы раскольниковъ нахлынули въ Кремль: впереди шли ихъ учителя съ книгами, образами, налоями, зажженными свѣчами, распѣвая гнусливыми голосами духовные гимны, между тѣмъ какъ у многихъ были за пазухою камни. Они наполнили всю площадку передъ Грановитою палатой; разложили свои налои, развернули книги, разставили образа, объявили, что не уйдутъ, пока не будетъ имъ дозволено преніе съ Патріархомъ. Нечего было дѣлать, надо было согласиться; но только Царевна не рѣшилась отпустить Патріарха на площадь, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ могъ подвергнуться опасности, а приказала впустить раскольничьихъ грамотеевъ въ Грановитую палату. Хованскій вышелъ объявить это; ересіархи были озадачены: они чувствовали себя сильными только на народѣ, и боялись, что во дворцѣ ихъ схватятъ и безъ долгихъ справокъ отрубятъ головы, либо сошлютъ въ дальніе монастыри. Но Хованскій увѣрилъ ихъ, что имъ нечего бояться. «Идемъ» воскликнулъ самый рѣ-

шительный изъ нихъ , попъ-разстрига , Никита , и смѣло пошолъ на Красное крыльцо. За нимъ пошли и другіе грамотеи и выборные отъ Стрѣльцовъ и наконецъ многіе изъ числа пришедшаго съ ними народа.

Царевна Софія съ нѣсколькими особами изъ Царскаго дома вступила въ палату и преніе открылось. Патриархъ приказалъ принести множество старинныхъ Греческихъ и другихъ книгъ , началъ было объяснять , доказывать , подбирать тексты ; но раскольники вовсе не затѣмъ пришли и нисколько не были расположены слушать поученія . « Мы пришли не о граматикѣ съ тобой толковать ! воскликнулъ ярый Никита : — ты отвѣчай на мои вопросы ! » Юсафъ былъ старикъ не очень ученый ; Архіепископъ Холмогорскій , Аонасіи , хотѣлъ поддержать его и началъ было говорить ; но Никита кинулся на него , схватилъ за бороду и вырвалъ изъ нея клочъ . Выборные Стрѣльцы едва могли оттащить отъ него этого бѣшанаго фанатика ! Вотъ каково было это ученое преніе ! Царевна тотчасъ же хотѣла его прекратить , но ее упростили еще потерпѣть нѣсколько . Это оказалось совершенно бесполезнымъ . Архіереи приводили одни тексты , раскольники другіе и никто не вымолвилъ того слова , на которомъ сходятся всѣ вѣроисповѣданія и секты Христіанскія , — слова любви и примиренія !

Звонъ къ вечернѣ прекратилъ это бесполезное , « словъ претыканье » ; Царевна вышла изъ Грановитой палаты ; за нею духовенство прошло во дворецъ Патриарха , а Никонъ и его братія , выдя на Красное крыльцо , закричали народу : « побѣдили , побѣдили ! »

По нашему молитесь, по нашему вѣруйте!» Слыша эти крики, народъ, который съ безпокойствомъ ожидалъ чѣмъ кончатся разсужденія Патриарха съ раскольниками, разумѣется, смутился, а раскольники громкими криками выражали свое торжество.

Однакожь Царевна рѣшилась положить этому конецъ; она потребовала къ себѣ Стрѣлецкихъ выборныхъ и сказала, чтобъ они выбирали между ею и нѣсколькими полуумными бродягами; они отвѣчали, что за нея готовы положить головы и обнадежили, что и прочіе Стрѣльцы ее не выдадутъ. Царевна поблагодарила ихъ и приказала переловить главнѣйшихъ изъ учителей раскола, что и было немедленно сдѣлано. Никитѣ отсѣкли голову, а прочихъ разослали по отдаленнымъ монастырямъ.

Царевну вообще похваляли за это; и точно, она избавила Москву отъ безпрестанныхъ безпокойствъ и страховъ, да Никита и въ самомъ дѣлѣ былъ отчаянный изуверъ. Однако были и такіе, которые говорили: топоромъ не научишь ни правильно разсуждать, ни вѣровать! если бы говорили они, священники въ деревенскихъ приходахъ научали свои паствы словомъ и дѣломъ, то старовѣрство и само лопнуло бы, какъ мыльный пузырь.

Раскольники либо разбѣжались изъ Москвы, либо попритѣхнули; только Хованскій одинъ не унимался. Онъ поссорился съ своими бывшими друзьями, съ Голицынымъ, съ Милославскимъ; не скрывалъ своей досады и на самую Царевну: такъ сильно онъ надѣялся на поддержку Стрѣльцовъ. За то же онъ ничего и не

падаиль, чтобъ пріобрѣсть ихъ расположеніе. Для нихъ, особенно для Московскихъ Стрѣльцовъ, ни въ чемъ не было у него отказа. Нѣкоторымъ изъ Московскихъ полковъ слѣдовало отправляться на службу, на украинскую границу; но имъ этого не хотѣлось, и полки эти продолжали оставаться въ Москвѣ. Стоило только стрѣльцу пожаловаться на своего Начальника, его выдавали на истязаніе, на *правежь*. (*) Стоило объявить претензію въ недоданномъ жалованьѣ за какіе нибудь прежніе годы, Хованскій черпаль изъ Царской казны, не справляясь долго, справедлива ли эта претензія, и если въ Царской думѣ встрѣчалъ хоть малѣйшее сопротивленіе, то грозилъ новымъ возмущеніемъ, и выходя къ Стрѣльцамъ, говорилъ: «Дѣти, я ничего не могу для васъ сдѣлать; бояре угрожаютъ и мнѣ самому; дѣлайте сами какъ знаете.»

Можно вообразить себѣ, что при этакомъ управленіи, Стрѣльцы сдѣлались для Москвы сущою бѣдою, Божіимъ наказаніемъ; завидя ихъ издали, всякій сторонился; женщины не осмѣливались выглянуть за ворота; это было совершенно, какъ Татарское нашествіе. Можно вообразить также, что Царевна жестоко раскаивалась въ томъ, что допустила такъ усилиться Хованскому, и искала только случая, чтобъ отъ него отдѣ-

---

(*) *Правежемъ* называлось усиленное добываніе, *выправленіе* долга съ неисправнаго платильщика: кредиторъ выводилъ его на площадь и билъ его ботогами, повторяя это ежедневно, до уплаты.

латься; а между тѣмъ она его боялась, и не было чело-
вѣка сильнѣе его во всемъ Государствѣ.

19-го августа храмовой праздникъ въ Донскомъ
Монастырѣ. Цари наши всегда строго соблюдали всѣ
церковныя празднества, являлись на крестные ходы
и т. п.; Царевна же пользовалась подобными случаями,
чтобъ показаться народу во всемъ величїи Правитель-
ственной власти. И вдругъ распространился слухъ,
что Хованскій замышляетъ истребить во время крест-
наго хода въ этотъ день весь Царскій домъ... Это
былъ, конечно, пустой слухъ, потому что, какъ ни
былъ силенъ Хованскій, очень сомнительно, чтобъ
Стрѣльцы рѣшились, даже и по его приказанію, на
такое дѣло: даже во время майскаго мятежа, когда
страсти очень были взволнованы, ими не было сдѣ-
лано никакого оскорбленія ни одному лицу Царскаго
семейства; они хвалились, напротивъ, что истребля-
ютъ злодѣевъ Царскихъ. Какъ бы то ни было, дворъ
обнаружилъ большую тревогу: *походъ* въ Донской Мо-
настырь былъ отложенъ и все Царское семейство по-
спѣшило оставить Москву, переѣзжая изъ одного под-
московнаго села въ другое.

2-го сентября, на другой день новаго (1683)
года, (*) на воротахъ Коломенскаго села, гдѣ нахо-
дился тогда дворъ, было найдено письмо съ надписью:
«вручить Государынѣ Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.»
Царевнѣ подали это письмо; она его распечатала и
приказала немедленно укладываться и готовиться въ

(*) До Петра новый годъ считался съ 1-го сентября.

путь: куда? никто не зналъ. Стали узнавать, развѣдывать, что это было за письмо такое: оказалось, что оно заключало извѣтъ объ огромномъ замыслѣ Хованскаго, который намѣревался будто бы истребить весь Царскій домъ, кромѣ одной Царевны Екатерины Алексѣевны, выдать ее за своего сына, Андрея, самъ хотѣлъ сдѣлаться Царемъ, поставить въ Патриархи кого нибудь «чтобъ старыя книги любилъ», перебить Черкасскихъ, Шереметевыхъ, Одоевскихъ, Милославскихъ и проч. Слушая это извѣстіе, люди здравомыслящіе протирали глаза и спрашивали себя, не во снѣ ли имъ грезится такая путаница?.. Что за Самсонъ такой этотъ Хованскій, чтобъ перевернуть все Государство вверхъ дномъ, передѣлать Правительство, перемѣнить Церковь?.. Или онъ съ ума сошелъ, или это письмо нелѣпная выдумка. Такъ думали люди здравомыслящіе; люди попроще били тревогу и кричали, что настала ихъ послѣдній часъ, а такихъ всегда бываетъ очень много; самые же тонкіе политики молчали, разумѣя, что это ничто иное, какъ интриги противъ Хованскаго.

Дворъ переѣхалъ въ Звенигородскій Монастырь. Оттуда Царевна, отъ имени Царей, разослала грамоты по всѣмъ городамъ, чтобъ дворяне и всякихъ чиновъ ратные люди спѣшили къ Москвѣ на защиту Царскаго дома и Православной вѣры противъ замысловъ Хованскаго... Глубокая интрига противъ Хованскаго начинала какъ видно раскрываться! Одинъ только онъ самъ не замѣчалъ и не видѣлъ ничего: такіе люди, какъ онъ, занятые однимъ собою, ничего кромѣ себя никогда не видятъ!.. И слѣпота Хованскаго была такъ

велика, что онъ самъ отдался въ руки своихъ враговъ, которымъ бы иначе, можетъ быть, и трудно было его взять посреди преданныхъ Стрѣльцовъ.

Вотъ какъ это случилось. Въ это время ѣхалъ въ Москву сынъ Малороссійскаго Гетмана съ большою свитою; Малороссія была тогда вновь присоединенная страна; Польша и Турція постоянно ее переманивали къ себѣ: надо было ее ласкать и голубить. По этому Гетманскому сыну приготовляли парадный приѣмъ. Пригласили и Хованскаго, какъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ, учавствовать въ этомъ церемоніалѣ, и что же? онъ такъ былъ простъ, что не колеблясь выѣхалъ изъ Москвы, когда со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ уже собиралось войско противъ него!.. Эта довѣрчивость доказываетъ однакожъ съ другой стороны, что онъ вовсе не имѣлъ тѣхъ фантастическихъ замысловъ, которые ему приписывали: теперь уже дѣлалось очевиднымъ всякому, что всѣ эти подметныя письма и исторія о всеобщемъ избіеніи больше ничего, какі сѣти, раскинутыя для погубленія Хованскаго.

И такъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы. Ѣхалъ онъ съ пышностію, которою всегда любилъ себя окружать; нѣсколько десятковъ Стрѣльцовъ сопровождало его. Проѣхавъ верстъ двадцать по Троицкой дорогѣ, онъ велѣлъ разбить шатры и расположился на ночлегъ. Между тѣмъ о выѣздѣ его изъ Москвы немедленно дали знать Царевнѣ. Она никакъ не могла ожидать такого легкаго успѣха! Тотчасъ призвала она къ себѣ князя Лыкова, приказала ему взять съ собою нужное число людей, безъ шума идти на встрѣчу Хованскому,

развѣдывая о немъ на каждомъ шагу, окружить его и взять добромъ или силою. Лыковъ исполнилъ все это въ точности: незамѣтно приблизился къ *табору* князя и объявилъ ему плѣнъ именемъ Царевны, къ которой немедленно подѣ крѣпкимъ карауломъ и отправилъ его. Точно также былъ взятъ и старшій его сынъ, Андрей, ѣхавшій другою дорогою.

17-го сентября, въ самый день именинъ Царевны, Хованскіе и захваченные вмѣстѣ съ ними ихъ приверженцы были привезены въ село Воздвиженское, гдѣ тогда находился дворъ. Старый князь былъ приговоренъ къ отсѣченію головы, и исполненіемъ этого такъ торопились, что не хотѣли дожидаться прибытія палача изъ Москвы, и обязанность эту заставили исполнить какого-то Стрѣльца Стремяннаго полка. Хованскихъ вывели, прочли имъ приговоръ; сначала князь Иванъ долженъ былъ положить голову на плаху; потомъ подошелъ Андрей, поцѣловалъ трупъ отца своего и тоже склонилъ голову; послѣ нихъ казнены взятые съ ними преданные имъ Стрѣльцы... Это происшествіе произвело большое впечатлѣніе. Всякій видѣлъ, что Хованскій мутитъ всю Москву; что этого безпокойнаго человѣка необходимо удалить, даже наказать, отнять у него охоту смущать народъ; но когда услышали о его казни, о казни безъ суда, сдѣланной съ такою поспѣшностію, какъ будто тайкомъ; когда вспомнили, что и Никита-распопъ потерялъ голову безъ суда же, — многіе печально опускали глаза. Что же это за Турецкое правосудіе! говорили нѣкоторые изъ дворянъ, спѣшившихъ къ Троицкому монастырю! Но такихъ было впрочемъ не

много; большая часть одобряла Правительницу, хвалила ея энергію, справедливо порицала Хованскаго, не обращая вниманія на то, что никакая вина не должна быть наказываема безъ внимательнаго разсмотрѣнія и безъ доставленія обвиняемому средствъ оправдаться, если онъ можетъ. Но въ грубыя времена, побѣжденные всегда почитаются виноватыми. Еслибъ Хованскій побѣдилъ, Милославскому пришлось бы класть голову на плаху!.. И много пролилось крови и у насъ и въ другихъ странахъ въ силу жестокаго закона возмездія!..

III.

ВТОРОЙ СТРЕЛЬЦКІЙ БУНТЪ.

Мятежъ Стрѣльцовъ. — Патриархъ дѣлается посредникомъ между дворомъ и ими. — Стрѣльцы приносятъ повинную. — Рѣчь къ нимъ Царевны. — Въ Стрѣлецкій приказъ назначается Шакловитый. — Москва успокоивается. — Польша предлагаетъ намъ союзъ противъ Турокъ. — Какія выгоды обѣщаль этотъ союзъ и овладѣніе Черноморскимъ берегомъ. — Старинные споры наши съ Польшею за Малороссію, за Смоленскую и Сѣверскую земли и проч. — Дѣльпъ устанавливается границею нашей съ Польшею; но другіе споры продолжаются. — Голицынъ прекращаетъ споръ къ выгодѣ Россіи. — Договоръ 1684 г. — Царевна именуется себя Самодержицею.

Второй сынъ князя Хованскаго былъ Стольникомъ при Царѣ Петрѣ и находился съ нимъ *въ походъ*; въ ночь, послѣдовавшую за казню его отца и брата, онъ тайно ускакалъ въ Москву, къ Стрѣльцамъ, и объявилъ имъ какая участь постигла ихъ «батюшку». «Убили его, говорилъ онъ, бояре безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома Царскаго. Переведутъ они и васъ. Посмотрите, со всѣхъ сторонъ идутъ къ Москвѣ ратные люди въ несмѣтномъ числѣ!» Стрѣльцы остервенились; ударили въ набатъ, схватили оружіе, кинулись

къ пушечному двору, достали тамъ пушки и пороху; одни хотѣли защищаться въ Москвѣ; другіе кричали: «пойдемъ на бояръ!» И всѣ они толпились на площадяхъ, бѣгали по улицамъ, гремѣли оружіемъ: точно Батый подступилъ къ Москвѣ! Въ это время вѣзжалъ въ Москву царскій гонецъ съ грамотою о казни Хованскаго; Стрѣльцы его схватили, съ толчками и угрозами привели къ Патріарху, гдѣ грамота и была имъ прочитана.

Если бы въ это время къ Москвѣ приблизилось царское войско, не мудрено, что произошло бы кровопролитіе; по счастію, Царевна этого умѣла избѣгнуть; отряды земской рати со всѣхъ сторонъ остановлены были въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, такъ, что до боя дойти дѣло не могло, а между тѣмъ Стрѣльцы должны были видѣть, что защищаться имъ, а тѣмъ болѣе «идти на бояръ» не возможно. По этому волненіе Стрѣльцовъ нѣсколько успокоилось; между тѣмъ отъ Царей прислана была грамота, которою имъ обѣщалось полное прощеніе, если они положатъ оружіе и пришлютъ выборныхъ съ повинною. Люди, которые были поспокойнѣе и поразсудительнѣе, совѣтывали покориться; но много еще было горячихъ головъ, которыя не хотѣли о томъ и слышать. Патріархъ принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе; онъ успокаивалъ тѣхъ, которые боялись жестокаго наказанія, уговаривалъ тѣхъ, которые сопротивлялись, указывалъ на сильную рать, которая окружала Москву, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ, добился того, что Стрѣльцы рѣшились послать своихъ выборныхъ

въ Троицкую Лавру, куда между тѣмъ переѣхалъ дворъ.

25-го сентября, стало быть черезъ недѣлю послѣ казни Хованскаго, эти выборные отправились. Очень многіе изъ нихъ еще не вѣрили, что обѣщанное имъ прощеніе не ловушка; думали, что имъ не воротиться живыми; съ горькими слезами прощались они съ своими семействами, жены и дѣти ихъ громко рыдали; они пошли съ веревками на шеѣ, волоча съ собою плахи, въ знакъ смиренія... Боязнѣ ихъ была однакоже совершенно напрасная; ихъ впустили на Монастырскій дворъ; Царевна вышла къ нимъ и сказала: «Люди Божіи, какъ не боялись вы Бога, поднимаясь противъ Государей, противъ Царскаго дома и сингклита? Развѣ забыли вы ваше крестное цѣлованіе?» Потомъ она сказала имъ, что, ради ихъ раскаянія, она прощаетъ и отпускаетъ ихъ съ миромъ, приказывая только возвратить забранные ими пушки и порохъ. Тогда только Стрѣльцы повѣрили, что головы ихъ останутся у нихъ на плечахъ.

Царевна при этомъ случаѣ въ первый еще разъ говорила публично и показывалась народу одна, безъ братьевъ, окруженная Царскою пышностію, сопровождаемая толпою царедворцевъ; одежда ея блестѣла золотомъ, жемчугомъ, разноцвѣтными камнями; на плечи ея была наброшена алая бархатная шуба, подбитая горностаемъ; молодое, прекрасное ея лицо сіяло величіемъ и разумомъ; свѣтлорусые волосы были подобраны подъ золотую шапочку, похожую на корону: видъ ея напоминалъ изображенія Греческихъ импера-

трицъ , и какъ ни ново было видѣть въ Россіи женщину, облеченную властію, никто въ эту минуту, глядя на Царевну, не подумалъ этому удивляться.

Москва успокоилась; Стрѣльцы въ точности исполнили приказаніе Царевны; желая еще болѣе очиститься въ ея глазахъ, они сваливали всю вину на молодого Хованскаго и отправили его въ Лавру; тамъ объявлена ему была смертная казнь, но Правительница не хотѣла и каплею крови запятнать свое торжество; онъ былъ прощенъ; довольно казней! Кровь гражданина должна проливаться только въ честномъ бою противъ враговъ внѣшнихъ! Въ то время впрочемъ рѣдко рассуждали такимъ образомъ и не долго задумывались отрубить человѣческую голову; не обошлось безъ нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ и послѣ этого , потому что Стрѣльцы отъ времени до времени пробовали волноваться; но начальникомъ имъ былъ поставленъ Шакловитый, человѣкъ рѣшительный и преданный Царевнѣ, который умѣлъ мало по малу завести порядокъ. Впрочемъ вообще замѣтить надобно, что казни были не часты во время правленія Софіи Алексѣевны; она не щадила только тѣхъ, кто угрожалъ ея власти.

Цари и все Царское семейство возвратилось въ Москву въ Ноябрь; вслѣдъ за тѣмъ была распущена земская рать.

Меньшой Царь, по прежнему, отправился въ Преображенское съ вдовствующею Царицей, своими дядьками и приближенными, и рѣдко, только по большимъ праздникамъ, пріѣзжалъ въ Москву, чтобъ участвовать въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ; въ управленіе же

Государством онъ, разумѣется, имѣя десять лѣтъ отроду, не могъ входить. Не болѣе его входилъ въ него и Иоаннъ, такъ что все правленіе, вся власть была въ рукахъ Царевны. Москва мало по малу успокоилась и забыла недавнія волненія, въ Государствѣ по прежнему было тихо.

Но въ сосѣднихъ земляхъ въ это время собиралась военная гроза. Турки, которые полтараста лѣтъ тому назадъ, были еще народомъ воинственнымъ и страшнымъ всей восточной Европѣ, вторгнулись въ Венгрію, проникли до самой Вѣны и осадили ее. Императоръ Германскій поспѣшно оставилъ свою столицу и потребовалъ помощи у Германскихъ Князей и другихъ своихъ союзниковъ. Храбрый Король Польскій, Янъ Собіесскій, первымъ явился на помощь Вѣны; смѣло кинулся съ своими удалыми Поляками на Турокъ и заставилъ ихъ снять осаду; между тѣмъ собрались Германскія войска, прибылъ Императоръ, и Турки, уже не въ состояніи будучи держаться противъ всѣхъ этихъ соединенныхъ силъ, побѣжали къ своимъ границамъ; побѣдители, воспламененные успѣхами, не только рѣшились ихъ преслѣдовать, хотя бы до самаго Константинополя, но и задумали вовсе изгнать ихъ изъ Европы.

Они понимали однакоже, что для этого имъ нужно соединить какъ можно болѣе войскъ, и потому они обратились ко многимъ Европейскимъ Государямъ, прося ихъ принять участіе въ дѣлѣ, священномъ для всего Христіанства. Папа благословилъ ихъ на это дѣло; Венеціанская Республика вызывалась помогать имъ сво-

имъ флотомъ. Король Янъ пригласилъ и насъ принять участіе въ этой войнѣ.

Это было въ началѣ 1683 г., то есть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Троицкаго похода; стрѣлцкое волненіе только что тогда затихло, и безразсудно было бы, не имѣя полной безопасности дома, пуститься въ отдаленные походы. Но предложеніе было заманчиво. Поляки, Нѣмцы, Венеціанцы тѣснили Турцію со всѣхъ сторонъ; Крымскіе Татары, которые были данниками Султана, не могли слѣдовательно надѣяться на его помощь, и если бы мы начали съ ними въ это время войну, то казалось, что на успѣхъ можно было надѣяться; одолѣть же этихъ стародавнихъ нашихъ злодѣевъ, потомковъ Батыя и Чингиса, выгнать ихъ изъ Крымскаго полуострова, было бы дѣломъ славнымъ и истинно полезнымъ, потому что лучшая часть Россіи, области Курская, Орловская, нынѣшняя Воронежская губернія, постоянно тревожимы были Татарами; города въ нихъ не успѣвали отстроиваться, поля почти ежегодно были притаптываемы татарскими конями, жители уводимы въ плѣнъ. При томъ достигнуть до Чернаго Моря, утвердиться на его берегахъ, значило открыть Россіи возможность начать торговлю, завести корабли, безъ чего ни одно Государство никогда не благоденствовало. Русскіе Цари, еще со времени Іоанна Грознаго, въ разное время старались пробиться къ Балтійскому морю и вели съ этою цѣлью долгія войны съ Ливонскими рыцарями, Поляками и Шведами. Теперь открывался случай добыть море, хотя, правда и не такое торговое, какъ Балтійское, но все же море;

какъ было не призадуматься слѣдовательно надъ предложеніемъ Польскаго Короля!

Между тѣмъ онъ продолжалъ объ этомъ переписку, и даже съ большою настойчивостью; ему хотѣлось, во чтобы ни стало, разрушить Турецкое Государство, и для этого онъ былъ готовъ на многія жертвы, ласкался къ нашимъ Государямъ, избѣгалъ всякихъ пограничныхъ споровъ, которые не рѣдки между сосѣдями. Императоръ Германскій, считавшійся старѣйшимъ между Европейскими Государями, преемникъ Римскихъ Кесарей, заискивалъ въ насъ, прислалъ въ Москву пословъ; Турецкій Султанъ съ своей стороны всячески старался намъ угождать, и, въ слѣдствіе нашей жалобы на Крымскаго Хана, поспѣшилъ его смѣнить... Такъ важнымъ считали объ воюющія стороны участіе Россіи въ этой войнѣ!

Сношеніями съ иноземными Государствами завѣдывалъ въ это время любимецъ Царевны, Голицынъ, съ которымъ мы уже нѣсколько знакомы; онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался такимъ положеніемъ Россіи; дѣлалъ видъ, что предложенія Польскаго Короля не представляютъ намъ никакихъ выгодъ, и давалъ чувствовать, что начать съ нимъ за одно войну мы не можемъ иначе, какъ окончивши тѣ споры, которые начались еще при прежнемъ царствованіи.

Надо знать, что еще со времени Царя Алексѣя у насъ не было прочнаго мира съ Польшею, а только перемирія. По условіямъ этихъ перемирій пограничныя области, то есть нынѣшнія губерніи Смоленская, Витебская, частію Черниговская и Могилевская перехо-

дили изъ рукъ въ руки, отъ Россіи къ Польшѣ и обратно; были постоянные споры и за Малороссію: съ того времени, какъ Богданъ Хмельницкій отдался Россіи, мы считали, что имѣемъ право на всю землю, которая населена южно-русскимъ народомъ, то есть какъ на четыре теперешнія Малороссійскія губерніи, лежація по лѣвую сторону Днѣпра, такъ и на Волинь и Подолію; Поляки съ своей стороны не хотѣли уступать этихъ земель. Мало по малу теченіе Днѣпра и Западной Двины обозначилось границами обоихъ Государствъ, но споръ еще не прекращался, во первыхъ, за города, лежащіе на переволокѣ между этими двумя рѣками и на ихъ верховьяхъ — за Невель, Себежъ и Велижъ, и за Кіевъ, который Россія очень желала приобрѣсть, какъ старинную столицу нашего Государства и колыбель ея христіанства. По послѣднему перемирію, заключенному при Царѣ Θεодорѣ, города Двинско-Днѣпровскаго переволока оставлены были за Польшею, а Кіевъ за Россіею, послѣдній только на два года; однако, хотя эти два года давно уже прошли, но мы все еще удерживали Кіевъ подъ разными предлогами.

Теперь представлялся благопріятный случай рѣшить этотъ давній споръ выгоднымъ для Россіи образомъ.

Въ 1684 году Король Польскій прислалъ въ Москву большое посольство для заключенія окончательнаго міра и союза противъ Турціи. Голицынъ началъ съ того, что предъявилъ требованія на всѣ названные города и земли. Поляки заспорили; грозили прекратить переговоры и оставить Москву; но мало по малу

стали уступать и, наконецъ, послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ почти ежедневныхъ споровъ, миръ былъ заключенъ: Велижь, Полоцкъ, Себежь переходили къ Россіи, Кіевъ утверждался за нею на вѣчныя времена вмѣстѣ съ Малороссіею лѣваго берега Днѣпра, и наконецъ Запорожью (*) положено было состоять подъ державою обоихъ Государей. Россія съ своей стороны обязывалась уплатить Польшѣ 146000 руб., объявить войну Турціи и начать ее нападеніемъ на Крымъ; заключая этотъ трактатъ, Россія вступила въ союзъ съ Цесарскою Имперіею и Венеціанскою Республикой, и миръ положено было не заключать отдѣльно, безъ согласія всѣхъ союзниковъ.

Тяжело было Польскимъ посламъ согласиться на всѣ эти уступки, не выговоривши для своего отечества ни малѣйшихъ выгодъ. Король Янъ со слезами подписалъ этотъ трактатъ; за то Царевна съ гордостью и веселіемъ поспѣшила повѣстить о немъ всей Россіи. «Никогда еще, писала она, при предкахъ нашихъ, Россія не заключала такого выгоднаго и славнаго договора... Преименитая держава Россійскаго Царства гремитъ славою во всѣ концы міра.»

Царевна могла тѣмъ съ большею гордостью писать эти слова, что всѣ переговоры были ведены ея любимцемъ и при томъ подъ непосредственнымъ ея ру-

---

(*) Запорожье, страна лежащая за порогами днѣпровскими; тамъ жили выходцы изъ числа украинскихъ казаковъ, самыя отчаянныя головорѣзы, опасные Турціи, Крыму, Польшѣ и иногда Россіи. Мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ подробнѣе.

ководствомъ. За то она щедро наградила и его, и всѣхъ другихъ участниковъ этого славнаго дѣла, сама же въ указѣ, возвѣщавшемъ о мирѣ, впервые назвала себя «благовѣрною Государынею, Царевною и Самодержицею».

III
(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО ЕВРОПѢ.

III.

ГОЛЛАНДІЯ И ГОЛЛАНДЦЫ.

Если надо гдѣ нибудь удивляться тому, что можетъ сдѣлать трудъ и воля человѣка, — такъ это, конечно, въ Голландіи!

До образованія Государствъ, когда народы, населяющіе теперь Европу, перемѣняли одно мѣсто на другое, они, за неимѣніемъ чего — другого, вездѣ находили землю; стоило обработать ее и засѣять, чтобы кормиться. Съ Голландцами было не такъ: въ той части Европы, куда пришли они, — земли не было.

Голландія представляла тогда одно огромное, топкое болото, на половину залитое моремъ. Какъ только вѣтеръ подымался съ моря, вода заливала и остальную часть.

Казалось бы, какъ тутъ жить? Но Голландцы надѣленные терпѣніемъ, волею и любовью къ труду, — не упали духомъ. Они прежде всего рѣшились защитить себя отъ морского прилива; съ этою цѣлію, по всему берегу, набили они свай, привалили къ нимъ

фашииннику, связаннаго изъ хворосту, и покрыли все высокимъ землянымъ валомъ.

Не шутка перекинуть плотину черезъ рѣку; каковъ же былъ трудъ оградить цѣлую страну отъ бушующаго моря!

Но трудъ этотъ еще маловаженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣ было сдѣлано. Голландія все-таки оставалась покрыта водою; среди топкихъ болотъ находилось множество озеръ; кромѣ того, черезъ нея протекали рѣки, которыя, съ каждой весной, разливались и затопляли ее окончательно.

Голландцы начали съ того, что прорыли черезъ болота каналы, куда бы могла сливаться вода во время весеннихъ разливовъ; чтобы вода не стояла на мѣстѣ и уходила въ море, они устроили черезъ каналы большія каменные шлюзы. Поднимаютъ шлюзъ съ той стороны, откуда прилила вода, и наполняютъ канаву; потомъ шлюзъ запрутъ и отворятъ другой на противоположномъ концѣ канавы, чтобы вода могла тотчасъ же уйти въ море.

Болота замѣтно стали просыхать; но земли все еще было мало по числу народа; она врядъ ли могла прокормить половину людей, жившихъ въ Голландіи.

Тогда одинъ голландецъ предложилъ осушить всѣ озера. Для этого онъ придумалъ выстроить вѣтряную мельницу, которая, вмѣсто того, чтобы ворочать жерновъ, — выкачивала бы воду посредствомъ насоса; для того, чтобы вода, выкачиваемая насосомъ, могла куда нибудь дѣться, — онъ придумалъ прорыть еще канавы отъ каждой мельницы до моря или до боль-

шихъ каналовъ. Всѣ ухватились за полезную мысль; мельницы съ насосами покрыли берега озеръ и закипѣла работа.

Съ каждымъ годомъ осушалось то одно озеро, то другое. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ труда неуспянаго, Голландія совершенно перемѣнила свой видъ; тамъ, гдѣ прежде плавали суда, — теперь желтѣли богатя нивы и трава росла по поясъ; все обстроилось городами и селеніями.

Но и въ теперешнее время, когда Голландія богата и превосходно устроена, она не могла бы существовать, еслибъ, вмѣсто Голландцевъ, жили тамъ люди другого нрава. Чтобы защищаться отъ моря, которое при каждой бурѣ грозитъ затопить ихъ отечество, они весь вѣкъ должны работать и поддерживать свои плотины. Стоитъ прозввать одну трещинку, одинъ обвалъ въ этой огромной плотинѣ, чтобы море размыло эту часть, ворвалось въ страну и потопило бы ее совершенно. Другой народъ, болѣе безпечный, неряшливый и лѣнивый, давно погибъ бы въ волнахъ, или, соскучась такимъ трудомъ, бросилъ бы все и ушелъ бы искать счастья въ другихъ земляхъ.

Голландцы, благодаря своему терпѣнію, своей настойчивости и трудолюбію, — остались.

Все въ Голландіи, — и страна и нравы и обычаи, — все достойно удивленья.

Въ Голландіи мѣстность плоская; красота ея заключается не въ видахъ; виды въ Россіи гораздо лучше. Голландія отличается привольемъ, чистотою и удобствами, которыя поражаютъ на каждомъ шагу.

Куда не глянешь, во всѣ стороны разстилаются сочные луга, перерѣзанные по всѣмъ направлѣніямъ каналами; точно яркой зеленой бархатъ, обшитый крестъ на крестъ серебрянымъ позументомъ. Несмѣтныя тысячи лучшихъ породистыхъ коровъ, стоя по брюхо въ травѣ, пасутся на этихъ лугахъ; вездѣ красуются уютные кирпичные домики; то здѣсь, то тамъ, — бѣлѣютъ каменные вѣтряныя мельницы, которыя весело машутъ крыльями; мѣстами, большія пространства заняты богатѣйшими городами и селеніями. Въ каждой деревушкѣ, выше всѣхъ домовъ, возносится къ небу церковная колокольня; вечеромъ, когда садится солнце и надъ всей землей носится звонъ колоколовъ, призывающихъ жителей въ храмъ Божій, — не оторвалъ бы, кажется, глазъ и вѣкъ смотрѣлъ бы и слушалъ!...

Голландцы народъ торговый, дѣятельный; и потому, круглый годъ, когда ни пріѣзжаешь къ нимъ, — находишь во всей странѣ большое движеніе. Каналы запружены судами и лодками, которыя идутъ во всѣ стороны. Въ Голландіи, перевозка съ мѣста на мѣсто, вся торговля и доставка дѣлаются не на колесахъ, какъ у насъ внутри Россіи, — а на лодкахъ, которыя тянутъ бечевою; для удобства, по краямъ каждаго канала устроена дорога, убитая щебнемъ и обложенная кирпичемъ, чтобъ не осыпалась. Такъ бываетъ въ тихую погоду или когда противный вѣтеръ; едва задуетъ попутный вѣтерокъ, голландецъ бросаетъ бечеву, садится въ лодку и подымаетъ парусъ. Часто лодкой управляетъ женщина. Овощи, масло, яйца, молоко, — словомъ, все, чѣмъ промышляютъ женщины,

перевозится изъ деревни въ городъ водою; нерѣдко видишь, какъ женщина, правя рулемъ, кормитъ въ тоже время грудью ребенка или занимается рукодѣльемъ.

Любо смотрѣть на ихъ здоровыя, свѣжія лица, на бѣлыя воротнички и рукавчики ихъ сорочекъ, на ихъ суконныя платья, чистые чулки и бѣлыя какъ снѣгъ чепцы изъ тонкой холстинки.

Чистота—первая потребность Голландскаго народа, первая его роскошь. Самая молоденькая женщина, самый записной деревенскій щеголь, скорѣе откажутъ себѣ въ бусахъ, въ шелковомъ платкѣ, въ шляпѣ и франтовскихъ башмакахъ, — лишь бы бѣлье было чистое. Тамъ народъ щеголяетъ бѣльемъ и чистотою, какъ у насъ пестрыми ситцами, позументами и другими наружными украшеніями.

Познакомившись нѣсколько съ наружнымъ видомъ Голландіи, — взгляните поближе на ихъ житье и обычаи.

Подойдемъ къ первому сельскому домику.

Весело смотрятся въ воду канала его гладкія кирпичныя стѣны и кровля изъ черепицы, которая покрыта глазурью, какъ у насъ изразцы на печкахъ; вмѣсто загородки, домикъ обнесенъ канавой съ водою; кругомъ посажены сирень, крыжевникъ, акація; вездѣ цвѣты и тоненькія дорожки, усыпанныя пескомъ; шести, воткнутые однимъ концемъ въ землю, другимъ прислоненные къ скату крыши, идутъ вокругъ всѣхъ стѣнъ, оставляя только мѣсто для двери и оконъ; по шестамъ вьются хмѣль, бобы, горохъ. На верхушкѣ кровли,

подлѣ трубы, маленькая деревянная надстройка; въ ней помѣщается гнѣздо, изъ котораго высовывается длинная шея аиста. Такія гнѣзда находятся непремѣнно на крышѣ каждаго голландскаго дома. Хозяинъ вполне счастливъ, когда аистъ полюбитъ домъ его и начнетъ вить гнѣздо на вышкѣ его кровли.

Здѣсь аисты въ такомъ жѣ точно уваженьи, какъ ласточки и голуби въ другихъ мѣстахъ; оно и понятно: аистъ истребляетъ лягушекъ, жабъ, крысъ и змѣй, которыя наводнили бы сырую, болотную почву Голландіи; существуетъ кромѣ того повѣрье, что аистъ приноситъ счастье хозяину дома, у котораго свиль гнѣздо.

Домъ, обвитый зеленью, кажется самъ какимъ-то теплымъ гнѣздышкомъ.

По срединѣ двери, съ наружной стороны, прикрѣпленъ желѣзный молотокъ; постучишь молоткомъ въ дверь, по обычаю, — и войдешь въ домъ.

Въ домѣ всего одна комната; стѣны и потолокъ обшиты гладкими досками, которыя, сверхъ того, покрыты еще маслянымъ лакомъ; все здѣсь блистаетъ чистотою; иначе впрочемъ и быть не можетъ: два раза въ недѣлю, стѣны, притолки, потолокъ, подоконники, все обмывается щелокомъ. Въ Голландіи чаще моютъ и чистятъ стѣны, чѣмъ у насъ бѣлье и одежду.

На право, во всю стѣну высокая печь устроенная въ видѣ камина; изнутри виситъ желѣзная цѣпь, къ которой привѣшенъ котелокъ; торфъ, который употребляютъ голландцы вмѣсто дровъ и который добываетъ-

ся въ болотахъ, укладывается на желѣзную рѣшетку, придѣланную къ поду. Даже тутъ нигдѣ не видно сажи и копоти; не сверкаетъ, точно никогда не было въ употребленіи. Полъ вымощенъ изразцами; чтобы не скрипѣлъ песокъ подъ ногами, въ разныхъ мѣстахъ разостланы шерстяные половики. Столы, стулья и лавки дубовыя; ихъ натираютъ воскомъ каждую недѣлю; къ соседней стѣнѣ придѣлана длинная полка, уставленная кружками и всякой посудой изъ олова; но все это такъ свѣтится, что кажется серебрянымъ; тутъ же лоснятся толстыя фаянсовыя тарелки и миски. Подъ этой полкой другая, поменьше; на ней рядкомъ лежатъ румяные, вымазанные яйцомъ и только что испеченные хлѣбы. Противъ печки, въ углубленіи, постель, завѣшанная ситцевымъ пологомъ съ пестрыми разводами; подлѣ чистенькая дѣтская колыбель.

Уже при входѣ въ это жилище вами овладѣваетъ чувство довольства, спокойствія и душевная тишина. Понятно, что Голландцы любятъ семейную жизнь. Чужому человѣку, — и то не хотѣлось бы выйти изъ такого дому.

Сравнивая нравъ и обычаи Голландцевъ съ нравомъ и обычаями другихъ народовъ, можно видѣть, какъ много значить жизнь семейная, какъ улучшаетъ она человѣка, какъ дѣлаетъ его добрѣе и обходительнѣе.

Обращеніе голландца съ дѣтьми и женою постоянно ласково, дружелюбно; но что говорить о женѣ и дѣтяхъ! Стоитъ взглянуть, какъ обращается голландецъ

съ животными, чтобы повѣрить, какъ семейная жизнь и просвѣщеніе умягчили его сердце, какъ много въ немъ добраго, христіанскаго чувства.

Войдите въ конюшню, въ клѣть, гдѣ коровы и овцы; тамъ все также чисто и удобно придумано, какъ въ самомъ домѣ: полъ гладко выстланъ плитами и усыпанъ пескомъ; каждое животное имѣетъ свое стойло и корму дается ему въ волю. Въ лугахъ, весною и осенью, ни одна голландская хозяйка не оставитъ корову не укутавъ ее хорошенько толстой фланелевой попоной. Такая заботливость къ животнымъ встрѣчается впрочемъ въ Англии, въ Бельгии и во многихъ мѣстахъ Франціи.

Нечего говорить о пользѣ, которая выходитъ черезъ такое обращеніе съ животными; тамъ каждая корова даетъ по три ведра молока въ сутки; лошадь, всегда сытая и здоровая, везетъ тамъ шестьдесятъ пудовъ также легко и свободно, какъ въ другихъ мѣстахъ двадцать пять.

Восходя отъ животныхъ къ людямъ, мы видимъ въ нравахъ Голландіи еще большую заботливость, вниманіе и доброту сердечную. Случается ли кому заболѣть въ деревнѣ или городѣ, съ этой минуты, ни одинъ сосѣдь не постучитъ въ дверь, не войдетъ въ домъ безъ спросу; для тѣхъ, кто желаетъ узнать о здоровьѣ больного, каждое утро привѣшивается къ наружной двери записка; въ ней извѣщается о состояніи здоровья больного. Тоже самое происходитъ и во время родовъ: никто не осмѣлится стучать подлѣ дома родильницы или войти къ ней; тамъ боятся испугать ее или побезпокоить.

Объѣзжайте всю Голландію, вы рѣдко услышите брань, даже въ народѣ; въ деревняхъ, ни буйныхъ попоекъ, ни дракъ; самые дома гдѣ продается пиво, совсѣмъ непохожи на кабаки: чистыя кирпичныя стѣны, блистающая изразцовая крыша съ аистомъ на верхушкѣ; кругомъ зелень; внутри все чинно и благопристойно. Довольно взглянуть на вывѣску такихъ домовъ, чтобы понять, какъ мало похожи они на наши кабаки; на каждой вывѣскѣ изображены здѣсь слѣдующія слова:

«Входите съ миромъ!»

Добрый, честный нравъ голландца выражается тѣмъ еще, что нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ страны, гдѣ бы столько было всякихъ богадѣленъ для обезсилѣвшихъ одинокихъ стариковъ и старухъ, пріютовъ для увѣчныхъ, даровыхъ больницъ; все это выстроено и содержится на счетъ всего общества. Каждый годъ, всякій голландецъ, даже бѣдный, даетъ добровольное приношеніе въ пользу тѣхъ, кто еще бѣднѣе или несчастнѣе.

Въ Голландіи, бѣдныхъ или собственно нищихъ, очень мало; причина тому, — врожденное расположеніе къ трудолюбію и большая умѣренность въ жизни. Тамъ бѣденъ тотъ только, кто не хочетъ работать; трудящійся человекъ имѣетъ все, чего можно желать при благоразуміи.

Богатствомъ своимъ голландцы сами себѣ обязаны. Источникъ этого богатства довольно любопытенъ и стоитъ рассказать о немъ.

Живя всегда подлѣ моря, голландцы издавна

еще были отличными моряками. Они почти первые начали строить корабли и первые стали ходить въ далекія чужія земли. Въ то время, одни Испанцы заходили такъ далеко. Добывая на дикихъ островахъ лѣсъ, золото, сахарный тростникъ, кофе, шелкъ, фарфоръ, голландцы провозили все это домой и потомъ продавали французамъ, англичанамъ и другимъ сосѣднимъ народамъ. Голландія была тогда какъ будто складочнымъ амбаромъ для всей Европы. Кромѣ того, она первая начала также заниматься рыбнымъ промысломъ въ большомъ видѣ; каждый годъ множество судовъ отправлялось изъ Голландіи въ сѣверныя моря; тамъ ловили голландцы китовъ для жиру, треску и сельдей; послѣдніе особенно обогатили ихъ; даже и теперь голландскія селетки считаются лучшими.

Но богатство не пошло бы въ прокъ, еслибъ опять не нравъ голландца. Штука нажить деньги, — штука умѣть сохранить ихъ. Голландцы, какъ я уже говорилъ вамъ, прежде всего народъ воздержанный, склонный къ простымъ потребностямъ семейной жизни. Онъ не любитъ жить кое-какъ, зря и на распашку; онъ охотно тратитъ деньги, но тратитъ ихъ благоразумно, съ расчетомъ и хочетъ, прежде всего, чтобы деньги шли на дѣло и на пользу.

Голландецъ никогда не думаетъ нажиться сразу, вдругъ; нажившись, онъ никогда не оставляетъ дѣлъ своихъ, не бросаетъ работы.

Вся тайна ихъ благосостоянія заключается въ постоянномъ трудолюбіи, воздержанности и простой жизни.

Зная чѣмъ прежде была Голландія и что сдѣлали изъ нея люди, ее населившіе, вы конечно отдадите имъ ту же дань удивленія и уваженія, которую отдаютъ имъ другіе народы Европы.

Д. Григоровичъ.

МНИМЫЙ ШПИОНЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СЕВАСТОПОЛѢ.

Въ Севастополѣ было много приключеній съ мнимыми шпионами. Я уже рассказаль читателямъ одно, случившееся со мною (*); вотъ другое.

Я большой любитель всякаго огнестрѣльнаго оружія и потому, тотчасъ, по прибытіи въ Севастополь, началъ заботиться всѣми мѣрами о приобрѣтеніи англійскихъ и французскихъ штуцеровъ; но доставать ихъ было не такъ легко, потому что начальникъ гарнизоннаго штаба сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ находямые на полѣ битвы и отбиваемые у непріятели штуцера (***) представляемы были въ гарнизонный штабъ. Ими снабжались, большею частію, греческіе волонтеры. За каждый штуцеръ казна выдавала принесшему пять цѣлковыхъ, но такъ какъ офицеры платили несравненно дороже, то и случались, разумѣется, разные грѣхи,

---

(*) Было напечатано въ одномъ изъ №№ Москвитянина 1855 года.

(**) Штуцера, а не ружья: послѣднія позволено было продавать и они дошли отъ 50-ти копѣекъ до 2-хъ рублей.

противъ которыхъ не было никакихъ средствъ. Солдаты сбывали добычу тайкомъ, по ночамъ или очень рано утромъ. Въ этомъ помогали имъ нерѣдко Донцы-молодцы, всегда являющіеся, какъ снѣгъ на голову, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Они скупали у солдатъ штуцера, перевозили ихъ ночью на Сѣверную и тамъ перепродавали осторожно офицерамъ. Каждый изъ сильно желавшихъ имѣть штуцеръ, имѣлъ его непременно, если только прилагалъ объ этомъ нѣкоторое стараніе и зналъ, гдѣ раки зимуютъ. Я приобрѣлъ въ непродолжительномъ времени 9 штуцеровъ самыхъ изящныхъ и разнообразныхъ. Они украшали мою фрегатскую каюту, располагаясь вокругъ, по стѣнамъ и бимсамъ, въ разныхъ живописныхъ положеніяхъ. На нихъ приходили заглядываться мои пріатели и щелкать звонко поющими, гармоническими замками. Тотъ не охотникъ, у кого не билось сердце при взводѣ пріятнаго, артистическаго замка. Истинному охотнику это пѣніе доставляетъ не меньше удовольствія, чѣмъ выслушанная итальянская арія. — Кажется, довольно 9-ти штуцеровъ. Даже, по всѣмъ вѣроятностямъ, я имѣлъ представителей отъ всевозможныхъ войскъ: у меня былъ и венсенскій штуцеръ, и штуцеръ зуава, и пара великолѣпныхъ англійскихъ штуцеровъ, разнаго вида и достоинства, и нарѣзное ружье араба (*tigailleur indigène*), и картинный, поэтическій штуцеръ французскаго офицера, на который преимущественно заглядывались всѣ взоры и о которомъ я не могу вспомнить безъ особеннаго грустнаго чувства: надо знать, что всѣ эти

штуцера погибли въ Коварнскомъ пожарѣ (*)... И такъ, казалось бы, довольно, но предѣла человѣческимъ желаніямъ не постановлено, а потому я старался постоянно разузнавать, не продается ли гдѣ еще какого нибудь рѣдкаго штуцера. Агенты мои, преимущественно казаки, дѣйствовали, по истинѣ, неусыпно.

11-го мая (1855), вечеромъ, я узналъ, что послѣ стычки, бывшей наканунѣ, въ ночь, за ложементы (**) противъ 5-го бастіона, — продавались — утромъ 11-го мая, въ Морской улицѣ, штуцера, но покупателей оказалось немного, по раннему времени, а когда ободняло совсѣмъ и въ улицахъ мелькнули штабные жандармы, — продавцы штуцеровъ внезапно скрылись и, вѣроятно, явятся на другой день въ такое же время.

Я всталъ какъ только начало свѣтать и переѣхалъ черезъ бухту. Извѣстно, что въ ту ночь (т. е. съ 11-го на 12-е мая) была вторичная стычка въ ложементахъ; извѣстно также, какъ близко это мѣсто отъ Морской улицы, по которой мнѣ должно было идти. Небо горѣло въ той сторонѣ, гдѣ шель бой, — отъ меня направо. Гранаты и бомбы лопались кругомъ, въ разныхъ улицахъ; ядра шипѣли и врѣзывались въ дома. Сопровождаемый такою музыкой (которую я, впрочемъ, очень люблю, самъ не знаю, почему, и теперь, съ перомъ въ рукѣ, за моимъ тихимъ столикомъ вспоминаю,

---

(*) Пожаръ на фрегатѣ Коварнѣ, 1855, 26 августа.

(**) Ложементъ — заваль, насыпь, за которую залегаютъ ночью штуцерные и остаются тамъ на цѣлый день.

съ тайнымъ біеніемъ сердца, объ этихъ минутахъ) — сопровождаемый этою музыкой, я маршировалъ, сначала, почти одинъ одинешенекъ, по пустыннымъ площадямъ и улицамъ и потомъ поворотилъ въ Морскую, которая собственно только одна и была похожа на улицу. Остальныя глядѣли какими-то корридорами. Я не чувствовалъ тогда ни малѣйшаго страха, такая выпала минута, — напротивъ, поглядывалъ очень весело на горѣвшее небо...

Въ концѣ Морской, гдѣ начинается базаръ, двигалось уже довольно много народу; больше всего, какъ водится, было солдатъ, въ однихъ рубашкахъ и подштаникахъ; часто даже безъ шапки. Нѣкоторые изъ нихъ, тутъ же, подъ навѣсами опустѣлыхъ лавокъ, имѣли постоянное пребываніе. Главная часть улицы была занята на ту пору Углицкимъ полкомъ. Обойдя весь базаръ и не видя ровно никакихъ штуцеровъ, я спросилъ у одного солдата, чистившаго ружье: «не знаетъ ли онъ, гдѣ бы купить штуцеръ?» — онъ поглядѣлъ на меня весьма подозрительно и отвѣчалъ, что не знаетъ. Я спросилъ у другого, потомъ у третьяго. Третій сказалъ, что у нихъ штуцеровъ нѣтъ, а вотъ, у Ивана Захарова, унтеръ-офицера въ такой-то ротѣ, есть французскіе патроны, сумки и тому подобныя вещи, а можетъ, есть и штуцеръ. Разумѣется, штуцера были, но солдатъ мудренъ: не оглядѣвъ напередъ покупателя, какъ слѣдуетъ, онъ не продастъ ничего. Я пошелъ къ Ивану Захарову и засталъ его за работой, подъ такимъ же лавочнымъ навѣсомъ, среди нѣсколькихъ товарищей. Вѣроятно, Иванъ За-

харовъ преимущественно передъ всѣми другими занимался продажей иностранныхъ предметовъ, по части оружія, одежды и прочаго, а потому и самъ глядѣлъ полу-французомъ: онъ былъ въ старыхъ зуавскихъ штанахъ, однако же босикомъ и въ рубашкѣ; на головѣ у него красовалась обыкновенная армейская шапка французовъ, — кѣрі. Иванъ Захаровъ, оглядѣвъ меня, сказалъ прямо: «посидите тутъ, я сейчасъ принесу!» — и побѣжалъ куда-то, а я сѣлъ на его мѣсто и сталъ осматривать любопытный навѣсъ, подъ которымъ сидѣло и лежало довольно много солдатъ, занятыхъ разнымъ дѣломъ. Кто чинилъ брюки, кто тачалъ сапоги. Иной, работая, мурлыкалъ пѣсню; иные разговаривали; другіе спали, храпя на всю улицу... впереди стояли ружья съ навѣшенными на нихъ сумками. Не успѣлъ я путемъ осмотрѣться и вслушаться въ рѣчи моихъ сосѣдѣй, не обращавшихъ на меня ни малѣйшаго вниманія, какъ вдругъ, противъ меня, явилась куча солдатъ, всѣ въ однѣхъ рубашкахъ и безъ шапокъ, кромѣ одного, который былъ въ шинели и въ фуражкѣ, повидимому, унтеръ-офицеръ. Двое изъ нихъ быстро подошли ко мнѣ: «вы что тутъ дѣлаете, ваше благородіе?» спросилъ одинъ. — Ищу, нѣтъ ли у кого штуцеровъ.

— Пожалуйте въ штабъ! сказалъ унтеръ-офицеръ и хотѣлъ было съ другимъ солдатомъ взять меня подъ руки, но я отстранилъ ихъ и объяснилъ, что такъ какъ они же называютъ меня «благородіемъ», т. е. офицеромъ, то и не должны брать подъ руки. «Мы

и не беремъ!» сказали солдаты, отодвинувшись: «а вы все-таки пожалуйте въ штабъ!»

Я всталъ и пошелъ, окруженный по сторонамъ солдатами; сзади также тянулись солдаты, чуть не цѣлый полкъ. Уже значительно ободняло и въ улицахъ показался народъ. Все это, завидѣвъ тянущуюся процессію, присоединялось къ намъ, спрашивало и толковало. Подъ конецъ Морской улицы, меня проводжали самыя разнообразныя лица: и повара, навьюченные провизіей, и крендельщики съ кренделями, и какой-то оборванецъ съ жестянымъ ведромъ, въ которомъ что-то было налито; видѣлись даже бабы и ребятишки. Вся толпа была увѣрена, что сопровождаютъ настоящаго шпиона. Это былъ единственный случай, когда меня принимали за дѣйствительнаго шпиона; въ другіе разы брали какъ-то шутя. Сзади меня раздавались разныя сужденія о моей одеждѣ. Точно, мой сюртукъ былъ не слишкомъ знакомою формою на южной сторонѣ, но одинъ солдатъ обратилъ вниманіе и на шинель, которая смотрѣла, какъ и всѣ шинели. «Говорить по русски какъ бы и нашъ, — объяснялъ онъ: а шинель-то совсѣмъ не наша и сукно не такое!» — Много пришлось мнѣ выслушать подобныхъ замѣчаній. Я шелъ молча, не зная еще хорошенько, куда меня ведутъ: въ гарнизонный штабъ, или въ главный? Хотя въ послѣднемъ я былъ бы дома, но до этого дома считалось цѣлыхъ 6 верстъ, по горамъ и балкамъ. Вовсе было бы непріятно совершить это путешествіе. Мы стали приближаться къ Николаевской

батареѣ. «А что, не зайти ли прямо къ Коменданту?» сказалъ одинъ изъ моихъ провожатыхъ. — Комендантъ жилъ въ Николаевской батарее; но я тогда еще не зналъ объ этомъ, а потому и спросилъ: «къ какому Коменданту?» — Небось знаете, какой въ Севастополѣ Комендантъ, коли вы изъ здѣшнихъ! — отвѣтилъ мнѣ солдатъ и моргнувъ товарищу, что означало: «видишь, сбивается! Коменданта не знаетъ: ясно, что шпионы!» — Я промолчалъ. Общій голосъ проводниковъ рѣшилъ, что лучше и ближе всего идти къ Коменданту. Мы поднялись по лѣстницѣ вверхъ, на второй этажъ батареи, и очутились на площадкѣ, передъ дверями въ квартиру Коменданта. Я взглянулъ назадъ, внизъ: вся лѣстница была покрыта народомъ. Тутъ же видѣлось и желѣзное ведро. Замѣьте: все это были однѣ рубашки; большая половина даже безъ шапокъ и босикомъ. Двое изъ провожатыхъ: унтеръ-офицеръ въ шинели и другой, солдатъ, въ рубашкѣ и въ подштаникахъ, пошли, вмѣстѣ со мною, къ Коменданту. Черезъ минуту генераль вышелъ къ намъ и увидѣлъ разнообразные костюмы. — «Что вы, бѣглаго, что ли привели» началъ онъ, обратясь ко мнѣ и указывая на одного изъ моихъ проводниковъ, который былъ уже слишкомъ внѣ всякой формы. — Нѣтъ, ваше превосходительство: онъ привелъ меня, а не я его! — «Зачѣмъ вы привели ко мнѣ этого офицера?» спросилъ Комендантъ у моихъ провожатыхъ. «Да они ходятъ по базару, спрашиваютъ штуцерей, мы и думали, что не нашъ!» отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ. «Почему же свой не можетъ спрашивать штуцерей?» сказалъ Ко-

мендантъ, смѣясь... Не помню, что отвѣчали солдаты. Чтобъ кончить все это скорѣе, я предложилъ генералу послать къ адъютантамъ начальника гарнизона, которые знали меня всѣ. — Квартира начальника гарнизона была тутъ же въ батареѣ, въ двухъ шагахъ отъ Коменданта. Онъ хотѣлъ было послать, какъ вдругъ вошелъ въ комнату одинъ морякъ, лейтенантъ Ф., бывавшій у меня часто на Коварнѣ. Мы взглянули другъ на друга — и все тотчасъ объяснилось. «Вы не имѣете претензіи на этихъ солдатъ?» спросилъ у меня Комендантъ. — Ни малѣйшей: этотъ случай говоритъ въ пользу ихъ усердія. — Солдаты были отпущены, съ небольшимъ наставленіемъ, кого брать и кого не брать, а мы съ лейтенантомъ Ф., пробывъ у генерала нѣсколько минутъ, отправились по домамъ. «Что это за исторія?» спросилъ онъ у меня дорогой. Я рассказалъ подробно. «Опять штуцера!... да когда же вы кончите?... однако, такъ какъ я васъ выручилъ, то выручите и вы меня!» — Что такое? — «Дѣло все-таки въ штуцерахъ!» и онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

Близъ одного водопровода, на Корабельной сторонѣ, стоялъ какой-то домикъ, чья-то бывшая дачка. Французы, занявъ это мѣсто, собирались по вечерамъ въ домикъ и стрѣляли черезъ бухту, въ Голландію (*), по тамошнимъ садамъ и дачамъ, гдѣ жило спокойно, какъ въ болѣе безопасномъ пунктѣ, нѣсколько семействъ, — женъ и дѣтей морскихъ офицеровъ. Но съ той минуты, какъ Французы стали пострѣливать

(*) Мѣсто въ концѣ одной балки, близъ кладбищенской горы, на сѣверной сторонѣ Севастополя.

изъ домика, въ Голландіи сдѣлалось весьма не безопасно. Нельзя было ни гулять по садамъ, ни купаться въ бухтѣ. Вскорѣ на берегу подняли убитаго казака. Надо замѣтить, что разстояніе черезъ бухту было очень велико: не менѣе версты. Французы стрѣляли, разумѣется, навѣсно, приладивъ штуцеръ на какомънибудь особо придуманномъ станкѣ. Въ тихую погоду, когда море у береговъ не волновалось, — изъ за бухты можно было легко увидѣть, съ помощію трубы, въ какомъ мѣстѣ пуля рябитъ поверхность воды и, соответственно съ этимъ, подымать, или опускать штуцеръ и, наконецъ, пригнать такъ, что пули будутъ ложиться около одной извѣстной точки. — Нѣкоторыя семейства уѣхали со страху изъ Голландіи; другія перестали гулять и сидѣли постоянно дома, но и тутъ пуля иногда разбивала окно и свистѣла надъ головами семьи, тихо бесѣдующей за самоваромъ. Мужчинамъ, жившимъ въ Голландіи, досадно было то, что Французы, потѣшая себя такою стрѣльбою, сами остаются не наказанными и спокойно разгуливаютъ по берегу и купаются въ бухтѣ. По какому-то случаю, ни у кого изъ жителей Голландіи не было штуцеровъ. Лейтенантъ Ф. вспомнилъ обо мнѣ и собирался поговорить со мной о штуцерахъ, а самъ между тѣмъ устроилъ въ одномъ домикѣ, ближайшемъ къ берегу, станокъ и наготовилъ патроновъ. Случай привелъ намъ встрѣтиться раньше, нежели думалъ Ф. Такъ какъ я любилъ свои штуцера страстною любовью и разстаться съ ними не могъ, то и обѣщалъ пріѣхать въ Голландію лично и провести тамъ нѣсколько дней на предполагаемой охотѣ, но это

только такъ легко сказалось. Когда же я дѣйствительно сталъ собираться на эту охоту, — какъ-то невольно, безсознательно откладывалась поѣздка день за день; всякій разъ меня смущало какое-то тяжелое, безпокойное чувство: охотиться равнодушно за людьми мнѣ казалось очень жестокимъ...

Спустя нѣсколько дней мы узнали, что на наше мѣсто, приготовленное лейтенантомъ Ф., посажены штуцерные, которые угомонили французскихъ шалуновъ очень скоро, — и охота за купающимися и гуляющими прекратилась.

Черезъ годъ послѣ этого, мнѣ случилось проѣзжать по Морской улицѣ, мимо того самаго базара, гдѣ я былъ взятъ солдатами Углицкаго полка. Все смотрѣло далеко не такъ. По сторонамъ — разбитыя зданія; въ улицахъ двигались Французы и Англичане; въ воздухѣ тихо... Какъ грустно звучало въ этой тишинѣ копыто моей лошади!... Бухта глядѣла какой-то пустыней, гдѣ, мѣстами, изъ волнъ торчали мачты затопленныхъ судовъ. Николаевская батарея не существовала вовсе: въ большой кучѣ мусора трудно было указать то мѣсто, гдѣ подымалась когда-то лѣстница, по которой я всходилъ къ Коменданту, и на которой толпился народъ... но память быстро нарисовала мнѣ все это, и мнѣ мелькнуло жестяное ведро, и лица солдатъ, казалось, выглянули изъ за камней, а за плечами послышался русскій голосъ: «а вотъ шинель-то не наша!..»

РУССКАЯ СТАРИННАЯ РУКОПИСЬ.

.....Все передь лампадой
Старикъ сидить, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ...

Пушкинъ.

I.

Близъ стольнаго города Кіева, на томъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь великолѣпная лавра, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ стояла маленькая деревянная церковь, съ нѣсколькими убогими кельями для монаховъ, обнесенная простымъ деревяннымъ тыномъ.

Тихая южная ночь одѣла полумракомъ и широкій Днѣпръ, и старый Кіевъ съ его великокняжескими теремами, и убогую Печерскую обитель. Но въ монашескихъ кельяхъ и покой ночи не прекратилъ труда. Въ одной изъ келій, скудно освѣщенной лампадою, трудолюбивый инокъ пишетъ книгу, наклонившись надъ листами пергамента и неумоимо выводя одна за другою крупныя уставныя буквы; близъ него монахъ преклонныхъ лѣтъ занятъ другой работой, — написанные листы онъ искусно сшиваетъ въ тетради и соста-

вляеть изъ нихъ книгу; здѣсь же еще одинъ благолѣпный старецъ готовить нитки, нужныя для этой работы: онъ прядеть ихъ и въ то же время поеть богодухновенные псалмы Давида. Тихіе напѣвы старца одни нарушаютъ тишину кельи. Мирно совершается благочестивый трудъ иноковъ до той поры, пока удары деревяннаго била не позовутъ ихъ къ полуночной молитвѣ.

Это келья преподобнаго Θεодосія; это его сотрудникъ великій Никоу дѣлаеть (переплетаетъ) книги; а пишетъ — ученикъ его, черноризецъ Иларіонъ, который, по словамъ лѣтописца Нестора, хитръ былъ писать книги, и писалъ ихъ дни и ночи въ кельѣ у блаженнаго отца Θεодосія».

Здѣсь, въ этой кельѣ, можно сказать, родилась наша старинная рукопись, потому что здѣсь положено начало того благочестиваго труда, который свято соблюдался потомъ въ каждомъ монастырѣ, — труда писать, т. е. списывать и переписывать книги.

II.

Изъ убогой Печерской обители перейдемъ теперь въ старый Кіевъ. Тамъ, въ великокняжескихъ палатахъ цѣлыя клѣты были наполнены книгами и за рѣзными дубовыми столами постоянно сидѣли писцы, занятые перепискою книгъ.

Еще при великомъ князѣ Ярославѣ, сынѣ Владимира, было собрано много книгъ: по словамъ Нестора,

«онъ любилъ книги, много списалъ ихъ и положилъ въ святой Софіи», т. е. въ Кіевософійскомъ соборѣ, который самъ и построилъ въ память константинопольскаго Софійскаго храма. Но особенно отличался любовью собирать драгоценныя книги сынъ Ярослава Святославъ, княжившій въ Кіевѣ въ то самое время, когда преподобный Феодосій былъ игуменомъ Кіевопечерскаго монастыря. Онъ-то собралъ множество писцовъ и наполнилъ книгами цѣлыя клѣти въ своихъ великокняжескихъ палатахъ.

И послѣ нихъ были князья, которые любили читать книги и собирали ихъ; но княжескія дѣла и заботы мѣшали имъ дѣлать это съ такимъ усердіемъ, какъ дѣлали Ярославъ и Святославъ. У нихъ шли постоянные споры изъ-за удѣльныхъ владѣній, постоянныя кровавыя войны, а потомъ, въ самомъ разгарѣ этихъ взаимныхъ распрей, нахлынули Татары: князьямъ было нѣкогда заботиться о книгахъ.

III.

И остались, такимъ образомъ, неизмѣннымъ пріютомъ книгописанія однѣ тихія монастырскія кельи. Здѣсь всегда было довольно людей, подобно Иларіону, *хитрыхъ писать книги*; и они, не смотря ни на какія невзгоды, неутомимо занимались этимъ полезнымъ дѣломъ, посвящая ему часы,

свободные отъ подвиговъ духовныхъ.

Что искусство писать книги процвѣтало особенно

въ монастыряхъ, что здѣсь по преимуществу занимались книгописаніемъ, это происходило во первыхъ отъ того, что каждый монастырь имѣлъ въ книгахъ крайнюю нужду: безъ книгъ невозможно отправлять богослуженія; книги необходимы и для чтенія въ общихъ собраніяхъ — на трапезѣ, и по кельямъ. А пріобрѣтать книги въ старину было трудно, да и не каждый монастырь имѣлъ для того средства, потому что рукописныя книги, требовавшія большого труда, продавались дорого. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда рукописи не составляли уже большой рѣдкости, небольшая и невысокаго письма книга стоила 30 алтынъ; а это были въ то время значительныя деньги; на нѣкоторыхъ же книгахъ написаны такія цѣны: «дано сто двадцать сребреницъ московскихъ», или: «три рубля двадцать алтынъ!» Такимъ образомъ самая нужда въ книгахъ побуждала монаховъ заниматься списываньемъ ихъ.

Но особенно процвѣтанію книгописанія въ монастыряхъ способствовало то обстоятельство, что на трудъ списыванія книгъ иноки смотрѣли, какъ на трудъ спасительный для души: они справедливо думали, что написать назидательную книгу значило сдѣлать столь же полезное и важное дѣло, какъ потрудиться въ поварнѣ, или послужить братіи на трапезѣ, или исполнить какое-либо другое монастырское *послушаніе*. Вотъ почему въ каждомъ монастырѣ были благочестивые иноки, со всеѣмъ усердіемъ посвящавшіе себя труду книгописанія.

Дѣйствительно, иноки-писцы смотрѣли на трудъ

свой, съ начала и до конца, какъ на трудъ богоугодный. Приступая къ списыванію какой нибудь книги, инокъ обыкновенно обращался съ молитвою къ Богу, чтобъ Онъ Самъ благословилъ начало труда; кромѣ того просилъ благословеніе у старца-отца духовнаго, или у игумена, который нерѣдко самъ назначалъ ему и книгу для списыванія. Потомъ, во все время своего труда, онъ старался сохранить полное вниманіе къ нему и особенно заботился о томъ, чтобъ избѣжать разсѣянности, столь неумѣстной въ дѣлѣ богоугодномъ: и вотъ почему, между прочимъ, всѣ древнѣйшія рукописи отличаются такою тщательностью письма и такъ мало имѣютъ ошибокъ. Окончивъ рукопись, инокъ опять обращался съ молитвой къ Богу и благодарилъ Его за помощь въ совершеніи спасительнаго дѣла.

Слѣды благочестиваго настроенія древнихъ писцовъ донинѣ сохранились въ разныхъ надписяхъ, какія обыкновенно дѣлались писцами въ началѣ или концѣ рукописей. Эти надписи живо изображаютъ намъ благочестивыхъ тружениковъ и сообщаютъ что-то живое ихъ мертвому труду. Иногда въ началѣ рукописи писецъ означалъ день, съ котораго начиналъ свой трудъ, или писалъ коротко: «начало съ Богомъ святымъ»; а иногда писалъ цѣлую молитву, какъ напр. «Господи Иисусе Христе, припадаю къ твоей благодати, помози мнѣ грѣшному сіе желаемое мною съ твоею помощію начать и совершить.» Нерѣдко также писцы дѣлали замѣтки и по листамъ, съ означеніемъ что въ какое время было написано: напр. «азъ, грѣшный Констан-

тинъ инокъ, сіе написалъ на страстной недѣлѣ въ среду,» «сіе же написалъ въ вознесеніе Господне до обѣдни. Господи Іисусе Христе, помилуй мя.» Впрочемъ чаще всего подписи дѣлались въ концѣ рукописей. Онѣ были довольно разнообразны. Иногда писали просто: слава совершителю Богу, совершающему всяческое! Потрудился грѣшный и недостойный инокъ такой-то,» или «всякому дѣлу благому Христоръ есть начало и конецъ, тому слава въ безконечныя вѣки, аминь.» Часто писали такъ: «края (т. е. конца книги) достигохъ о Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ,» и потомъ означался годъ, мѣсяцъ и день, когда кончена книга и при какомъ великомъ князѣ. Нерѣдко также въ концѣ книги писецъ дѣлалъ обращеніе къ читателю: «отцы и братія, если я что нибудь не дописалъ, или переписалъ, или описался какъ нибудь, сами исправьте Бога ради, а меня не кляните, но простите и поминайте въ вашихъ молитвахъ Господа ради.» Всѣ такія замѣтки и надписи, сдѣланныя писцами, служатъ яснымъ свидѣтельствомъ ихъ глубокаго уваженія къ книжному дѣлу и благочестивыхъ чувствъ, съ какими они исполнили это полезное дѣло.

Встрѣчаются нерѣдко въ концѣ рукописей и надписи другого рода, — различныя изрѣченія о пользѣ книгъ, о глубинѣ заключеннаго въ нихъ разума, или обращенія писца къ будущему читателю рукописи, новому переписчику ея и тому, кто будетъ владѣть рукописью, обращенія, написанныя иногда въ стихотворной формѣ, какъ напр.

Веселися зѣло, о прочитай!
Бодрствуй, крѣпися преписуай!
Многолѣтствуй во благихъ, о имѣй!

Или, наконецъ, объясненія самаго писца въ родѣ слѣдующаго: «какъ заяцъ радъ, тенеть избылъ (т. е. освободился отъ тенета); такъ азъ радъ — книгу сію списалъ.» Надобно замѣтить, что подобныя надписи принадлежатъ не писцамъ—инокамъ: онѣ встрѣчаются большею частію на книгахъ не строго духовнаго содержанія и сдѣланы или писцами любителями, которые въ свободное отъ домашнихъ занятій время любили читать и списывать книги, или писцами, которые трудились по заказу, писали для продажи, такъ сказать писцами—ремесленниками.

IV.

Итакъ, и нужда въ книгахъ, и глубокое уваженіе иноковъ къ труду книгописанія были причиною, что искусство писать книги особенно процвѣтало въ монастыряхъ. Каковы же были тѣ книги, надъ списываніемъ которыхъ съ такимъ усердіемъ трудились иноки?

Содержаніе старинныхъ рукописей очень разнообразно.

Первое мѣсто между ними принадлежитъ книгамъ, необходимымъ для отправленія церковныхъ службъ: онѣ явились у насъ прежде всѣхъ другихъ и списывать ихъ побуждала самая необходимость. Это были

именно книги священныя: *Евангеліе*, *Апостоль*, *Псалтирь* царя Давида, *Паремейникъ* (т. е. собраніе паремій, избранныхъ чтеній изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта). Въ старину Евангеліе и писалось большею частию въ томъ порядкѣ, какъ читается оно въ церкви, начиная со дня Пасхи. (*)

За книгами священными слѣдуютъ книги собственно такъ называемыя богослужебныя; это *Часословъ*, *Служебникъ*, по которому отправляется литургія и другія дневныя службы, *Уставъ*, *Минеи*, въ которыхъ излагаются службы на всѣ церковныя праздники, службы различнымъ святымъ и вообще на каждый день мѣсяца, отъ чего произошло и самое греческое названіе книги минея; и др.

Необходимѣйшія изъ этихъ книгъ явились на Русь въ то самое время, когда Русь приняла Христіанство: ими снабдила насъ единовѣрная намъ Болгарія, гдѣ, не задолго предъ тѣмъ, онѣ были переведены съ греческаго на славянскій языкъ двумя братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Эти самыя книги первоначально и распространялись у насъ посредствомъ списыванья; потомъ выраженія неполнѣ понятныя для русскихъ были замѣнены выраженіями болѣе понятными, а нѣкоторые свѣдущіе люди исправляли ихъ даже и по греческому подлиннику, и въ такомъ постепенно исправляемомъ видѣ онѣ переходили въ руки писцовъ.

(*) Евангеліе, написанное такимъ образомъ, называется обыкновенно греческимъ словомъ *апракосъ* или, правильнѣе, *апрактосъ*, т. е. Евангеліе *недѣльное*, по порядку недѣльныхъ чтеній въ церкви.

Итакъ трудъ переписчиковъ болѣе всего посвящаемъ былъ книгамъ церковно-богослужебнымъ, что не прекращалось до того самаго времени, какъ явилось у насъ книгопечатаніе, которое и приложено было прежде всего къ книгамъ богослужебнымъ.

Другой весьма обширный и разнообразный кругъ рукописей составляютъ книги, назначенныя собственно для чтенія, частію въ церквахъ же, при богослуженіи, частію при общихъ собраніяхъ, какъ напр. во время трапезы, особенно же для чтенія домашняго, или, выражаясь по монастырски, келейнаго.

Въ этомъ разрядѣ книгъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ — творенія святыхъ отцовъ. Они явились у насъ также очень рано, и нѣкоторыя заимствованы были первоначально также изъ Болгаріи; но потомъ много отеческихъ твореній переведено было и у насъ въ Россіи, частію пріѣзжавшими къ намъ Греками (напр. знаменитымъ Максимомъ Святогорцемъ), частію нѣкоторыми изъ русскихъ, знавшихъ языкъ греческій. Такъ какъ творенія святыхъ отцевъ, по обилію и возвышенности мыслей, представляютъ самое назидательное чтеніе для людей благочестивыхъ, то въ монастыряхъ списывали ихъ съ большимъ усердіемъ. Особенно любили у насъ читать и переписывать творенія святого Златоуста; древнѣйшія собранія его поученій, извѣстны подъ разными названіями: Златоструй, Маргаритъ и др. Кромѣ Златоуста монахи съ особеннымъ усердіемъ читали и списывали творенія Василия Великаго, Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, которые писали о монашеской жизни и наставленія для мона-

ховъ. Вообще, отеческія творенія составляютъ самое обильное содержаніе нашихъ старинныхъ рукописей.

Въ монастыряхъ списывали также собранія церковныхъ и отеческихъ правилъ, нужныхъ для руководства въ судѣ церковномъ, это такъ называемыя — номоканонъ, кормчія.

Но послѣ отеческихъ твореній, въ числѣ рукописей для церковнаго и домашняго чтенія, самое видное мѣсто принадлежитъ сказаніямъ о святыхъ, повѣствованіямъ о ихъ жизни, подвигахъ, страданіяхъ, чудесахъ: это такъ называемые Патерики (т. е. сказанія объ отцахъ, о подвижникахъ), Прологи, Четы-минеи. Повѣствованія о жизни святыхъ угодниковъ составляли самое любимое чтеніе нашихъ предковъ, потому и списывались съ неменьшимъ усердіемъ, какъ и творенія святыхъ отцовъ.

Всѣ эти книги были переводныя, принадлежали греческимъ писателямъ; но у насъ рано явились и свои собственные писатели.

Были замѣчательные проповѣдники, какъ напр. митрополитъ кievскій Иларіонъ современникъ великихъ князей Владиміра и Ярослава, Кирилль епископъ ту-ровскій, жившій въ XII вѣкѣ, потомъ Серапіонъ епископъ владимірскій, Петръ и Алексѣй митрополиты московскіе; и самъ преподобный Θεодосій Печерскій оставилъ нѣсколько назидательныхъ поученій.

Двое изъ учениковъ Θεодосія — Іаковъ черноризецъ и преподобный Несторъ положили начало другому весьма обширному и замѣчательному отдѣлу древней русской литературы, — описанію житій святыхъ русскихъ:

Иаковъ описалъ жизнь и страданіе князей Бориса и Глѣба, а Несторъ составилъ прекрасное жизнеописаніе преподобнаго Феодосія. По примѣру Нестора были описаны дѣянія и другихъ печерскихъ подвижниковъ, такъ что изъ этихъ описаній составилаь цѣлая книга, извѣстная подъ названіемъ «Печерскаго Патерика». Потомъ, можно сказать, каждый изъ подвижниковъ русской церкви имѣлъ своего жизнеописателя.

Преподобный же Несторъ составилъ самую древнюю изъ сохранившихся нынѣ русскихъ *лѣтописей*, изложивъ годъ за годомъ, *по лѣтамъ*, собранныя имъ свѣдѣнія о древнѣйшихъ временахъ Руси и описавъ событія, которыхъ былъ современникомъ и свидѣтелемъ. Другіе лѣтописцы въ разныхъ городахъ: Новгородѣ, Псковѣ, Суздальѣ, довели разсказъ о судьбѣ Руси до позднѣйшихъ временъ. Это — одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ нашей исторіи.

Наконецъ, были у насъ писатели, составлявшіе статьи собственно богословскаго содержанія, по поводу разныхъ вопросовъ, касающихся вѣры и христіанской нравственности, или въ защиту православія отъ нападенія иновѣрцевъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей въ этомъ родѣ былъ преподобный Максимъ Грекъ, человѣкъ отлично образованный, который, живя долгое время въ Россіи, въ совершенствѣ изучилъ и русскую жизнь, и русскій языкъ.

Наконецъ, у насъ были написаны, по требованію различныхъ обстоятельствъ, нѣкоторыя правила, составляющія русское церковное законодательство.

Сочиненія русскихъ писателей во всѣхъ этихъ ро-

дахъ списывались также усердно, какъ и переводныя творенія греческихъ писателей. Въ собранія отеческихъ писаній писцы нерѣдко вносили поученія и другія статьи русскихъ писателей; въ богослужебныя книги вносили вновь составленныя службы русскимъ святымъ; номоканоны и кормчія дополняли правилами русскаго законодательства; въ особенности же наши предки любили читать и переписывать

угодниковъ святыхъ чудеса.

Житія святыхъ русскихъ встрѣчаются и въ общихъ Четь-минеяхъ и существуютъ въ чрезвычайномъ множествѣ отдѣльныхъ списковъ.

Теперь остается сказать о послѣднемъ, самомъ замѣчательномъ отдѣлѣ рукописей, назначавшихся для домашняго чтенія, о такъ называемыхъ *изборникахъ* или *сборникахъ*. Это не были книги съ какимъ нибудь опредѣленнымъ или однороднымъ содержаніемъ, какъ напр. книги богослужебныя, отеческія поученія, житія святыхъ, церковныя правила; напротивъ, содержаніе ихъ составляли извлеченія изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ твореній, изъ нихъ писецъ *избиралъ* то, что казалось ему лучшимъ, или просто онъ *собиралъ* отовсюду, что могъ: такимъ образомъ въ составъ сборниковъ входили и изрѣченія Свящ. Писанія и отрывки изъ отеческихъ твореній, и отдѣльныя церковныя правила, и сказанія изъ житій святыхъ и правила житейской мудрости, и даже изрѣченія языческихъ писателей — греческихъ и латинскихъ, равно какъ отрывки изъ свѣтскихъ наукъ, напр. изъ реторики и особенно изъ физики — объясненія разныхъ явленій природы.

Первоначально и сборники были у насъ переводные съ греческаго: таковъ знаменитый «изборникъ Свято-слава», написанный дьякомъ Іоанномъ, таковы «Діоптра» или «Зерцало», «Пчела» и нѣкоторые другіе сборники. Но по образцу греческихъ, русскіе писцы скоро начали сами составлять сборники, внося въ нихъ все, что находили въ книгахъ болѣе, или менѣе замѣчательнаго, по ихъ мнѣнію; — сборники потому и любопытны, что служатъ указаніемъ того, что болѣе всего интересовало нашихъ предковъ. Число существующихъ у насъ сборниковъ чрезвычайно велико, и содержаніе ихъ самое разнообразное. Кромѣ статей, встрѣчающихся и въ греческихъ сборникахъ, и вообще статей переводныхъ, немалую часть ихъ составляютъ обыкновенно произведенія чисто русскія; — здѣсь можно находить замѣчательныя поученія нашихъ древнихъ проповѣдниковъ, цѣлыя житія русскихъ святыхъ, отрывки изъ лѣтописей, народныя поговорки и изрѣченія, описанія путешествій, особенно отрывки изъ хожденія игумена Даніила, изъ Проскинитарія Арсенія Суханова и т. п.

V.

Для писанія рукописей писцы употребляли или пергаментъ — тонкую, особеннымъ образомъ выдѣланную кожу — или бумагу, хлопчатую и обыкновенную писчую, отъ которой хлопчатая отличается большею толстотою и мягкостью. Самыя древнія рукописи писаны большею частію на пергаментѣ и называются обыкно-

венно харатейными; начиная съ XV вѣка пергаментъ употреблялся уже рѣдко.

Искусствомъ писать, само собою разумѣется, писцы обладали не въ одинаковой степени: какъ и нынѣ, одни писали лучше, другіе хуже. Но кромѣ личнаго искусства писцовъ въ почеркѣ рукописей отразилось вліяніе самаго времени, когда онѣ написаны, такъ что знатоки по характеру письма безошибочно опредѣляютъ время, къ которому относится рукопись. Древнѣйшія рукописи, съ XI до XV вѣка, большею частью писаны крупными и прямыми *уставными* буквами; рукописи же позднѣйшаго времени писаны буквами болѣе закругленными, такъ называемымъ *уставомъ*, который притомъ въ рукописяхъ XVI вѣка нерѣдко переходитъ въ *скоропись*; а въ концѣ XVII вѣка употреблялся уже неразборчивый скорописный почеркъ. Самый красивый почеркъ древній уставный, особенно въ пергаминныхъ рукописяхъ; нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ написаны такъ правильно, отчетливо и красиво, что заставляютъ удивляться искусству древнихъ писцовъ.

Кромѣ того писцы дѣлали въ рукописяхъ разныя украшенія. Надписи надъ отдѣльными статьями и главами, также начальныя, или заглавныя буквы писали обыкновенно киноварью — красными чернилами; въ началѣ, на первомъ листѣ рукописи, рисовали виньетку, разрисовывали также и заглавныя буквы. Эти рисунки дѣлались тонкимъ перомъ и покрывались разноцвѣтными красками и нерѣдко весьма искусной позолотой. Нѣкоторые рисунки отличаются необыкновенно точною работою и чрезвычайно красивы, и надобно замѣтить,

что самые изящные и искусные рисунки находятся въ древнихъ харатейныхъ рукописяхъ. На первомъ же листѣ, подѣ виньеткою, съ особеннымъ тщаніемъ писали заглавіе книги — золотомъ или красками: эти надписи дѣлались такъ называемою *вляью*, и нужно имѣть большой навыкъ, чтобъ разбирать такія надписи, а также вѣроятно, нужно было большое искусство, чтобы составлять ихъ. Въ концѣ рукописи писцы рисовали также небольшую виньетку, или всего чаще писали послѣднюю страницу, постепенно укорачивая строки, такъ что послѣдняя строка состояла изъ одного слова или даже изъ одной буквы.

Писцы выбирали для рукописей различный форматъ, начиная съ самаго большого — въ листъ, до самаго маленькаго — въ шестнадцатую долю; эти маленькія рукописи притомъ большею частью несоразмѣрно толсты и оттого имѣютъ довольно странный видъ. Въ выборѣ формата для рукописи писцы руководствовались, между прочимъ, и самымъ содержаніемъ ея: книги священныя богослужебныя, четьи-минеи и т. п. они писали большею частію въ листъ, а сборники обыкновенно — въ четвертую и восьмую долю листа.

Переплетъ старыхъ рукописей очень незатѣйливъ. Сшивши тетради, обыкновенно прикрѣпляли къ нимъ простыя деревянныя доски, обтягивали ихъ крѣпкой черной кожей, по угламъ обивали для прочности мѣдными гвоздиками и такими же гвоздиками прикрѣпляли мѣдныя застѣжки, или дѣлали просто завязки изъ кожаныхъ ремешковъ. И этимъ-то, конечно не изящнымъ, за то весьма прочнымъ переплетамъ обязаны

мы, что многія уцѣлѣвшія до нашего времени старыя рукописи сохранились такъ хорошо: а имъ приходилось пройти много мытарствъ, для чего нужна была очень крѣпкая одежда.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ старинныхъ рукописей отличаются замѣчательною роскошью какъ письма и рисунковъ, такъ и переплетовъ. Таковы большею частью рукописи, писанныя по приказу князей и царей, богатыхъ и знатныхъ бояръ, или по какому-либо особенному случаю; а по содержанию это были большею частью книги священныя — Евангеліе, каково напр. извѣстное подъ названіемъ Остромирово Евангеліе — самый древній изъ существующихъ славянскихъ списковъ Евангелія, — Псалтирь, нѣкоторыя писанія отцовъ; даже сборникъ Святославовъ отличается замѣчательными украшеніями, и наконецъ житія знаменитыхъ русскихъ святыхъ, писанныя по усердію въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ они подвизались, какъ напр. есть житія въ лицахъ преп. Сергія, преп. Кирилла Новоезерскаго, преп. Зосимы и Савватія Соловецкихъ и другихъ.

Въ такихъ рукописяхъ все роскошно, начиная съ формата и письма. Писались онѣ обыкновенно на большихъ листахъ, самымъ крупнымъ и красивымъ почеркомъ. Но главное вниманіе въ этихъ рукописяхъ обращено было на рисунки. Кромѣ рисунковъ въ началѣ рукописей и при заглавіи отдѣльныхъ статей, въ нихъ находятся цѣлыя отдѣльныя изображенія, какъ напр. въ Евангеліяхъ изображенія Евангелистовъ, въ Псалтири — изображеніе царя Давида съ гуслями въ рукахъ; или же въ самомъ текстѣ помѣщаются объясни-

тельные рисунки, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ миниатюрные, на поляхъ, въ другихъ — среди самаго текста, а въ нѣкоторыхъ наконецъ большіе рисунки на отдѣльныхъ листахъ передъ каждымъ листомъ текста. Это и значило написать книгу въ лицахъ, — такъ есть Апокалипсисы въ лицахъ, Псалтири, житія и проч. Всѣ эти изображенія въ книгахъ писаны въ томъ же византійскомъ вкусѣ, какъ и наши древнія иконы: нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замѣчательною правильностію и строгостію рисунка, — каковы по преимуществу изображенія въ древнѣйшихъ рукописяхъ; а рукописи въ лицахъ позднѣйшаго времени, начиная съ XII в., уже не отличаются такими качествами. Иногда на листѣ, предшествующемъ изображенію или рисунку, дѣлались вырѣзки въ мѣру рисунка и клеивались тонкой шолковой матеріей, для предохраненія рисунковъ отъ поврежденія. Письму и рисовкѣ соответствовалъ и переплетъ рукописей: ихъ одѣвали уже не въ простую кожу, но въ прочную шелковую матерію — камку, въ бархатъ, въ парчу; по угламъ прибавили серебряные, чеканные ваугольники, съ разными изображеніями, и дѣлали серебряныя же застежки. Въ XVI вѣкѣ многіе знатные бояре имѣли даже страсть собирать дорогія рукописи, въ богатыхъ переплетахъ, и дѣлали это только изъ тщеславія, чтобы имѣть возможность похвалиться ими. Князь Курбскій, одинъ изъ самыхъ умныхъ бояръ того времени, писалъ объ нихъ: «вы любите только апостольскія и пророческія писанія украшать кожами красными, да золотомъ съ драгоцѣнными камнями и бисерами и,

поставивъ ихъ за крѣпкими затворами, тщеславитесь ими и, показывая проходящимъ, говорите: эта книга столько-то стоитъ, а эта еще дороже...»

VI.

Но вотъ трудъ переписчика конченъ, онъ сдѣлалъ уже надпись въ концѣ рукописи и даже переплелъ ее. И когда теперь, спустя около 500 лѣтъ, держишь въ рукахъ и разсматриваешь эту почтенную древность, невольно приходитъ въ голову мысль: въ сколькихъ рукахъ побывала эта рукопись и какую судьбу испытала въ теченіе своего пяти-вѣкового существованія. Многія рукописи имѣютъ свою, такъ сказать, исторію: на нихъ остались явные слѣды ихъ продолжительныхъ странствованій, обозначенныхъ разнаго рода надписями и замѣтками.

Окончивши рукопись, писецъ передавалъ ее въ монастырское книгохранилище для надлежащаго употребленія, особенно если это была книга богослуженная, или писана по назначенію настоятеля, — «повѣлѣніемъ игумена», какъ говорится въ надписяхъ. Иногда же писецъ удерживалъ рукопись въ собственномъ владѣніи и уже передъ смертью отдавалъ въ монастырскую собственность, при чемъ обыкновенно дѣлалъ на книгѣ надпись, что отдаетъ ее въ такой-то монастырь «по душѣ своей», и къ этому прибавлялъ нерѣдко, что кладетъ ее «безъ выносу», т. е. съ тѣмъ, чтобъ никто не смѣлъ выносить ее изъ монастыря,

«а кто дерзнетъ сію книгу хитростію взять изъ той обители, не будетъ надъ нимъ благословенія отъ Господа и великаго угодника Божія», — слѣдуетъ имя святого, въ обитель котораго жертвовалась книга. Впрочемъ писецъ могъ свободно распоряжаться своею рукописью, могъ отдавать и продавать ее кому хотѣлъ. При продажѣ рукописей обыкновенно соблюдались нѣкоторыя формальности. Продающій писалъ на рукописи, кому онъ продалъ ее, когда и за сколько: новый владѣлецъ книги, современемъ, продавалъ ее другому и дѣлалъ подобную же надпись; этотъ опять другому, такъ что на иной рукописи являлось до пяти и болѣе надписей о продажѣ. Иногда владѣлецъ не продавалъ книгу, а вымѣнивалъ ее на другую и при этомъ все таки дѣлалась надпись, у кого вымѣнена и на какую книгу. Рукопись поступала въ собственность монастыря еще въ томъ случаѣ, если кто нубудь изъ богатыхъ или значительныхъ людей давалъ ее «вкладомъ» въ этотъ монастырь. Для подобныхъ вкладовъ бояре, князья, епископы, митрополиты, и вообще значительные люди духовнаго и свѣтскаго званія не только покупали рукописи, но и заказывали нарочно искуснѣйшимъ писцамъ. Такъ напр. въ Чудовѣ монастырѣ и въ Кирилловѣ Бѣлоезерскомъ есть Псалтирь съ рисунками и разными другими украшеніями, пожертвованная бояриномъ Годуновымъ, съ такою надписью: «сію святую книгу повелѣ написать и назнаменовати и украсити златомъ и серебромъ, и украсивъ чудне положилъ въ домъ пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея успенія и преподобнаго отца нашего Кирилла чудо-

творца на Бѣлоозеро, конюшей и бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ за свое здравіе и за жену свою Матрену, а Богъ по душу пошлетъ, ино по своей душѣ и по своихъ родителехъ въ память вѣчную».

Итакъ рукописи не только писались въ монастыряхъ, но здѣсь большею частью были и собираемы, и хранились. Нѣкоторые монастыри славились богатствомъ и обиліемъ рукописей въ своихъ книгохранилищахъ. Таковы были именно древнѣйшіе и знаменитѣйшіе монастыри, какъ напр. Троицкій Сергіевъ, о которомъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ въ свое время: «у живоначальныя Троицы, въ чудотворцевѣ Сергіевѣ монастырѣ книгами *исполнено*,» т. е. книгъ много, — Кирилловъ Бюлозерскій, книгохранилище котораго было не бѣднѣе троицкаго, Соловецкій, Чудовъ, Хутынкій—Новгородскій, Іосифовъ—Волоколамскій, Симоновъ—Московскій, Прилуцкій—Вологодскій, Даниловъ—Переславскій, Рождественскій—Владимірскій.

Кромѣ монастырскихъ книгохранилищъ, были собранія книгъ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, преимущественно духовныхъ — у епископовъ, митрополитовъ, патріарховъ. По смерти ихъ, принадлежавшіе имъ рукописи или переходили по завѣщанію въ монастыри же, или оставались собственностію архіерейскихъ и митрополичьихъ домовъ, при которыхъ такимъ образомъ составлялись библіотеки, называвшіяся кафедральными; въ нѣкоторыхъ городахъ онѣ находились при кафедральныхъ соборахъ, какъ напр. была знаменитая библіотека при новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Изъ пастырей церкви очень многіе извѣстны своею любовью

къ просвѣщенію: такъ были собранія книгъ у святителя Алексѣя, у митрополита Кипріяна, который отличался ученостію и оставилъ нѣсколько книгъ, писанныхъ его собственною рукою, и притомъ весьма красивымъ почеркомъ, у митрополита Фотія, извѣстнаго также своею ученостію, у Геннадія, архіепископа новгородскаго, у митрополита Данила и особенно у митрополита Макарія, который отличался чрезвычайно любовью по составленію и собиранію рукописей: при Макаріѣ, именно по его настоянію, написано много житій святыхъ русскихъ; самымъ же замѣчательнымъ памятникомъ любви его къ книгамъ служатъ знаменитыя, такъ называемыя «Макарьевскія четь-минеи.» Это не что иное, какъ огромный сборникъ въ двѣнадцать большихъ книгахъ (по числу мѣсяцевъ), въ который вошли не только житія святыхъ на каждый день, но и толкованія священнаго писанія, и отеческія слова, и поученія русскихъ проповѣдниковъ, и церковныя правила, — словомъ въ нихъ, какъ выразился самъ Макарій, «собраны и переписаны всѣ книги, какія обрѣтались въ русской землѣ (*).» Надъ составленіемъ этого сборника Макарій трудился цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ; его писали многіе писцы, для которыхъ, по его собственному признанію, не щадилъ онъ серебра и потратилъ много имущества. Трудъ

(*) Само собою разумѣется, что этого выраженія нельзя понимать буквально, — оно значитъ только, что Макарій внесъ въ свои Четь-минеи все лучшее и важнѣйшее, что было ему извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ его времени.

дѣйствительно почтенный, — и наши ученые, при занятіяхъ русскою исторіею, справедливо обращаютъ на него особенное вниманіе. О собираніи рукописей много заботились потомъ пріемники митрополитовъ — все-россійскіе патріархи: напр. у патріарха Филарета, въ его «книгохранительной палатѣ», находилось около 200 книгъ. Изъ рукописей, собранныхъ митрополитами и патріархами, составила знаменитая патріаршая бібліотека, которая особенно обогатилась рукописями при патріархѣ Никонѣ: тогда, по случаю исправленія богослужебныхъ книгъ, вытребованы были изъ многихъ монастырей драгоцѣнныя харатейныя и бумажныя рукописи, которыя и остались въ патріаршей бібліотекѣ.

Собранія рукописей были также у великихъ князей и царей русскихъ. Когда внѣшнее состояніе Россіи улучшилось и внушало имъ меньше заботы, они любили свободное время посвящать чтенію полезныхъ книгъ и охотно пріобрѣтали рукописи, особенно драгоцѣнныя. Въ послѣдствіи эти рукописи частью поступали вкладами въ монастыри, частью же оставались собственностію княжескихъ книгохранилищъ. Наконецъ, на многихъ книгахъ, пожертвованныхъ въ монастыри, встрѣчаются надписи разныхъ бояръ русскихъ: видно, что и между ними было довольно такихъ, которые дѣйствительно знали цѣну книгамъ и любили собирать ихъ.

Мы говорили теперь собственно о собраніяхъ книгъ, о бібліотекахъ, въ которыхъ хранились рукописи, вышедшія изъ рукъ писцовъ и прежде постранствовав-

шія довольно по бѣлому свѣту. Итакъ, были библіотеки монастырскія, архіерейскія, княжескія, боярскія, — и изъ нихъ, по многочисленности и цѣнности книгъ, за исключеніемъ библіотеки патріаршей, важнѣйшее мѣсто принадлежитъ монастырскимъ книгохранилищамъ.

Но кромѣ того, можно сказать, каждый грамотный человѣкъ имѣлъ какую нибудь рукопись, изъ которой главнымъ образомъ и почерпалъ свою мудрость, берегъ рукопись, какъ драгоценность, и продавалъ, быть можетъ, только въ случаѣ крайности, или, побуждаемый любознательностію, мѣнялъ на другую книгу. Въ надписяхъ о продажѣ и обмѣнѣ рукописей встрѣчаются имена — приходскихъ священниковъ, дьяконовъ, посадскихъ людей, даже пономарей и людей дворовыхъ. Напр. на одной рукописи XVI вѣка написано: «продалъ сію книгу отъ новаго воскресенья пономарь Иванъ Тарасовъ сынъ, поповъ, старцу Іонѣ, и подписалъ своею рукою зачиста.» Или на другой: «Язь Петель (Пантелей) Евсеевъ сынъ, Ивановъ человѣкъ Михайловича Воронцова (т. е. человѣкъ Ивана Михайловича Воронцова), продалъ есми сію псалтирю Ивану Данилову сыну, книжнику.»

VII.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ монастырскихъ и другихъ книгохранилищахъ рукописи собирались не для того, чтобы стоять безъ употребленія. Каждый изъ монастырскаго братства могъ, съ благословенія игумена, брать рукопись къ себѣ въ келью для чтенія. Когда не было книгопечатанія, съ помощью котораго книги распространяются теперь такъ быстро, когда книга составляла рѣдкость, — тогда, конечно, особенно дорожили книгами и каждый грамотный человекъ пользовался случаемъ прочесть рѣдкую рукопись. Что рукописи дѣйствительно читались въ старину охотно — это не подлежитъ сомнѣнiю: на многихъ остались слѣды усерднаго и долговременнаго ихъ употребленія; притомъ, чтецы дѣлали иногда замѣтки на поляхъ рукописей, или на концѣ, въ родѣ слѣдующихъ: «зѣло полезно есть прочитати,» или: «книга душеполезна.»

VIII.

Время, невѣжественность и разныя несчастныя обстоятельства истребили много древнихъ, драгоценныхъ рукописей. Сколько погибло ихъ во время страшнаго нашествія Батыева! Татары прошли съ огнемъ и мечемъ по всему лицу земли русской; все, что ни встрѣчалось на пути, они жгли и разрушали: тогда опустошены были древнѣйшіе монастыри наши, а въ нихъ погибли и драгоценнѣйшіе памятники нашей древней

письменности. Татары обыкновенно устремлялись въ церкви и монастыри въ надеждѣ найти тамъ сокровища, приносимыя туда усердіемъ вкладчиковъ: они сдирали золотыя и серебряныя украшенія съ иконъ и священныхъ книгъ, а самыя книги, иконы и храмы предавали огню. Такъ погибли самыя драгоцѣнныя памятники древности въ монастыряхъ Рязани, Ростова, Владиміра, Чернигова, Кіева. Такія опустошенія повторялись потомъ и при каждомъ набѣгѣ татаръ на Россію. Во время нашествія Тохтамыша, въ Москвѣ со всего города снесены были книги въ соборную церковь для сохраненія, — и послѣ взятія города все было истреблено Татарами. Много книжныхъ сокровищъ погибло также во времена самозванцевъ и междуцарствія: поляки, литовцы и русскіе матежники дѣйствовали не лучше татаръ, — также врывались въ монастыри, также грабили и жгли ихъ. Наконецъ сколько такихъ сокровищъ погибло во время опустошительныхъ пожаровъ! Монастыри съ ихъ деревянными храмами и кельями въ старину такъ часто страдали отъ огня, что рѣдкій изъ нихъ не насчитываетъ по нѣскольку большихъ и малыхъ пожаровъ.

Вотъ сколько печальныхъ обстоятельствъ были причиною, что великое множество памятниковъ нашей древней письменности погибло для насъ безвозвратно. А когда введено было книгопечатаніе и стали входить въ употребленіе печатныя книги, многіе не въ состояніи были оцѣнить и понять значеніе старыхъ рукописей, которыя, какъ казалось, отжили свое время и болѣе не нужны. На нихъ не обращали вниманія,

нерѣдко бросали ихъ въ кладовыя вмѣстѣ съ вещами, негодными къ употребленію, и каждый досужій человѣкъ могъ распоряжаться ими безъ большого затрудненія. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ старинныхъ монастыряхъ, славившихся прежде своими книгохранилищами, едва можно отыскать теперь нѣсколько рукописей, и вотъ почему такъ много рукописей, принадлежавшихъ монастырямъ, попало въ частныя руки.

IX.

Въ наше время поняли все значеніе памятниковъ древности для изученія отечественной исторіи; потому и правительство, и частныя лица съ особеннымъ усердіемъ заботятся о сохраненіи памятниковъ древней русской письменности. Во всѣхъ монастыряхъ составлены подробныя описи всѣхъ старинныхъ вещей, въ томъ числѣ и рукописей, для лучшаго сохраненія ихъ на будущее время; а книгохранилища нѣкоторыхъ монастырей, особенно богатыхъ рукописями, поступили въ бібліотеки высшихъ учебныхъ заведеній, и чрезъ то открыта бѣльшая возможность пользоваться ими при ученыхъ изслѣдованіяхъ. Составились цѣлыя общества, имѣющія задачу — собирать, изучать и обнародовать памятники древней русской литературы. Явились любители древностей изъ людей знатныхъ и богатыхъ, не щадившіе средствъ на пріобрѣтеніе дорогихъ старинныхъ рукописей и составившіе обширныя и драгоценныя музеи и бібліотеки, какъ напр. Канц-

леръ графъ Румянцевъ, графъ Толстой, купецъ Царскій, графъ Уваровъ, профессоръ Погодинъ и другіе.

Самое замѣчательное собраніе рукописей, по драгоценности ихъ и особенно по многочисленности, въ настоящее время принадлежитъ Императорской публичной библіотекѣ. Въ составъ этого собранія вошли, между прочимъ, библіотеки графа Толстаго и профессора Погодина (*). Затѣмъ важнѣйшее мѣсто принадлежитъ прежней патріаршей, нынѣ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ. Въ ней хранится до тысячи древнихъ рукописей, въ томъ числѣ около семидесяти харатейныхъ — на пергаминахъ; въ Синодальной библіотекѣ находится, между прочимъ, знаменитый «изборникъ Святослава», написанный въ 1073 г., также экземпляръ «Макарьевскихъ четыхъ-миней». Затѣмъ слѣдуютъ библіотеки знаменитѣйшихъ монастырей. Напр., въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры находится болѣе 800 рукописей, между которыми есть принадлежащія пр. Сергію и Никону; въ библіотекѣ Кириллова Бѣлозерскаго болѣе 1300, — между ними есть писанныя рукою самаго пр. Кирилла и его учениковъ; въ библіотекѣ Іосифова-Волоколамскаго монастыря до 500 рукописей и между ними нѣкоторыя, писанныя самимъ преподобнымъ Іосифомъ и по его повелѣнію. Послѣ монастырскихъ библіотекъ слѣдуетъ упо-

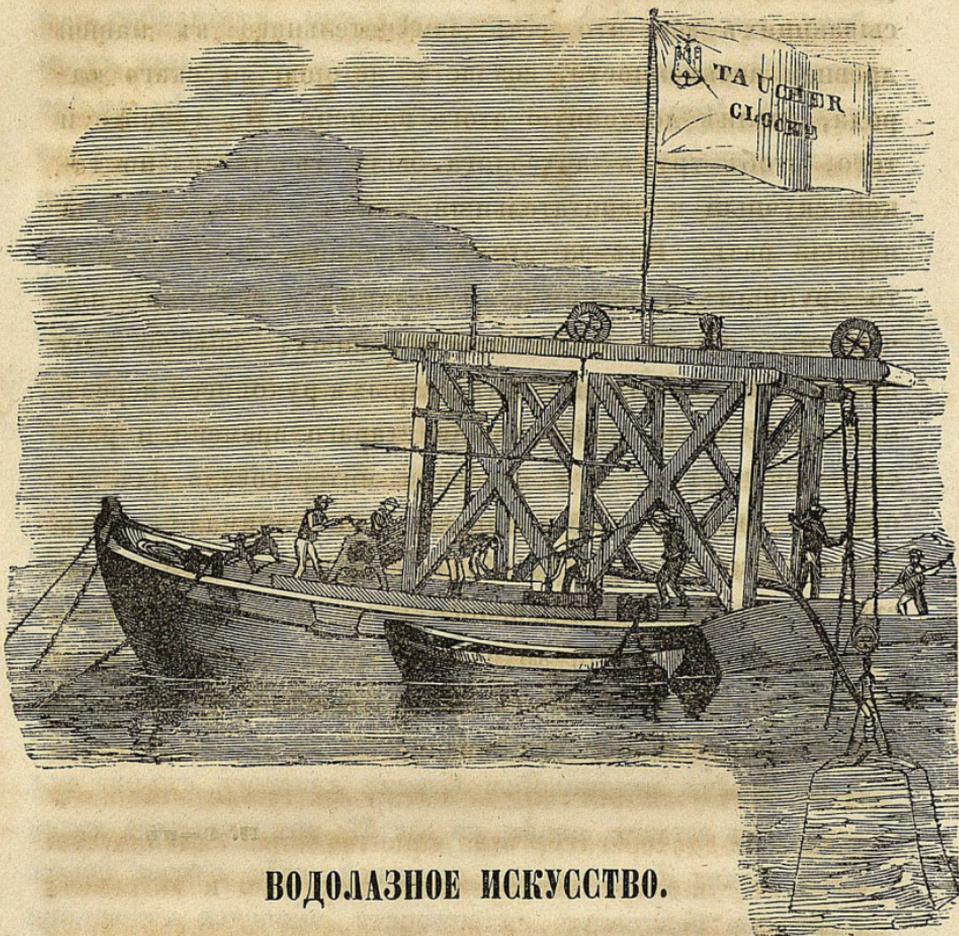
(*) Въ Публичной библіотекѣ хранится древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ славянскихъ рукописей — Евангеліе такъ называемое Остромирово, написанное въ 1057 году для новгородскаго посадника Остромира.

мянуть о собраніи рукописей, принадлежащемъ Московскому обществу исторіи и древностей россійскихъ, и о собраніяхъ, принадлежащихъ библіотекамъ учебныхъ заведеній, особенно духовныхъ Академій: такъ весьма рѣдкія рукописи есть въ библіотекѣ Московской духовной Академіи. Изъ книгохранилищъ частныхъ лицъ самое замѣчательное принадлежитъ въ настоящее время графу Уварову, который приобрѣлъ и богатое собраніе рукописей Царскаго. Кромѣ того, есть очень рѣдкія рукописи, даже цѣлыя собранія такихъ рукописей у нѣкоторыхъ лицъ, обладающихъ не столько богатыми средствами, сколько любовью и особеннымъ искусствомъ собирать книги. Такимъ образомъ общее число рукописей, существующихъ въ настоящее время, все еще чрезвычайно велико, не смотря на то, что такъ много ихъ истребило время.

Во всѣ главныя книгохранилища открытъ теперь болѣе или менѣе свободный доступъ каждому любителю древности, который пожелалъ бы пользоваться для своихъ ученыхъ занятій собранными здѣсь книжными сокровищами. И вы не рѣдко можете встрѣтить людей весьма образованныхъ, которые съ увлеченіемъ предаются изученію старинныхъ рукописей во всѣхъ мельчайшихъ ихъ подробностяхъ. На трудъ этотъ, кропотливый и повидимому скучный и безплодный, надобно смотрѣть съ уваженіемъ. Это приготовительная работа для будущаго прекраснаго зданія — зданія нашей отечественной исторіи и особенно исторіи образованія нашихъ предковъ и вообще ихъ духовной жизни, съ разныхъ ея сторонъ. Явится со временемъ

талантливый писатель и изъ трудовъ этихъ почтенныхъ ученыхъ, съ такимъ усердіемъ отыскивающихъ и описывающихъ все, что есть замѣчательнаго въ нашей древней письменности, создать исторію русскаго народа, вполне достойную этого времени. Не думайте и того, чтобъ трудъ археолога былъ дѣйствительно такой скучный и непитательный, какъ кажется это на первый разъ. Изъ-за этихъ страницъ, исписанныхъ то крупнымъ и четкимъ, то мелкимъ и связнымъ почеркомъ, изъ-за этихъ простодушныхъ замѣтокъ на поляхъ, въ началѣ и концѣ старыхъ рукописей передъ нимъ встаютъ живые люди стараго времени и рассказываютъ ему, что особенно интересовало ихъ въ области знанія, какіе вопросы ихъ занимали, какъ они ихъ рѣшали и откуда брали свое рѣшеніе—словомъ старая рукопись живо переноситъ его въ старую Русь. Вотъ почему истинный археологъ, среди старыхъ рукописей, нерѣдко забываетъ объ интересахъ и удовольствіяхъ окружающей его жизни.

Н. С—въ.

ВОДОЛАЗНОЕ ИСКУССТВО.

Преданіе говоритъ, что въ древніе, отдаленное время какой-то человекъ стоялъ однажды въ размышленіи на берегу рѣки въ то время, какъ по ней неся пустой древесный стволъ, съ сидѣвшимъ въ немъ кроликомъ, который счастливо переплылъ на своемъ импровизованномъ суднѣ на противоположный берегъ.

Увидѣвъ это, человекъ вздумалъ подражать животному. Хотя это только одно преданіе, но оно полно истины: природа сама указала обитателямъ рѣчныхъ и морскихъ береговъ способъ переплывать водныя преграды; воспользовавшись этимъ указаніемъ, они стали выдалбливать древесные стволы, вѣстрялись въ нихъ чуждой имъ до тѣхъ поръ стихіи и, сдѣлавъ такимъ образомъ первый шагъ къ покоренію ея, подчинили ее власти человека. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько тысячелѣтій, въ теченіи которыхъ сдѣлано въ мореплаваніи и судостроеніи множество изобрѣтеній и усовершенствованій, еще болѣе упрочившихъ власть человека надъ моремъ; мѣсто грубаго челнока заступили болѣе совершенныя суда, большіе корабли и наконецъ сильныя пароходы, могущіе выдерживать борьбу съ опасными бурями и дающіе возможность переплыть огромныя пространства въ относительно короткое время. Но геній человека не ограничился этимъ; для устранения въ гаваняхъ столь опасныхъ для судоплаванія подводныхъ камней, отъ которыхъ маякъ можетъ только предостерегать, для производства подводныхъ построекъ, осмотра затонувшихъ кораблей и вытаскиванія изъ воды цѣнныхъ предметовъ, для ловли жемчуга, коралловъ и т. п. необходимо было изыскать средства проникать, не подвергаясь опасности, въ глубь морскую. Онъ изобрѣлъ для этой цѣли особый снарядъ, называемый *водолазнымъ колоколомъ*.

Вѣроятно, что первые водолазы опускались въ воду, подобно нынѣшнимъ промышленникамъ на островѣ Цейлонѣ, занимающимся добываніемъ жемчужныхъ

раковинъ, безъ всякихъ предохранительныхъ снарядовъ. Понятно, что люди, одаренные большою силою и привыкшіе къ водной стихіи, какъ напр. рыбаки и матросы, могутъ пробыть нѣсколько времени подъ водою. Но трудно повѣрить, что будто бы нѣкто Конардъ Мальфортъ Падуанскій проплылъ, какъ рассказываютъ, подъ водою разстояніе въ 7000 шаговъ безъ помощи какого нибудь дыхательнаго снаряда. Этотъ рассказъ, вѣроятно, такая же басня, какъ и то преданіе о водолазѣ, которое послужило германскому поэту Шиллеру поводомъ къ извѣстной балладѣ — Водолазъ. Рассказываютъ, что въ царствованіе короля Фридриха Сицилійскаго жилъ одинъ человекъ, по имени Колась Песче (Николай Рыба), согласившійся за значительную плату броситься въ водоворотъ Харибды; возвратившись благополучно на поверхность, онъ наказывалъ королю столько чудеснаго о чудовищахъ, обитающихъ въ страшной пучинѣ, и такъ заинтересовалъ его своими рассказами о видѣнномъ имъ на днѣ морскомъ, что этотъ заставилъ его предпринять вторичное путешествіе въ Харибду, изъ которой Колась Песче не возвратился еще и до сихъ поръ.

Водолазное искусство было извѣстно уже въ отдаленной древности. Историки тѣхъ временъ рассказываютъ, что въ особенности у Грековъ и Римлянъ на каждомъ кораблѣ находилось по одному или по нѣсколько человекъ, помогавшихъ поднимать якоря и добывавшихъ со дна моря по возможности всѣ тѣ предметы, которые выкидывались за бортъ корабля въ случаѣ опасности. Эти же водолазы занимались и до-

бываніемъ жемчуга и губокъ. Приготовляясь спуститься для этой цѣли въ море, они привязывали вокругъ лѣвой руки губку, напитанную масломъ, а къ ногамъ камень, вѣсомъ въ 20—30 фунтовъ; за тѣмъ они брали въ одну руку ножъ, а въ другую небольшую корзинку, затыкали уши и ноздри хлопчатою бумагою и опускались съ быстротою, совершенно нагіе, на обвязанномъ вокругъ тѣла канатѣ въ воду. Уже во времена Артаксеркса Мнемона пользовался извѣстностію водолазъ Скилліасъ, доставшій со дна морского часть сокровищъ, потерянныхъ Персами во время гибели ихъ флота у Пиле. По словамъ Геродота, онъ могъ оставаться въ водѣ двѣ минуты и выходилъ по временамъ на поверхность, чтобы подышать воздухомъ. Во время осады Тира Александромъ Македонскимъ водолазы подплывали подъ водою къ машинамъ, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ преградить входъ въ гавань, и уничтожали каждую ночь всѣ укрѣпленія, построенныя въ теченіи дня. Но какъ тотъ, такъ и другіе не могли бы, вѣроятно, оставаться такъ долго подъ водою, если бы не имѣли съ собою какого нибудь прибора, предохранявшаго ихъ легкія отъ вторженія въ нихъ воды.

Римскій писатель Вегецій, жившій въ четвертомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, описываетъ въ своемъ военномъ искусствѣ простой снарядъ, съ помощію котораго человекъ, находившійся на днѣ моря, могъ вдыхать въ себя атмосферный воздухъ. Этотъ снарядъ, имѣвшій форму колпака, былъ сдѣланъ изъ твердой кожи и снабженъ трубкою, которая доходила до по-

верхности воды и поддерживала сообщеніе легкихъ водолаза съ наружнымъ воздухомъ. Другой греческій писатель упоминаетъ о снарядѣ, употреблявшемся въ его время водолазами и называетъ его «лебесъ» — котель. Тенье (Taisnier), начальникъ пажей при дворѣ Карла V, рассказываетъ, какъ очевидецъ, о чудѣ, которое сдѣлали два грека въ Толедо въ 1538 году, въ присутствіи Императора и покрайней мѣрѣ 10,000 зрителей, опустившись въ воду въ опрокинутомъ котлѣ съ зажженною свѣчю; по прошествіи нѣкотораго времени они снова возвратились изъ воды на поверхность, къ великому изумленію зрителей, совершенно сухими, держа въ рукахъ горящую свѣчу.

Сынъ Карла V, Филиппъ II, воевавшій съ королевою Англійскою Елисаветою, снарядилъ съ чрезвычайными издержками огромный флотъ, названный имъ непобѣдимою Армадою, и отправилъ его къ берегамъ Англій для завоеванія этой державы. *Непобѣдимый* флотъ этотъ, состоявшій изъ 130 большихъ кораблей и 30 малыхъ судовъ съ 30500 солдатъ, матросовъ и невольниковъ и стоившій Испаніи болѣе 60 милліоновъ піастровъ, погибъ, какъ извѣстно, отъ ужасной бури у западныхъ береговъ Ирландіи и Шотландіи, въ виду земли, для завоеванія которой онъ былъ посланъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ носились потомъ слухи о несмѣтныхъ сокровищахъ, потонувшихъ вмѣстѣ съ кораблями Армады вблизи англійскихъ береговъ. Эти рассказы, впрочемъ слишкомъ преувеличенные, побудили англичанина Джорджа Синклѣра заняться устройствомъ прибора, съ помощію котораго можно бы было

добыть со дна морского лежація на немъ сокровища. Устроивъ такой приборъ, онъ спускался въ немъ дѣйствительно въ море у острова Мёлля (Mull) и вынесъ на поверхность нѣсколько пушекъ, цѣпей, якорей и тому подобныхъ корабельныхъ принадлежностей, но не нашелъ ни золота, ни серебра. Не болѣе счастливъ былъ въ своемъ предпріятіи и графъ Альбемарль, возобновившій подобныя же опыты въ 1688 году на собственный счетъ. Но въ царствованіе короля Карла II, удалось шотландцу Фиппсу добыть со дна моря, изъ корабля, разбившагося у береговъ Эспаньолы, болѣе двухъ милліоновъ талеровъ, за что король пожаловалъ ему дворянское достоинство и титулъ баронета.

Этотъ замѣчательный успѣхъ имѣлъ большое вліяніе на усовершенствованіе водолазнаго искусства. Вскорѣ образовались общества, получившія привилегіи на право извлекать изъ моря сокровища, находившіяся на потонувшихъ корабляхъ; однакоже всѣ они сдѣлали мало путнаго и дѣло плохо подвигалось впередъ, пока не явился знаменитый Галлей съ своимъ усовершенствованнымъ водолазнымъ колоколомъ. Но прежде, нежели мы будемъ говорить объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ Галлеемъ, скажемъ нѣсколько словъ о началахъ, на которыхъ основано устройство водолазнаго колокола.

Извѣстно, что при погруженіи какого нибудь сосуда въ воду отверстіемъ внизъ, находящейся въ немъ воздухъ, хотя и сжимается нѣсколько отъ давленія окружающей этотъ сосудъ воды, однакоже не можетъ быть вытѣсненъ изъ послѣдняго, такъ что внутри

всегда будетъ оставаться свободное отъ воды наполненное воздухомъ пространство. Въ справедливости сказаннаго каждый можетъ самъ убѣдиться на опытѣ. Если взять высокую стеклянную банку и, опрокинувъ, погрузить въ большой стеклянный сосудъ, наполненный до половины водою, то прежде всего мы увидимъ, что въ наружномъ, первоначально на половину полномъ, сосудѣ вода поднялась мало по малу до самыхъ краевъ, и потомъ, что погруженная въ воду банка осталась пустою.

Внутри банки находится воздухъ; онъ не дозволяетъ войти въ нее окружающей ее со всѣхъ сторонъ водѣ. Причина этого заключается въ непроницаемости воздуха — физическомъ свойствѣ, общемъ всѣмъ твердымъ, жидкимъ и газообразнымъ тѣламъ. Въ слѣдствіе этого свойства нѣсколько тѣлъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ занимать одного и того же мѣста въ одно и тоже время. Опрокинутая въ водѣ банка могла бы наполниться водою только тогда, еслибы она была совершенно пуста, то есть, если бы наполняющій ее воздухъ былъ вытянутъ изъ нея посредствомъ особаго физическаго прибора, называемаго воздушнымъ насосомъ.

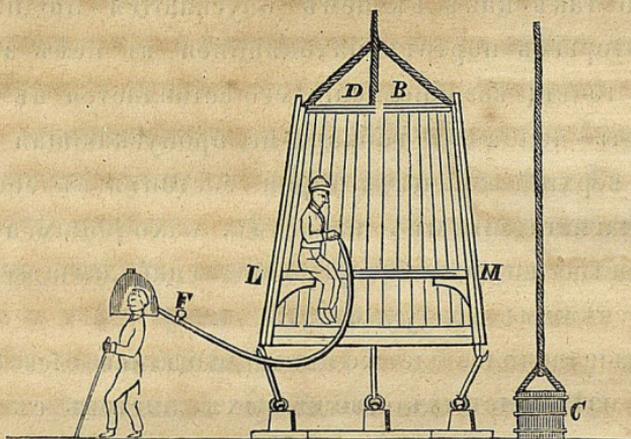
Посмотрѣвъ внимательнѣе, мы увидимъ впрочемъ, что часть воздуха въ опрокинутой банкѣ повидимому все-таки вытѣснена водою, потому что дѣйствительно небольшое количество ея проникло въ банку, какъ скоро мы поставили ее на самое дно большого сосуда. Если бы ее можно было погрузить еще глубже, то вода внутри ея поднялась бы еще выше; должно

однакоже замѣтить, что при опусканіи банки на большую глубину, въ нее будетъ входить воды все меньше и меньше, и что если бы возможно было опрокинутую банку погрузить въ море на глубину нѣсколькихъ тысячъ футовъ, то и тогда бы вода никогда совершенно не наполнила ее. Воздухъ, заключенный въ банкѣ, не проникается водою, какъ это намъ кажется, но только сжимается и занимаетъ въ слѣдствіе этого меньшее пространство. То же самое происходитъ и при погруженіи водолазнаго колокола на дно рѣки или моря: но такъ какъ въ немъ опускаются люди, дыханіе которыхъ портитъ находящійся въ немъ запасъ воздуха, то для возобновленія его вставляется въ верхнюю часть колокола гибкая, не пропускающая воду трубка, верхній конецъ которой состоитъ въ сообщеніи съ нагнетательнымъ насосомъ, находящимся надъ поверхностію воды и безпрерывно снабжающимъ колоколъ свѣжимъ воздухомъ.

Первые водолазные колокола изготовлялись обыкновенно изъ толстыхъ свинцовыхъ листовъ съ утолщеннымъ нижнимъ краемъ. Ихъ дѣлали съ намѣреніемъ какъ можно тяжеле, для того, чтобы они лучше опускались внизъ и не могли опрокинуться въ водѣ. Но слишкомъ значительный вѣсъ ихъ былъ причиною, что канаты, на которыхъ ихъ опускали въ воду, иногда обрывались и несчастные водолазы, находившіеся подъ колоколомъ, должны были задохнуться, потому что помочь имъ, не смотря на незначительную глубину, было очень трудно. Англійскій ученый, докторъ Эдмундъ Галлей (Edmund Halley), которому,

какъ уже сказано было выше, мы обязаны важнѣйшими усовершенствованіями водолазнаго колокола, началъ первый изготовлять эти снаряды изъ деревянныхъ досокъ, сколоченныхъ на подобіе бочки, и придалъ имъ форму опрокинутаго чана или усѣченнаго конуса (см. рис. 1.) Прежде въ колоколѣ должна была постоянно горѣть свѣча, портившая такое же количество воздуха, какъ одинъ человекъ своимъ ды-

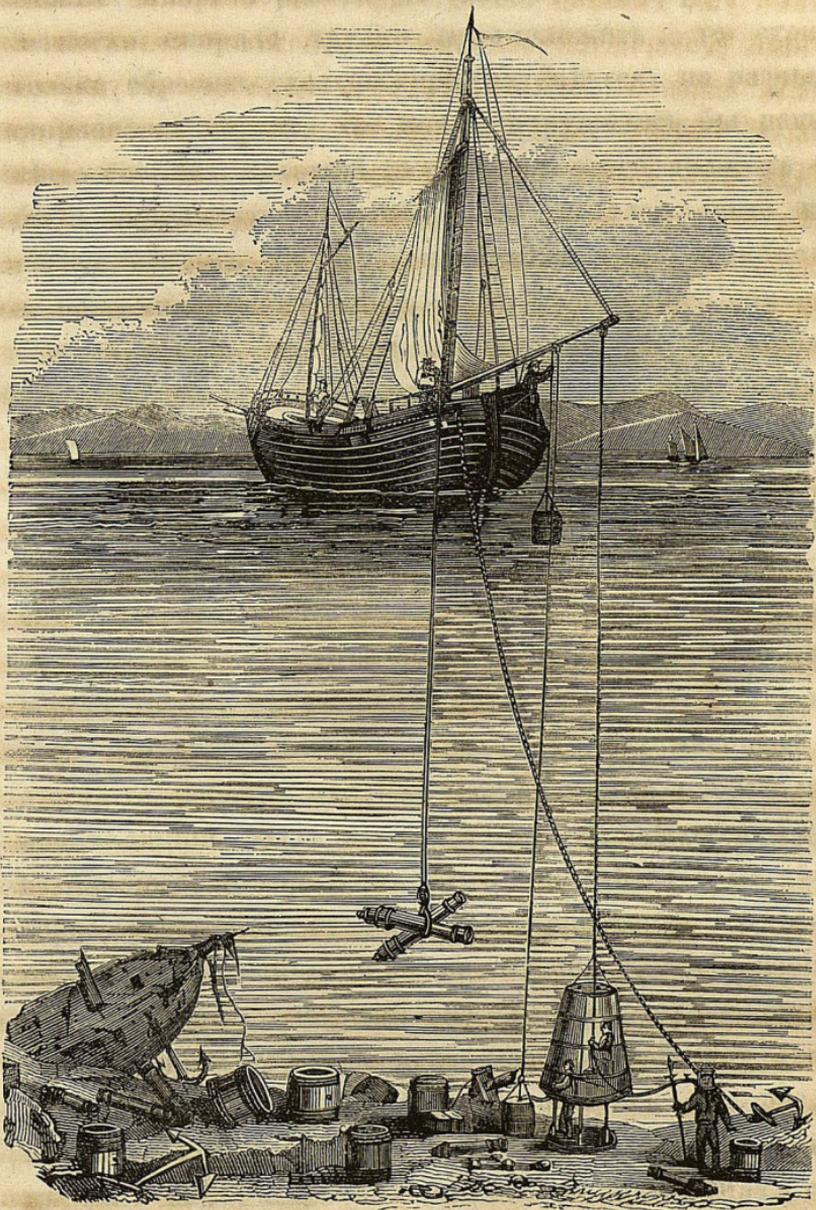
Рис. 1.

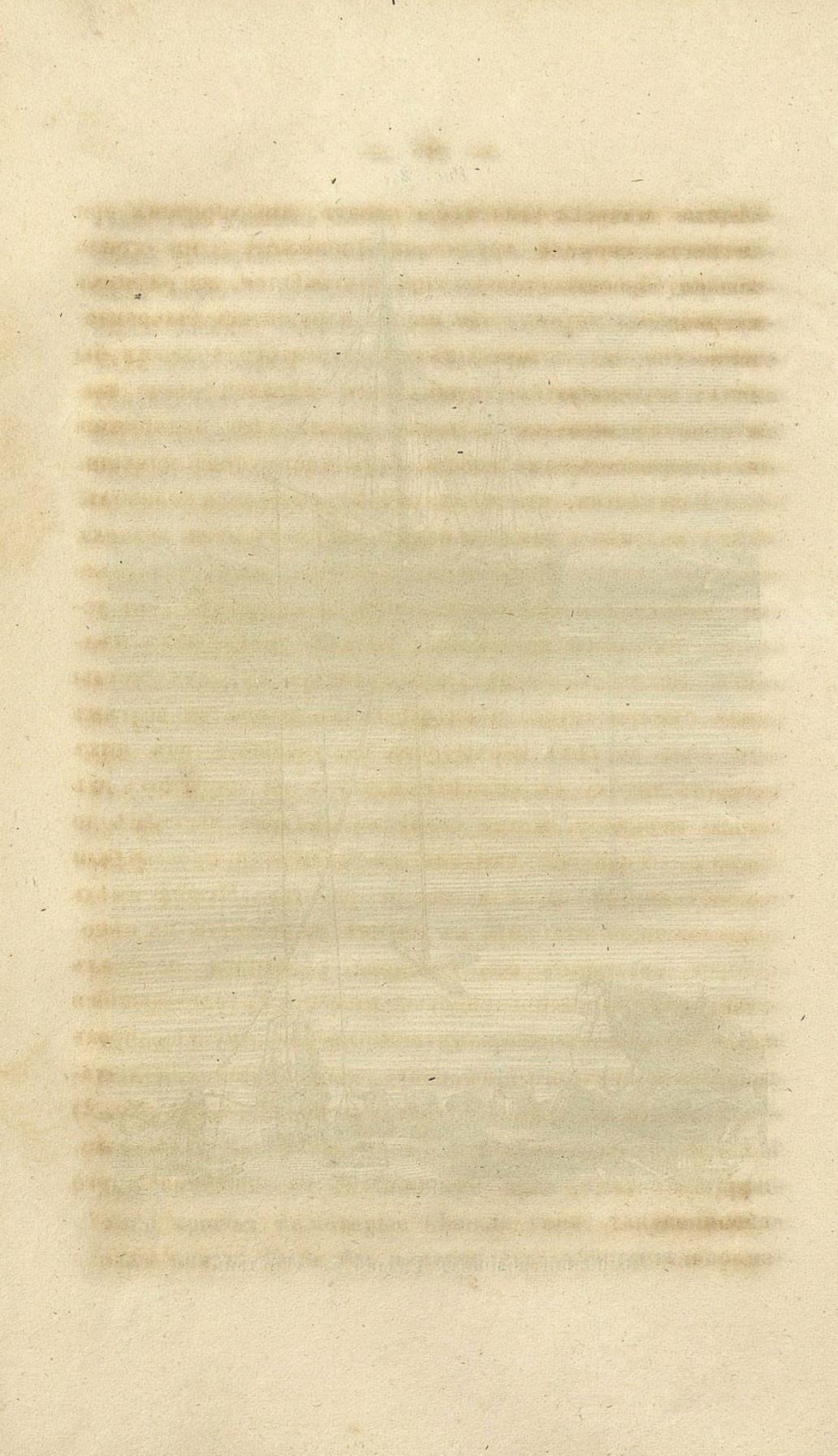
Водолазный колоколъ Галлея, въ разрѣзѣ.

ханіемъ; Галлей вставилъ въ крышку снаряда у Д и В толстыя выпуклыя стекла. Внутри вокругъ стѣнъ колокола, имѣвшаго вверху четыре, внизу пять футовъ въ поперечникѣ, была устроена скамья LM для работниковъ; къ нижнему краю были прикрѣплены крючья, на которые вѣшали гири, тянувшія снарядъ внизъ. Если бы и случилось дѣйствительно не-

Рис. 2.

Водолазний колокол Галлея въ дѣйствіи.

счастіе, напр. порвался бы канатъ, что впрочемъ при легкости снаряда трудно предположить, то стоило только сбросить столько гирь (разумѣется, на разныхъ сторонахъ, потому что иначе нарушилось бы равновѣсіе снаряда, который въ слѣдствіе этого долженъ бы былъ опрокинуться), чтобы онъ сдѣлался легче вытѣсненной имъ массы воды, тогда онъ поднимется на поверхность самъ собою, безъ посторонней помощи.

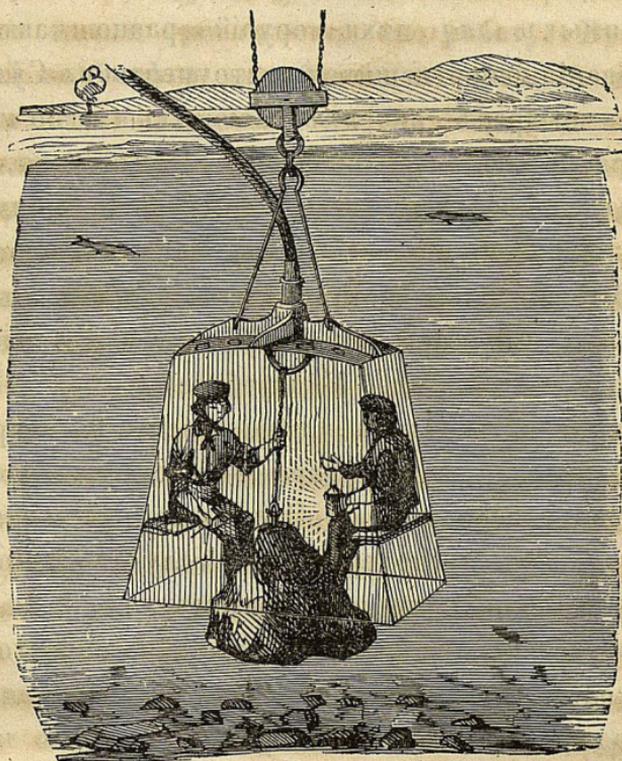
Разумѣется, что чѣмъ глубже опускался колоколь, тѣмъ сильнѣе сжимался находившійся въ немъ воздухъ и тѣмъ выше поднималась въ немъ вода, что было не удобно для сидѣвшихъ подъ колоколомъ. Для устранения этого неудобства, Галлей употреблялъ мѣдные котлы С, наполненные воздухомъ; эти котлы или пузыри спускали на веревкахъ одинъ за другимъ въ воду до тѣхъ поръ, пока выпущенный изъ нихъ черезъ трубку въ колоколь воздухъ не вытѣснитъ изъ него всю воду. Когда снарядъ доходилъ наконецъ до дна, то рабочіе сходили со скамьи и производили необходимыя изслѣдованія и работы. Чтобы имѣть возможность отходить въ случаѣ надобности на нѣкоторое разстояніе отъ колокола, работникъ надѣвалъ на плеча тяжелый свинцовый колпакъ F, сообщавшійся съ колоколомъ посредствомъ гибкой трубки, чрезъ которую проходилъ къ нему необходимый для дыханія свѣжій воздухъ. Прилагаемый рисунокъ (см. рис. 2) изображаетъ водолазный колоколь Галлея въ дѣйстви, въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ въ сочиненіяхъ того времени.

Употребляемые нынѣ водолазные колокола въ сущности мало разнятся отъ снаряда, усовершенствованнаго Галлеемъ. Они сдѣлались теперь только удобнѣе для употребленія въ слѣдствіе нѣкоторыхъ прибавокъ и измѣненій въ устройствѣ отдѣльныхъ частей и наружной формѣ. Нынѣ этотъ снарядъ употребляется съ большимъ успѣхомъ для разныхъ подводныхъ работъ почти во всѣхъ большихъ гаваняхъ Великобританіи. На приложенномъ рисункѣ изображенъ водолазный колоколъ, приобретенный въ 1845 году городомъ Гамбургомъ въ Англіи (см. рис. 3.)

Онъ изготовленъ у Гугъ Мортонъ въ Эдинбургѣ и стоитъ, включая сюда и расходы на постройку принадлежащаго къ нему судна, сдѣланнаго въ Гамбургѣ, около 5000 талеровъ. Самый колоколъ четырехугольный, изъ чугуна и имѣетъ внутри 4 фута ширины, пять футовъ шесть дюймовъ длины и 6 футовъ 6 дюймовъ вышины. Въ немъ могутъ свободно двигаться и работать два человѣка. Колоколъ вѣситъ около 13000 фунтовъ и укрѣпленъ на цѣпи, могущей сдерживать тяжесть въ 26000 фунтовъ и обернутой вокругъ блока, прикрѣпленнаго къ колоколу.

Магнетательный насосъ, служащій для накачиванія свѣжаго воздуха и помѣщающійся на палубѣ судна, соединяется съ колоколомъ посредствомъ двойной кожаной трубы, привинченной къ верхней его части, и приводится въ движеніе, смотря по глубинѣ, на которую опущенъ снарядъ, однимъ или двумя работниками. На палубѣ судна, изображеннаго на заглавной вишнеткѣ, находятся три ворота; самый большой изъ

Рис. 3.

Гамбургскій водолазный колоколь.

нихъ служить для поднятія колокола и привѣшенныхъ къ нему предметовъ; изъ остальныхъ двухъ, одинъ, меньшаго размѣра, употребляется для втаскиванія колокола на палубу, по окончаніи работы, а другой служить для поднятія изъ воды такихъ предметовъ, которые работники прикрѣпляютъ на днѣ къ цѣпи, висящей подлѣ колокола. Эта побочная цѣпь, нижній конецъ которой соединень съ снарядомъ посредствомъ

толстаго желѣзнаго прута, употребляется также и для доставки работникамъ, въ случаѣ требованія, разныхъ необходимыхъ для нихъ орудій, равно какъ и для вытаскиванія испортившихся инструментовъ. Судно стоитъ на четырехъ якоряхъ и можетъ легко и скоро двигаться по любому направленію. Какъ судно, такъ и колоколь приводятся въ движеніе находящимися на палубѣ матросами по сигналамъ, которые даютъ водолазы. Эти сигналы состоятъ изъ ударовъ въ стѣны колокола и узнаются по числу ихъ и промежуткамъ времени между ними. Употребительныхъ сигналовъ всего двѣнадцать. Одинъ ударъ означаетъ, на примѣръ, «больше воздуха,» два удара — «остановись,» три — «поднимай выше» и т. д. Эти удары явственно слышны на суднѣ, съ котораго, въ случаѣ надобности, отвѣчаютъ подобнымъ же образомъ.

Употребленіе снаряда чрезвычайно просто. Какъ скоро колоколь спущенъ съ судна и виситъ надъ самою водою, водолазы подплываютъ подъ него въ лодкѣ, влѣзаютъ въ него снизу и садятся на находящіяся внутри скамьи: потомъ колоколь опускаютъ въ воду и приводятъ въ дѣйствіе нагнетательный насосъ, работая скорѣе или медленнѣе, по мѣрѣ того, какъ требуютъ этого сигналы, подаваемые водолазами изъ колокола. Работники ощупываютъ дно шестомъ и, дойдя до него, даютъ знакъ остановиться. За тѣмъ, сойдя со скамьи, они осматриваютъ и подвергаютъ изслѣдованію дно, заставляя подвигать судно впередъ, назадъ или въ сторону, смотря потому, какъ этого требуютъ свойство морского или рѣчного дна и родъ

работы. Найдя то мѣсто, которое имъ нужно, они даютъ сигналъ опустить колоколъ на близкое разстояніе отъ дна и принимаются за работу. Въ свѣтлой морской водѣ нѣтъ надобности и освѣщать колоколъ изнутри огнемъ, потому что въ верхней части его вставлены выпуклыя стекла; при работахъ же въ рѣкѣ, гдѣ вода обыкновенно мутна, зажигаютъ для этой цѣли особые фонари.

Если хотятъ очистить дно отъ камней, то работники складываютъ тѣ изъ нихъ, которые они могутъ поднять, на скамьи и подножку въ колоколѣ, даютъ знакъ нѣсколько приподнять его и опустить внизъ на одной изъ цѣпей ящикъ, который притягиваютъ потомъ подъ колоколъ и, наполнивъ его камнями, подаютъ снова сигналъ, чтобы его тащили на поверхность. Это повторяется до тѣхъ поръ, пока все мѣсто не будетъ очищено отъ камней. Камни средней величины поднимаются по одиначкѣ тою же побочною цѣпью. Большіе обвертываются, какъ показано на приложенномъ рисункѣ (см. рис. 3), цѣпью, прикрѣпляются къ кольцу, находящемуся внутри колокола, и поднимаются на верхъ, вмѣстѣ съ нимъ, посредствомъ большого ворота. Обломки подводныхъ скалъ и утесовъ пробуравливаются рабочими и, по укрѣпленіи въ буровомъ отверстіи крѣпкаго желѣзнаго крюка, имѣющаго форму ласточкина хвоста, поднимаются буровымъ снарядомъ во время прилива. Такимъ образомъ вытасчено въ Гамбургѣ съ находящагося въ рѣкѣ Эльбѣ рифа, съ глубины 18—25 футовъ, при обыкновенной высотѣ прилива, въ теченіи 65 дней около 90 ластовъ

(каждый въ 4000 фунтовъ) камней различной величины, чрезъ что совершенно устранена опасность, грозившая прежде гибелью проходящимъ чрезъ это мѣсто судамъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ съ камнями, поступаютъ и при вытаскиваніи изъ воды разныхъ другихъ предметовъ; обломанныя сваи окапываются водолазами вокругъ, обвертываются цѣпями и вытаскиваются, смотря по ихъ величинѣ, или непосредственно, малымъ воротомъ, или большимъ, вмѣстѣ съ колоколомъ. При производствѣ подводныхъ строительныхъ работъ, стараются опускать большіе тесаные камни такимъ образомъ, что бы они ложились по возможности правильно, такъ чтобы водолазу оставалось только приладить ихъ надлежащимъ образомъ и наполнить промежутки цементомъ. Работа подъ водою продолжается каждый разъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ часовъ и распределяется лѣтомъ въ теченіи дня слѣдующимъ образомъ:

отъ 6	до	$6\frac{1}{2}$	часовъ	приготовленія,
» 6 $\frac{1}{2}$	»	9	»	подводная работа,
» 9	»	10	»	отдыхъ,
» 10	»	1	»	подводная работа
» 1	»	2	»	отдыхъ
» 2	»	$5\frac{1}{2}$	»	подводная работа
Полчаса, отъ $5\frac{1}{2}$	»	6	»	употребляется на

поднятіе колокола на судно, чѣмъ и заканчивается рабочій день. Издержки на производство работъ составляютъ въ недѣлю около 80 талеровъ — расходъ сравнительно очень незначительный, если принять въ

соображеніе, что этимъ способомъ могутъ быть легко устранены разныя опасности для судоплаванія, уничтоженія которыхъ другимъ путемъ было бы или совершенно невозможно, или сопряжено съ огромными издержками.

Кромѣ колокола водолазы употребляютъ для подводныхъ работъ также и особаго рода водолазный костюмъ изъ непромокаемой матеріи, дающій имъ возможность совершенно свободно двигаться подъ водою. Известный водолазъ Гринъ (Green) (въ Соединенныхъ Штатахъ), опускавшійся на наибольшую до сихъ поръ глубину — на 154 фута, употреблялъ для открытія погибшаго въ озерѣ Эріо парохода «Atlantic», непромокаемое платье изъ каучука, къ которому былъ прикрѣпленъ мѣдный шлемъ со вставленнымъ впереди толстымъ полированнымъ стекломъ. Къ этому шлему были привинчены двѣ гибкія трубки для возобновленія воздуха, проходившія въ лодку, изъ которой опускался водолазъ. Возобновленіе воздуха производилось, какъ и въ водолазномъ колоколѣ, посредствомъ нагнетательнаго насоса, для приведенія котораго въ дѣйствіе требовалось четыре, а иногда и шесть человекъ. Сила давленія воздуха на легкія водолаза въ этомъ костюмѣ составляетъ не менѣе 75 фунтовъ на квадратный дюймъ и только очень немногіе сильные люди въ состояніи выносить его. Водолазъ, надѣвъ въ первый разъ свой шлемъ, почти задыхается въ немъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ опускается глубже въ воду, это неприятное ощущеніе дѣлается все слабѣе и слабѣе. На глубинѣ 10 футовъ въ водѣ снарядъ не со-

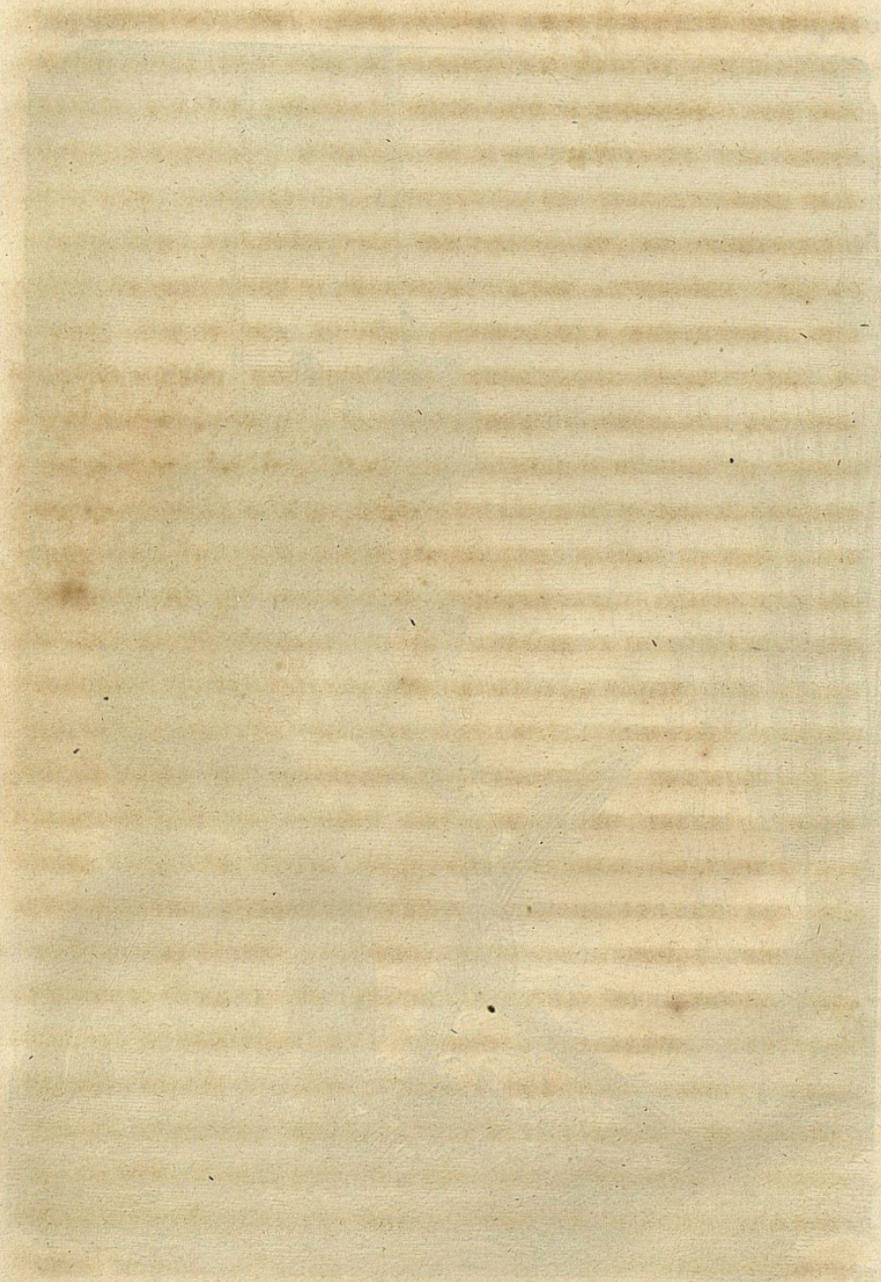
держитъ совѣтъ воздуха и каучукъ. изъ котораго сдѣлано платье, производитъ на тѣло давленіе, равняющееся 10 фунтамъ. Дыханіе становится очень затруднительнымъ и водолазъ чувствуетъ въ тоже время нѣкоторую боль; его щеки надуваются и голова какъ будто хочетъ лопнуть. Это состояніе продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не спустится на глубину 12 футовъ. Тогда всякая боль исчезаетъ и водолазъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. На глубинѣ 60 футовъ собираются вокругъ него обитатели моря, полагающіе вѣроятно, что это мертвое тѣло, брошенное съ какого нибудь корабля на съѣденіе рыбамъ. По мѣрѣ удаленія отъ поверхности, въ водѣ дѣлается все темнѣе и темнѣе, такъ что въ разстояніи 75 футовъ отъ поверхности наступаетъ уже глубокая темнота и внутри шлема играетъ электрической свѣтъ, образующійся отъ дѣйствія насоса. Наконецъ на глубинѣ 116 футовъ вода дѣлается чрезвычайно холодна и температура ея понижается на 4—5 градусовъ выше точки замерзанія.

Къ числу новѣйшихъ усовершенствованій по части водолазнаго искусства принадлежитъ изобрѣтеніе Сенъ-Симонъ Сикара (St. Simon Sicard), позволяющее водолазу пробыть подъ водою продолжительное время и исполнять безъ затрудненія всѣ требуемыя работы. Въ парижскихъ газетахъ было сообщено объ опытахъ надъ этимъ изобрѣтеніемъ, производившихся на Сенѣ, близъ Гренельскаго моста, въ присутствіи назначенной морскимъ министромъ Комиссіи и болѣе 500 постороннихъ лицъ, слѣдующее: Водолазъ былъ одѣтъ

Водолазное платье и снарядъ Сень Симонъ Сикара.

1845

1845

съ головы до ногъ въ платьѣ изъ непромокаемой матеріи, а на головѣ находился у него круглый шлемъ (см. рис. 4). Лицо его можно было видѣть только чрезъ два утвержденныя по обѣимъ сторонамъ овальныя стекла, посреди которыхъ находилось широкое, обращенное ко рту увеличительное стекло, вставляемое въ тотъ моментъ, когда водолазъ опускается въ воду; она совершенно прерываетъ всякое сообщеніе шлема съ наружнымъ воздухомъ, сдѣлавшееся теперь излишнимъ въ слѣдствіе остроумнаго изобрѣтенія Сикара, счастливо рѣшившаго одну изъ труднѣйшихъ задачъ водолазнаго искусства. Платье водолаза и шлемъ соединены между собою металлическимъ поясомъ, который застѣгивается у подбородка и совершенно непроницаемъ для воды и воздуха. Изъ задней части шлема идутъ двѣ трубки, сдѣланныя изъ того же непромокаемаго матеріала, какъ и платье, въ металлическій сосудъ, который укрѣпленъ у водолаза на спинѣ, подобно солдатскому ранцу. Въ этомъ сосудѣ находится искусственный воздухъ, который, проходя чрезъ одну изъ трубокъ въ шлемъ, даетъ водолазу возможность свободно дышать во время пребыванія подъ водою. Онъ можетъ уменьшить или увеличить его притокъ, повернувъ мѣднымъ винтомъ, находящимся у него надъ правымъ плечомъ, одинъ изъ крановъ сосуда. Другая трубка служитъ для отвода воздуха, испорченнаго дыханіемъ, въ другое отдѣленіе сосуда. Въ этомъ приборѣ и состоитъ сущность изобрѣтенія Сень-Симонъ Сикара.

Съ этимъ аппаратомъ спускался другъ изобрѣта-

теля Викторъ де Гранъ-Шампъ въ Сену на глубину 15 футовъ, сидя на желѣзномъ стулѣ, спускавшемся съ большой лодки по блокамъ. По движенію лодки, которая начала удаляться отъ того мѣста, гдѣ водолазъ спустился въ воду, и которая должна была слѣдовать на поверхности рѣки за всѣми его движеніями подъ водою, можно было замѣтить, что онъ сошелъ со стула и идетъ по дну рѣки. Въ лодкѣ находились два человѣка, державшихъ канатъ, посредствомъ котораго водолазъ даетъ и получаетъ сигналы или вытаскивается на поверхность. Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ стулъ былъ поднятъ на верхъ, водолазъ подалъ знакъ и появился вскорѣ за тѣмъ на поверхности съ тяжелымъ камнемъ, взятымъ имъ со дна рѣки. При повтореніи опытовъ, онъ вынесъ на поверхность, по одному за разъ, пять самыхъ тяжелыхъ жернововъ, нарочно для этой цѣли опущенныхъ на дно. Пробывъ 35 минутъ въ водѣ и исходивъ дно рѣки по всѣмъ направленіямъ на пространствѣ болѣе чѣмъ въ 120 футовъ, Гранъ-Шампъ благополучно возвратился на поверхность.

Въ дополненіе къ этому важному усовершенствованію водолазнаго снаряда, Сень-Симонъ Сикаръ изобрѣлъ еще подводную электрическую лампу, которая, при производствѣ описанныхъ опытовъ, была также опущена въ Сену и горѣла подъ водою въ продолженіи почти всего времени, которое оставался тамъ водолазъ. Изобрѣтатель вынималъ ее нѣсколько разъ изъ воды, чтобы показать, что она еще не потухла.

Всѣ эти изобрѣтенія и усовершенствованія сдѣлали

ремесло водолаза почти совершенно безопаснымъ, если только онъ не боится прожорливыхъ акулъ и морского единорога, двухъ страшныхъ обитателей моря, изъ которыхъ первая можетъ перекусить человѣка пополамъ, а второй своимъ длиннымъ бивнемъ въ состояніи пронзить стѣну корабля. Но въ глуби морской скрыто кромѣ того еще многое, что можетъ навести ужасъ даже на самаго безстрашнаго человѣка. Въ доказательство того, какого присутствія духа, смѣлости и мужества требуетъ это ремесло, приведемъ въ заключеніе этого краткаго очерка исторіи изобрѣтенія и усовершенствованій водолазнаго искусства, слѣдующій любопытный рассказъ водолаза, заимствованный изъ одного иностраннаго журнала:

«Недавно погибъ у скалистаго берега Ньюфаундленда пароходъ «Мармирнъ». Безъ сомнѣнія, онъ попалъ на подводную скалу и внезапно разбился. Такъ какъ мѣсто, гдѣ случилось несчастіе, не должно было быть глубоко, то мнѣ показалось возможнымъ добраться до погибшаго судна. Я сообщилъ о своемъ намѣреніи нѣсколькимъ товарищамъ, которые съ охотою согласились отправиться со мною. Не теряя времени, мы сдѣлали необходимыя приготовленія, и скоро въ небольшой лодкѣ поплыли въ шестеромъ подъ моимъ начальствомъ къ назначенному мѣсту. Погода была тихая и ясная, но съ юга и востока поднимались маленькія облачка, грозившія переменною; однако же это насъ не испугало.

Сверхъ ожиданія, въ этомъ мѣстѣ было такъ глубоко, что не видно было даже окончностей мачтъ

погибшаго корабля. Слѣдовательно мы должны были дѣйствовать въ нашихъ поискахъ на удачу. Лодка наша плыла по тому направленію, гдѣ вѣроятно находился погибшій пароходъ и я, вмѣстѣ съ Риммеромъ, однимъ изъ моихъ товарищей, человѣкомъ испытанной храбрости, котораго я выбралъ себѣ въ спутники въ этомъ опасномъ предпріятіи, — одѣлись въ водолазное платье. Мы прикрѣпили шлемы, привели все въ порядокъ, привязали гири и были готовы.

«Страшно темно, Бертонъ, сказалъ мнѣ Риммеръ.» — Ничего, это такъ, маленькая тучка, бодро отвѣчалъ я. Ну, хорошо, все готово! закричалъ я нашимъ провожатымъ, и подавъ условленный знакъ Риммеру, бросился изъ лодки въ воду. Вслѣдъ за мной опустился и Риммеръ. Достигнувъ въ непродолжительномъ времени дна, мы очутились на большой плоскости, опускавшейся къ югу и поднимавшейся къ сѣверу. Когда мы осмотрѣлись, то увидѣли передъ собою темный предметъ, въ которомъ наши привычные глаза легко узнали высокій утесъ.

Я далъ знакъ Риммеру, что бы онъ шелъ къ этому утесу.

Не могу описать, что происходитъ на сердцѣ у того, кто въ первый разъ ходитъ по морскому дну: тысяча вещей поражаетъ здѣсь даже и того, кто сто разъ предпринималъ подобное путешествіе. — Вокругъ насъ лежала покрытая водою плоскость, только глазъ не могъ видѣть такъ далеко, какъ въ воздухѣ: чѣмъ глубже, тѣмъ вода плотнѣе и кажется покрытою туманомъ. Кромѣ непрерывнаго журчанья, произ-

водимаго пузырьками воздуха, выходившаго изъ дыхательной трубки, и шума отъ нашихъ шаговъ, не было слышно никакого звука. Мы бодро шли впередъ; одежда, кажущаяся на воздухѣ тяжелою, здѣсь совершенно удобна и нисколько не стѣсняетъ привычнаго водолаза.

Между тѣмъ, какъ мы подвигались по морскому дну и съ удивленіемъ слѣдили за быстро скользящими вокругъ насъ въ водѣ тысячами рыбъ, надъ нашими головами, въ видѣ темнаго облака, плыло медленно судно. Теперь не болѣе, какъ за сто шаговъ передъ нами, поднимался темный утесъ, который мы замѣтили прежде издалека. Мы еще не были увѣрены, то ли это мѣсто, гдѣ погибъ «Мармирнъ». Но вскорѣ мы могли различить темный, круглый предметъ. Риммеръ толкнулъ меня и указалъ на него рукою, я кивнулъ одобрительно и ускорилъ свои шаги. Черезъ нѣсколько минутъ мы на столько приблизились къ утесу, что могли уже отличить, что темный предметъ была корма корабля, остовъ котораго лежалъ здѣсь.

Риммеръ толкнулъ меня снова и показалъ мнѣ вверхъ; слѣдя за движеніемъ его руки, я увидалъ, что вся поверхность воды была покрыта пѣнящимися волнами. Въ первую минуту трепетъ пробѣжалъ по мнѣ, но это скоро прошло. Положеніе наше дѣлалось опаснымъ: начиналась буря.

Ужели, думалъ я, находясь такъ близко къ цѣли, мы должны будемъ возвратиться! Корабль лежалъ передъ нами. Нѣтъ, я не хотѣлъ этого. Я далъ знакъ Риммеру идти впередъ, и продолжалъ путь.

Теперь утесъ предсталъ предъ нами во всемъ своемъ грозномъ и мрачномъ величїи. Бока его были размыты водою и на нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты морскими растенїями. Мы вскарабкались на его вершину и увидали предъ собою параходъ.

«Мармирнъ» потонулъ въ отвѣсномъ положенїи и стоялъ теперь прямо между двумя скалами, какъ будто на верфи. Мы поспѣшно подошли и влезли на бортъ. Вдругъ въ водѣ послышался легкій стонъ, какъ будто предостерегавшїй насъ и предвѣщавшїй намъ опасность. Медлить было некогда. Риммеръ поспѣшилъ въ каюту, я въ трюмъ и спустился оттуда по лѣстницѣ въ плотническую мастерскую. Все было пусто, и вездѣ вода. Ворвавшїяся внутрь волны потѣшались надъ трудами людей. Я пошелъ къ трюму, но вновь послышавшїйся на палубѣ неожиданный шумъ испугалъ меня. То были тяжелые и поспѣшные шаги человѣка, бѣгущаго точно въ смертельномъ страхѣ. Сердце у меня сильно забилося... Поспѣшно, на сколько позволяла мнѣ тяжесть моего платья, поднялся я по лѣстницѣ чрезъ первое попавшееся отверстїе, и вышелъ на палубу.

Это былъ Риммеръ.

Онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко схватилъ мою руку, судорожно сжалъ ее и указалъ мнѣ на каюту. Я хотѣлъ войти туда, но онъ загородилъ мнѣ дорогу и всячески старался удержать меня. Онъ показывалъ на судно, и почти какъ безумный, отчаянными знаками умолялъ меня плыть наверхъ.

Страшно было смотрѣть на эти нѣмые жесты человѣка, почти обезумѣвшаго отъ ужаса. Они казались

тѣмъ страшнѣе, что я не могъ видѣть его лица, или слышать его голоса. Если мнѣ и не видно было лица Риммера, то за то, чрезъ толстыя стекла маски, я могъ ясно рассмотреть глаза его, горѣвшіе дикимъ огнемъ. «Я хочу войти туда,» воскликнулъ я, и бросился впередъ. Онъ всплеснулъ руками, но не посмѣлъ идти за мною.

Боже! что же могло быть тамъ такого, что до такой степени привело въ ужасъ привычнаго водолаза? Нужно посмотрѣть самому.

Я пошелъ дальше и, дойдя до двери каюты, отперъ ее и вошелъ въ переднюю залу. Въ ней не было ничего, но все-таки ужасъ объялъ мою душу: тамъ внизу была тишина, и какая торжественная тишина! Я обошелъ длинную залу и невольно думалъ о томъ, какъ раздавались въ ней крики погибшихъ пассажировъ. Только испытанный морякъ, бывавшій въ подобныхъ положеніяхъ, можетъ знать, что чувствуетъ душа въ такія мгновенія. Наконецъ я достигъ задней каюты и вошелъ въ нее...

Боже великій!

Я упалъ бы непременно, если бы не ухватился за ручку двери, съ судорожною силой, которую можетъ придать одинъ только смертельный страхъ. Я остановился, какъ вкопанный. Передо мною стояла толпа людей, мужчинъ и женщинъ, окаменѣвшихъ, залитыхъ волнами въ минуту послѣдней борьбы со смертію — каждый, точно прикованный къ тому мѣсту, каждый въ томъ положеніи, въ которомъ застигла его смерть. При толчкѣ погрузившагося корабля, всѣ вско-

чили съ своихъ мѣстъ и бросились къ выходу. Давка у двери была, должно быть, ужасна: несчастные столпились около нея, одни лежали на полу, другіе съ безумною поспѣшностію, тѣсня и давя другъ друга, стремились къ выходу. Одинъ попытался перелѣзть черезъ столъ, но умеръ въ этомъ положеніи на немъ, уцѣпившись за желѣзный косякъ. Какъ кто изъ нихъ схватился за что съ судорожнымъ отчаяніемъ, такъ и замерли его руки, такъ держался онъ и теперь. Всѣ стояли и дико, страшно смотрѣли на дверь, смотрѣли на меня, находившагося подлѣ двери! Ко мнѣ были обращены эти страшные, испуганные глаза, въ которыхъ огонь жизни смѣнился тусклостью смерти,—глаза, устремленные неподвижно, безъ выраженія, подобно глазамъ сумасшедшихъ! Кровь у меня застыла отъ этихъ окаменѣлыхъ взоровъ. И какой страшный, потрясающій контрастъ представляли эти застывшіе, неподвижные взоры, съ искаженными лицами, на которыхъ отпечатлѣлась мучительная тоска, ужасъ, отчаяніе, словомъ, всѣ страданія души. Но страшнѣе всѣхъ былъ человекъ на столѣ: по плечамъ его висѣли черные, растрепанные волосы, борода и усы придавали ему видъ демона. О, какая невыразимо-мучительная борьба со смертію была написана на этихъ отчаянныхъ лицахъ!

Я забылъ о морѣ, которое уже слегка волновалось, когда я всходилъ на пароходъ; но если бы буря свирѣпствовала наверху съ большею въ десять разъ силою, то и тогда она едва ли была бы замѣтна на этой глубинѣ. Однако же непогода вѣроятно усилилась,

потому что и здѣсь примѣтно было нѣкоторое движеніе. Вдругъ пароходъ пошатнулся отъ удара волны. Всѣ эти страшные образы закачались и упали. Я бросился вонъ, съ единственною мыслью какъ нибудь скорѣе выбраться отсюда. Выскочивъ на верхъ, я хотѣлъ сбросить привѣшенные къ моему платью гири, чтобы поскорѣе всплыть на поверхность, но не могъ отвязать ихъ, и сколько ни старался освободиться отъ нихъ, какъ ни напрягалъ своихъ силъ — онѣ не уступали моимъ желаніямъ: желѣзныя застѣжки не отгибались; наконецъ, послѣ многихъ отчаянныхъ попытокъ, мнѣ удалось оторвать одну изъ нихъ, но другая продолжала тянуть меня внизъ. Я чувствовалъ, какъ въ этихъ тщетныхъ усиліяхъ ослабѣваютъ мои силы, надежда на спасеніе исчезала, а воображеніе представляло мнѣ картину, видѣнную въ каютѣ.

Куда дѣвался Риммеръ? Мысль эта внезапно, какъ молнія, поразила меня. Его не было, но гири его лежали здѣсь: очевидно, онъ выплылъ на поверхность. Я взглянулъ на верхъ, и увидалъ лодку, качавшуюся на волнахъ. За все золото Голконды я не остался бы здѣсь долѣе, въ обществѣ этихъ страшныхъ мертвецовъ.

И такъ, назадъ. Страхъ придалъ мнѣ крылья, я сошелъ съ лѣстницы, перешелъ снова черезъ трюмъ и приблизился къ тому мѣсту, черезъ которое вошелъ. Тамъ было темно — меня объѣлъ снова ужасъ: *подъемная дверь закрылась...*

Въ отчаяніи я бросился назадъ; но тамъ я оставаться не могъ; мнѣ нужно было скорѣе вонъ, бѣжать

скорѣе отъ этихъ адскихъ ужасовъ. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ, и пробовалъ приподнять дверь — она не уступала моимъ усиліямъ. Я уперся въ нее головою, покрытою шлемомъ — лѣстница затрещала подо мною, но дверь не подавалась, крѣпкая трубка моего шлема попала въ отверстіе двери; я схватилъ желѣзный брусокъ, началъ дѣйствовать имъ какъ рычагомъ — дверь немного приподнялась, но далѣе не шла. Осмотрѣвшись кругомъ, я увидалъ нѣсколько деревянныхъ брусьевъ и съ помощію ихъ началъ по немногу поднимать тяжелую дверь, вкладывая всякій разъ по одному брусу въ отверстіе для того, чтобы оно не закрылось. Но работа шла медленно и послѣ многихъ усилій мнѣ удалось поднять дверь только на четыре дюйма.

Между тѣмъ море все болѣе и болѣе волновалось; потонувшее судно сотрясалось подъ его ударами. Вдругъ оно покачнулось и легло на бокъ.

Я бросался во всѣ стороны, чтобы найти другой выходъ на палубу, но не находилъ его. Я возвратился къ подъемной двери, сѣлъ подлѣ нея въ отчаяніи и ожидалъ смерти. — Но пароходъ, потрясаемый силою волнъ, получилъ новый толчекъ. Онъ стоялъ теперь, какъ на остреѣ; малѣйшаго напора волнъ было бы достаточно, чтобы его опрокинуть.

Онъ трещалъ, скрипѣлъ, гнулся, наклонялся на бокъ. Когда онъ оборотился палубой перпендикулярно ко дну, я взобрался по лѣстницѣ и, оттолкнувъ дверь, выпрыгнулъ вонъ на дно моря. Была пора — потому что еще одна минута и корабль опрокинулся бы еще разъ.

Употребивши послѣднія усилія, я рванулъ привязанную къ ногѣ гирю и когда она оторвалась и упала, тотчасъ же началъ всплывать и чрезъ нѣсколько минутъ былъ на поверхности воды.

Слава Богу! тамъ покачивалась лодка съ моими товарищами: они дожидались, когда я появлюсь, увидели меня, подплыли ко мнѣ, и я былъ спасенъ. Риммеръ убѣждалъ отъ страшнаго зрѣлища, когда я отправился въ каюту, но онъ остался на лодкѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, подать мнѣ помощь. Онъ никогда болѣе не опускался въ море, и сдѣлался шкиперомъ. Я же остался водолазомъ, но опускаюсь только къ такимъ кораблямъ, экипажъ которыхъ спасся.»

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА.

(ВЪ СОКРАЩЕНІИ)

(продолженіе).

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

КРЕДИТНОЕ ПОРЯДКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ДАНИИЛА ГРОТТА

(в continuation)

(продолжение)

Main body of faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

VI.

ЦЫГАНЕ.

Воспитаніе Квентина Дорварда было не таково, чтобъ могло смягчить сердце или улучшить нравственное чувство. Онъ и остатокъ его семейства были причены считать охоту забавою, а войну единственнымъ достойнымъ ихъ занятіемъ; имъ было внушено, что главная обязанность жизни состоитъ въ томъ, чтобъ упорно выдерживать и безпощадно отмщать нападенія феодальныхъ враговъ, которые почти истребили весь родъ ихъ. Къ этимъ борьбамъ примѣшивался, однако, духъ грубаго рыцарства и даже немного вѣжливости, смягчавшей ихъ суровость, такъ что мщеніе — единственное правосудіе тѣхъ временъ — выполнялось еще съ нѣкоторымъ человѣколюбіемъ и великодушіемъ. Уроки достойнаго монаха, которымъ Дорвардъ внималъ въ продолжительной болѣзни и несчастій лучше, нежели онъ, можетъ быть, сталъ бы внимать имъ, наслаждаясь здоровьемъ и удачами, научили его пристальнѣе разсматривать обязанности человѣка къ человѣчеству; если принять въ разсужденіе невѣжество того времени, общее предубѣжденіе въ пользу военной жизни и родъ его собственнаго достоянія, то не мудрено, что молодой шотландецъ былъ расположенъ вѣрнѣе понимать и чувствовать нравственные обязанности, со-

пряженные съ его званіемъ, нежели какъ это вообще дѣлалось въ тѣ времена.

Онъ размышлялъ о посѣщеніи дяди съ чувствомъ замѣшательства и разочарованія. Ожиданія его заносились высоко, потому что, хотя о письмахъ и невозможно было думать, но случилось, что по временамъ какой нибудь пилигримъ или отважный торговецъ, или изувѣченный воинъ заносилъ имя Лесли въ Гленъ-гулэкинъ; всѣ они единодушно хвалили его испытанную неустрашимость и успѣшное выполненіе многихъ предприятий, свершенныхъ имъ по приказанію короля. Воображеніе Квентина дорисовало этотъ очеркъ по своему; оно уподобило побѣдоноснаго и отважнаго дядю (котораго подвиги, вѣроятно, не теряли отъ рассказовъ) тѣмъ витязямъ или странствующимъ рыцарямъ, о которыхъ пѣли минстрели и которые подвигами добывали себѣ короны и сердца царскихъ дочерей. Теперь Квентинъ былъ вынужденъ поставить своего дядю гораздо ниже на ступеняхъ рыцарства; но, ослѣпленный высокимъ уваженіемъ, отдаваемымъ родителямъ и близкимъ родственникамъ, движимый въ пользу дяди всѣми ранними предрасудками, неопытный и страстно привязанный къ памяти своей матери, онъ не могъ не видѣть, что единственный братъ этого драгоценнаго существа, Людовикъ Лесли не былъ многимъ хуже или лучше обыкновенныхъ наемныхъ воиновъ, увеличивавшихъ своимъ присутствіемъ бѣдственное состояніе Франціи.

Рубецъ, не жестокосердый отъ природы, не дорожилъ человѣческую жизнь отъ привычки и былъ

равнодушенъ къ человѣческимъ страданіямъ; онъ былъ глубоко невѣжественъ, жаденъ къ добычѣ, неразборчивъ въ средствахъ приобрѣтать ее и расточителенъ въ удовлетвореніи ея своихъ слабостей. Привычка заботиться только о своихъ собственныхъ потребностяхъ и выгодахъ превратила его въ одно изъ самыхъ себялюбивыхъ созданій въ мірѣ, такъ что онъ рѣдко бывалъ способенъ, какъ читатель могъ уже замѣтить, разсуждать о какомъ бы то ни было предметѣ, не примѣняя его къ себѣ. Къ этому нужно прибавить, что тѣсный кругъ его обязанностей и удовольствій постепенно ограничилъ его мысли, надежды и желанія, и въ сильной степени усмирилъ дикое стремленіе къ чести и отличіямъ воинскими подвигами, чѣмъ нѣкогда одушевлялась его юность. Короче, Рубецъ былъ храбрый воинъ, ожесточенный, себялюбивый, съ умомъ ограниченнымъ; дѣятельный и отважный въ исполненіи своей должности, онъ внѣ предѣловъ ея мало признавалъ обязанностей, кромѣ развѣ наружнаго соблюденія нѣкоторой набожности. Если бѣ дарованія его были обширнѣе, онъ, вѣроятно, былъ бы удостоенъ какого нибудь важнаго начальническаго мѣста, потому что король Людовикъ, знавшій лично каждаго изъ своихъ тѣлохранителей, много довѣрялъ храбрости и вѣрности Рубца; да сверхъ того, Шотландецъ былъ столько смѣтливъ или хитеръ, что вполне понималъ прихоти этого государя и ловко умѣлъ поддѣлываться къ нимъ. Но способности Лесли были слишкомъ ограничены для высшихъ должностей, и хотя Людовикъ

улыбался и оказывалъ ему милости во многихъ случаяхъ, однакоже Рубецъ продолжалъ быть простымъ тѣлохранителемъ, или шотландскимъ стрѣлкомъ.

Не понимая вполнѣ характера своего дяди, Квентинъ непріятно былъ пораженъ равнодушіемъ Рубца къ бѣдственному истребленію всего семейства его шурина; молодой Шотландецъ не могъ не удивляться, что такой близкій родственникъ не предложилъ ему въ пособіе своего кошелька, о чемъ, безъ своевременной щедрости мэтра Пьерра, ему было бы необходимо просить своего дядю. Онъ былъ, однако, несправедливъ, приписывая скуности недостатокъ вниманія дяди. Не нуждаясь въ деньгахъ въ ту минуту, Рубецъ и не подумалъ, что племянникъ его могъ быть въ плохихъ обстоятельствахъ; иначе, считая близкаго родственника частью самого себя, онъ навѣрно позаботился бы о благосостояніи живого племянника столько же, сколько пекся о душахъ своей покойной сестры и ея супруга. Каковы бы, однако, ни были его побужденія, нерадѣніе его не понравилось молодому Дорварду, и онъ не разъ пожалѣлъ о томъ, что не опредѣлился въ службу къ герцогу бургундскому передъ тѣмъ, какъ поколотилъ его лѣсничаго. «Чтобы ни случилось тогда со мною,» разсуждалъ онъ, «я всегда поддерживалъ бы себя утѣшительною мыслию, что, въ случаѣ бѣды, у меня есть надежный другъ и дядя. А теперь, я повидался съ нимъ, и что же? мнѣ больше помогъ какой-то ремесленникъ—чужеземецъ, нежели родной братъ моей матери, землякъ и дворянинъ! Можно по-

думать, что рубецъ, лишившій его лицо пригожести, вытянулъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всю добрую кровь изъ его тѣла».

Дорвардъ сожалѣлъ, что не имѣлъ случая рассказать своему дядѣ о мѣтрѣ Пьеррѣ; онъ надѣялся разузнать отъ него подробнѣе объ этомъ чудномъ купцѣ; но разпросы дяди такъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, а призывъ большого колокола св. Мартина Турскаго прервалъ ихъ бесѣду такъ внезапно, что онъ не имѣлъ на то времени. «Этотъ старикъ» подумалъ онъ «былъ угрюмъ и брюзгливъ по наружности, говорилъ ѣдко и презрительно, но за то былъ щедръ и великодушень на дѣлѣ; а такой незнакомецъ стоитъ холоднаго родственника. Отъищу этого чудака; это, я думаю, будетъ нетрудно, потому что хозяинъ мой говоритъ такъ много о его богатствѣ... Онъ дастъ мнѣ по крайней мѣрѣ добрый совѣтъ, какъ мнѣ поступить; и если онъ ѣздитъ въ чужіе края, какъ дѣлаютъ многіе изъ его сословія, такъ, пожалуй, служба у него будетъ сопряжена съ такими же приключеніями, какъ служба тѣлохранителей короля Людовика.

Среди этихъ разсужденій онъ встрѣтилъ двухъ степенныхъ, повидимому, гражданъ турскихъ; снявъ шапку съ почтеніемъ, подобающимъ старости, онъ учтиво попросилъ ихъ указать ему домъ мѣтра Пьерра. — Чей домъ, любезный сынъ? спросилъ одинъ изъ прохожихъ.

— Мѣтра Пьерра, богатаго купца, который насадилъ шелковичныя деревья въ томъ паркѣ, отвѣчалъ Дорвардъ.

— Молодой человекъ, сказалъ тотъ, который былъ ближе къ нему: — ты принялся за праздное ремесло немножко рано...

— И выбралъ неприличные предметы для своихъ шутокъ, замѣтилъ другой еще сердитѣе: — Синдикъ города Тура не привыкъ, чтобъ съ нимъ такъ говорили чужеземные бродяги.

Квентинъ до такой степени удивился, что эти почтенные люди оскорбились самымъ простымъ и вѣжливымъ вопросомъ, что не успѣлъ даже разсердиться на грубость ихъ отвѣта, а только глядѣлъ имъ въ слѣдъ, когда они пошли отъ него ускоренными шагами, часто оглядываясь назадъ, какъ будто имъ хотѣлось поскорѣе скрыться у него изъ вида.

Послѣ того, онъ встрѣтилъ толпу виноградарей и обратился къ нимъ съ такимъ же вопросомъ: они, въ отвѣтъ, спросили его, какого мэтра Пьерра ему нужно? — школьнаго ли учителя, или мэтра Пьерра сторожа? или полдюжины другихъ разнородныхъ мэтровъ Пьерровъ? Такъ какъ ни одинъ изъ названныхъ мэтровъ Пьерровъ не подходилъ къ тому лицу, о которомъ развѣдывалъ Дорвардъ, то работники обвинили его въ неумѣстной шутливости и грозили побить его въ отплату за насмѣшливость. Самый пожилой изъ нихъ, имѣвшій, повидимому, нѣкоторое вліяніе на остальныхъ, убѣдилъ ихъ отказаться отъ насильственныхъ поступковъ. — Вы видите по его рѣчамъ и дурацкой шапкѣ, сказалъ онъ: — что это одинъ изъ тѣхъ чужеземныхъ сорванцовъ, которые пришли въ нашу сторону и которыхъ одни называютъ колдунами и пред-

сказателями, другіе фокусниками; кто знаетъ, какими проказами они тамъ пробавляются! Я слыхалъ объ одномъ, который заплатилъ ліарь, чтобъ поѣсть винограду въ саду одного бѣдняка, и съѣлъ столько, что этимъ можно было бы нагрузить цѣлый возъ, а самъ не разстегнулъ ни одной пуговики на своей курткѣ... Пусть онъ идетъ себѣ своею дорогою, а мы пойдѣмъ своею. Ты, пріятель, если хочешь избѣжать бѣды, иди съ миромъ во имя Божіе, Мормутъёской Богоматери и св. Мартина Турскаго, и не тревожь насъ своимъ мэтромъ Пьерромъ. Чего добраго, вы еще, пожалуй, такъ называете дьявола!

Шотландецъ, видя, что его сторона слабѣе, рассудилъ, что умнѣе всего будетъ продолжать идти своею дорогою; но работники, сначала отступившіе отъ него при извѣстїи о его предполагаемомъ колдовствѣ и пожираниіи винограда, ободрились, когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе, и, послѣ нѣсколькихъ восклицаній и проклятій, выразили свои чувства градомъ каменьевъ, хотя отдаленіе и не допустило ихъ причинить какой нибудь вредъ юношѣ. Квентинъ, продолжая идти, началъ въ свою очередь думать, что или самъ онъ находится подъ вліяніемъ чародѣйства, или жители Турэни народъ самый глупый, грубый и негостепріимный изъ всѣхъ жителей Франціи. Слѣдующій случай, обратившій на себя его вниманіе, не долженъ былъ ослабить такого убѣжденія.

На невысокомъ пригоркѣ, поднимавшемся надъ быстрымъ и прекраснымъ Шеромъ, прямо по дорогѣ, лежавшей передъ Квентиномъ, росли два каштановыя

дерева, поставленные такъ удачно, что они образовывали собою замѣтную группу; около нихъ стояло неподвижно человекъ пять крестьянъ съ поднятыми вверхъ головами и взорами, повидимому устремленными на какой-то предметъ, находившійся между вѣтвями. Размышленія юности рѣдко бываютъ такъ глубоки, чтобъ не уступить мѣста самому легкому побужденію любопытства, также точно, какъ малѣйшій камешекъ, случайно упавшій въ воду, взволновываетъ поверхность прозрачнаго пруда. Квентинъ ускорилъ шаги, и, побѣжавъ по отлогому скату пригорка, поспѣлъ во время къ страшному зрѣлищу, обращавшему на себя вниманіе зѣвакъ: онъ увидѣлъ тѣло человекъ, повѣшеннаго на одномъ изъ сучьевъ и бившагося въ послѣднихъ судорогахъ предсмертныхъ мукъ. — Что жъ вы не обрѣжете веревки? сказалъ молодой Шотландецъ, котораго рука была всегда столько же готова на помощь чужой бѣдѣ, сколько на защиту своей чести, если онъ считалъ ее оскорбленною.

Одинъ изъ крестьянъ, обративъ на Квентина взоръ, въ которомъ ясно выражался ужасъ, и лицо, блѣдное какъ мѣлъ, — молча указалъ ему на знакъ, вырѣзанный на корѣ дерева. Не понимая этого знака или не обращая на него вниманія, молодой Дорвардъ взобрался на дерево съ легкостью кошки, вынулъ изъ своего кошеля необходимѣйшее орудіе для жителя горъ или лѣсовъ, надежный *skene dhu* (*), и, крик-

---

(*) Черный ножъ; родъ нескладного ножа безъ пружины, въ прежніе годы бывшаго въ большомъ употребленіи у гор-

нувъ стоявшимъ внизу, чтобъ они принимали тѣло, перерѣзалъ веревку, употребивъ на весь свой подвигъ не болѣе минуты.

Но человѣколюбію его худо содѣйствовали присутствующіе. Въмѣсто того, чтобъ подать Дорварду помощь, они казались до такой степени напуганными его дерзостью, что единодушно пустились бѣжать, какъ будто одно то, что они видѣли его поступокъ, могло обвинить ихъ въ сообщничествѣ. Тѣло, неподдержанное снизу никѣмъ, тяжело рухнуло на землю, и Квентинъ, соскочившій внизъ вслѣдъ за нимъ, съ горестію увидѣлъ, что въ немъ угасла послѣдняя искра жизни. Онъ однако же не хотѣлъ отказаться отъ своего благотворительнаго подвига безъ дальнѣйшей попытки. Освободивъ шею несчастнаго отъ гибельной петли, онъ растегнулъ ему фуфайку, брызгалъ въ лицо водою и употреблялъ всѣ средства, обыкновенныя въ такихъ случаяхъ для возвращенія отлетающей жизни.

Пока Дорвардъ предавался такому человѣколюбивому занятію, онъ услышалъ за собою дикій, смѣшанный гулъ голосовъ, говорившихъ на неизвѣстномъ ему языкѣ; едва имѣлъ онъ время увидѣть, что его окружила толпа мужчинъ и женщинъ странной наружности, какъ почувствовалъ, что его грубо схватили, за обѣ руки, и въ то же мгновеніе обнаженный ножъ засверкалъ у его горла. — Блѣдный рабъ Эблиса!

ныхъ Шотландцевъ, которые рѣдко путешествовали безъ этого безобразнаго оружія; теперь оно рѣдко употребляется.

сказалъ одинъ ломанымъ французскимъ языкомъ: — ты еще грабишь того, кого умертвилъ? Но ты въ нашихъ рукахъ, ты намъ заплатишься!

Въ то же мгновеніе, вокругъ его обнажились ножи, между тѣмъ, какъ мрачныя и звѣрскія лица глазѣвшихъ на него людей дѣлали ихъ похожими на волковъ, бросающихся на добычу. Не смотря на все это, молодой Шотландецъ не потерялъ смѣлости и присутствія духа. — Что вы дѣлаете? сказалъ онъ: — если это тѣло одного изъ друзей вашихъ, я его сейчасъ только спустилъ отсюда изъ простаго человѣколюбія, и вы лучше сдѣлаете, если постараетесь возвратить его къ жизни, нежели обижать невиннаго иностранца, которому онъ обязанъ единственнымъ случаемъ къ спасенію.

Въ это время, женщины овладѣли мертвымъ тѣломъ и продолжали хлопотать около него, прилагая тѣ же способы, которыми Дорвардъ старался оживить повѣшеннаго, но безъ всякаго успѣха. Наконецъ, отказавшись отъ безплодныхъ усилій, всѣ, повидимому, предались изъявленію своей горести по восточному обычаю: женщины жалобно вопили и рвали свои длинные черные волосы, а мужчины посыпали себѣ голову пепломъ и, казалось, раздирали свою одежду. Вся эта толпа до того была занята своимъ плачемъ, что перестала обращать вниманіе на Дорварда, въ невинности котораго она, вѣроятно, наконецъ убѣдилась изъ обстоятельствъ. Безъ всякаго сомнѣнія, молодой Шотландецъ поступилъ бы умнѣе, еслибъ предоставилъ этимъ дикимъ людямъ полную свободу горевать,

а самъ ушелъ отъ нихъ; но онъ былъ воспитанъ въ правилахъ почти совершенно безразсуднаго презрѣнія опасностей и чувствовалъ всю жадность юношескаго любопытства.

Странная толпа мужчинъ и женщинъ, собравшихся около этого мѣста, носила на головахъ чалмы и шапки, вообще болѣе похожія на шапку самого Дорварда, нежели на шляпы, употреблявшіяся во Франціи. У нѣкоторыхъ изъ мужчинъ были курчавыя бороды, а цвѣтъ лица почти такой же темный, какъ у Африканцевъ. Одинъ или двое изъ нихъ, казавшіеся начальниками, имѣли на шеѣ и въ ушахъ мишурныя или серебряныя украшенія и носили желтые, багряные или свѣтлозеленые шарфы; но руки и ноги ихъ были обнажены, и вся толпа казалась по наружности изнеможенною и убогою. Дорвардъ не видалъ у нихъ другого оружія, кромѣ длинныхъ ножей, которыми они ему недавно угрожали, и короткой кривой сабли, на подобіе мавританской, висѣвшей при бедрѣ одного молодого человѣка бойкой наружности, который часто хватался за рукоять ея, и между тѣмъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ въ бѣшеныхъ изъявленіяхъ горести, примѣшивая къ нимъ по временамъ угрозы мщенія.

Безпорядочная и вопящая толпа до того отличалась своею наружностью отъ всего, что только Квентину случалось видѣть, что онъ готовъ былъ принять ихъ за Сарацинъ, сражавшихся съ благородными рыцарями и христіанскими государями во всѣхъ романахъ, которые ему случалось читать или слышать. Онъ уже готовился уйти отъ такого опаснаго сосѣд-

ства, какъ вдругъ раздался конскій топотъ, и на мнимыхъ Сарациновъ, взвалившихъ себѣ на плечи тѣло своего погибшаго товарища, вскорѣ напалъ отрядъ французскихъ объѣздчиковъ.

Внезапное появленіе отряда замѣнило жалобные вопли дикими криками ужаса. Въ одно мгновеніе, тѣло было брошено на землю и несшіе его оказали самое дѣятельное проворство, бросаясь подъ лошадей и выскользая у нихъ изъ подъ брюха и ногъ, чтобъ избѣжать острія копій, наклоненныхъ на нихъ съ восклицаніями: «бей проклятыхъ язычниковъ! хватай, рѣжь воровъ! вяжи ихъ, какъ скотовъ! коли, какъ волковъ!»

Крики эти сопровождались соответствующими наступательными дѣйствіями; но ловкость бѣглецовъ была такъ велика, что всадникамъ, которымъ мѣшали неровность мѣста и кустарники, удалось свалить и захватить въ плѣнъ только двоихъ, въ томъ числѣ молодого человѣка съ саблей, который сначала пытался сопротивляться объѣздчикамъ. Квентинъ, сдѣлавшійся, повидимому, цѣлью стрѣлъ своей злой судьбины, былъ также схваченъ, и руки его, не смотря на всѣ его доказательства, были скручены веревкою; вязавшіе показали при этомъ случаѣ ловкость и расторопность, изъ которыхъ ясно было, что они не новички въ полицейскомъ дѣлѣ.

Обративъ безпокойные взоры на предводителя всадниковъ, отъ котораго Дорвардъ надѣялся получить свободу, онъ не зналъ, радоваться ему или тревожиться, разглядѣвъ въ немъ молчаливаго и всегда

смотрящаго въ землю товарища мэтра Пьерра. Правда, какое бы ни сдѣлали преступленіе эти чужеземцы, начальникъ объѣзда долженъ былъ знати, по приключенію того утра, что онъ, Дорвардъ, не имѣлъ съ ними ничего общаго; но съ другой стороны, нужно было еще рѣшить, будетъ ли этотъ сердитый чело-вѣкъ безпристрастнымъ судьей или добровольнымъ свидѣтелемъ его невинности, — и Квентинъ невольно чувствовалъ сомнѣніе, улучшится ли его участь, если онъ къ нему обратится.

Но молодому Шотландцу оставалось мало времени на размышленіе. — Труазешелль и Птитъ-Андре, сказали угрюмый чиновникъ двоимъ изъ своей свиты: — эти деревья стоятъ здѣсь какъ нельзя больше кстати. Я научу этихъ нечестивыхъ воровъ и колдуновъ, что значить мѣшать королевскому правосудію, когда оно посѣтило одного изъ ихъ проклятаго племени. Слѣзайте съ коней, дѣтушки, и проворнѣе за дѣло.

Труазешелль и Птитъ-Андре были въ одно мгновеніе на ногахъ; Квентинъ замѣтилъ, что у cadaго изъ нихъ было привѣшено къ лукъ сѣдла по одной или по двѣ свернутыя вервки, которыя они поспѣшно отцѣпили; онъ увидѣлъ также, что каждая веревка имѣла на одномъ концѣ страшную петлю въ совершенной готовности на всякій случай. Кровь застыла въ жилахъ Шотландца, когда одну изъ трехъ выбранныхъ веревокъ приготовились надѣть ему на шею. Онъ громко обратился къ чиновнику, напомнилъ ему встрѣчу ихъ въ то утро, предъявлялъ свои права

свободнорожденнаго Шотландца въ союзной и дружественной странѣ, отказываясь отъ всякаго сообщества съ людьми, съ которыми его смѣшивали, и увѣряя его въ совершенномъ невѣдѣніи о нихъ и о ихъ преступленіяхъ.

Угрюмый и молчаливый чиновникъ едва удостоилъ Квентина Дорварда взглядомъ и не оказывалъ ни малѣйшаго вниманія ни къ его словамъ, ни къ увѣреніямъ въ прежнемъ знакомствѣ. Онъ только обернулся къ одному или двумъ изъ крестьянъ, выступившихъ впередъ изъ любопытства или желанія быть свидѣтелями противъ плѣнниковъ, и сказалъ отрывисто: — былъ этотъ молодецъ вмѣстѣ съ бродягами?

— Какъ же, сударь, былъ, отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ: — онъ первый осмѣлился богохульно обрѣзать веревку мошенника, котораго правосудіе его величества такъ совершенно справедливо обрело на казнь, — какъ мы уже докладывали вашей почтенности.

— Я готовъ покляться Богомъ и св. Мартиномъ Турскимъ, что видѣлъ его въ ихъ шайкѣ, когда они разграбили нашу *métairie*, сказалъ другой.

— Однако, послушай, отецъ, замѣтилъ какой-то мальчикъ: — вѣдь тотъ язычникъ былъ черенъ, а этотъ бѣлъ; у того были короткіе курчавые волосы, а у этого длинныя свѣтлыя кудри.

— Да, дитятко, отвѣчалъ мужикъ: — можетъ быть, ты еще скажешь, что у того былъ зеленый кафтанъ, а у этого зеленая куртка. Но его почтенность знаетъ, что они такъ же легко могутъ перемѣ-

нять свои лица, какъ фуфайки, и я все-таки думаю, что это тотъ же самый.

— Довольно и того, что вы видѣли, какъ онъ вмѣшивался въ исполненіе королевскаго правосудія, желая возвратить къ жизни казненнаго измѣнника, сказалъ чиновникъ: — Труазешелль и Птигъ-Андре, проворнѣе!

— Стойте, господинъ чиновникъ! воскликнулъ юноша въ мучительномъ томленіи: — выслушайте меня! не умерщвляйте безвиннаго. Земляки мои потребуютъ у васъ отчета за кровь мою; вы будете отвѣчать за нее передъ небеснымъ правосудіемъ.

— Я ужь буду отвѣчать за свои поступки въ обоихъ случаяхъ, отвѣчалъ хладнокровно судья, и лѣвою рукою сдѣлалъ знакъ своимъ подчиненнымъ; потомъ, съ улыбкою торжествующей злобы, коснулся указательнымъ пальцемъ своей правой руки, которая, послѣ полученнаго ею утромъ отъ Дорварда удара, была подвязана шарфомъ.

— Подлый мстительный злодѣй! воскликнулъ Квентинъ, увѣрившись послѣ этого жеста, что одно только личное мщеніе было причиною строгости его судьи, и что ему нельзя ожидать никакой пощады.

— Бѣдный юноша бредитъ, сказалъ судья: — произнеси ему утѣшительное слово, Труазешелль, передъ тѣмъ, какъ онъ отправится; ты человекъ способный на случай, когда подъ рукою нѣтъ духовника. Можешь съ минуту увѣщевать его, а въ слѣдующую минуту покончи дѣло. Я долженъ продолжать объѣздъ. Стража, за мной!

Судья поѣхалъ, въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ; двое или трое изъ отряда остались на мѣстѣ для совершенія казни. Несчастный юноша бросилъ ему въ слѣдъ взглядъ, почти затмившійся отъ отчаянія; ему казалось, что при каждомъ топотѣ копытъ лошади судьбы исчезаетъ надежда на спасеніе. Онъ оглянулся въ мучительномъ безпокойствѣ и даже въ эту минуту не могъ не удивляться стоическому равнодушію своихъ соплѣнниковъ. Они сначала обнаруживали всѣ признаки страха и прилагали всѣ усилія къ бѣгству; но теперь, видя себя связанными и обреченными неизбѣжной смерти, ожидали ея приближенія съ необыкновеннымъ спокойствіемъ. Можетъ быть, видъ предстоящей имъ участи придалъ болѣе желтый отливъ ихъ темносмуглымъ щекамъ, но черты ихъ лицъ были неподвижны, и ничто не подавляло упорной надменности взоровъ. Они походили на лисицъ, которыя, истощивъ всѣ уловки и хитрости, чтобъ убѣжать, умираютъ съ безмолвною и сердитою твердостью, которой не обнаруживаютъ болѣе лютые звѣри, волки и медвѣди.

Несчастныхъ не устрошили приемы палачей, занявшихся своимъ дѣломъ гораздо мѣшкатиѣе, нежели какъ приказывалъ ихъ начальникъ, что, вѣроятно, произошло отъ пріобрѣтеннаго ими привычкою нѣкотораго рода удовольствія, доставляемаго исполненіемъ ужасной обязанности.

Исполнители казни, о которыхъ будемъ говорить, совершенно отличались другъ отъ друга наружностью и приемами. Людовикъ XI имѣлъ привычку называть ихъ Демокритомъ и Гераклитомъ, а начальникъ ихъ

(прево, судья) называлъ одного Жанъ-плакса, а другаго Жанъ-хохотунъ.

Трузешелль былъ человѣкъ высокаго роста, худощавый и угрюмый, съ степеннымъ лицомъ и огромными четками на шеѣ, которыхъ употребленіе онъ предлагалъ страдалцамъ, подлежащимъ исполненію его обязанности. У него постоянно было на устахъ нѣсколько латинскихъ текстовъ о тщетѣ и ничтожествѣ человѣческой жизни. Птитъ-Андре, напротивъ, былъ маленькій, круглый, проворный малой, смотрѣвшій весельчакомъ, хохотавшій при исполненіи своей должности, какъ будто она была для него пріятнѣйшимъ развлеченіемъ. Онъ, повидимому, чувствовалъ къ своимъ жертвамъ нѣжную привязанность и всегда говорилъ съ ними добродушно и дружески. Онъ называлъ ихъ своими честными бѣдняками, своими голубчиками, своими куманьками или добрыми старичками, смотря по ихъ полу или возрасту. Трузешелль старался внушить имъ философическій и религіозный взглядъ на будущую жизнь, а Птитъ-Андре рѣдко упускалъ случай освѣжить ихъ нѣсколькими шуточками, какъ будто для того, чтобъ они считали разставанье съ этимъ свѣтомъ чѣмъ-то смѣшнымъ, ничтожнымъ, недостойнымъ серьезнаго вниманія.

Не могу сказать, какъ и почему, но обѣ эти почтенныя особы, не смотря на разнообразіе ихъ талантовъ и рѣдкое проявленіе такихъ способностей въ людяхъ ихъ ремесла, были всѣми вообще ненавидимы больше, нежели какіе бы то ни было палачи, жившіе прежде и послѣ нихъ. Единственное сомнѣніе знавшихъ

что нибудь о нихъ, заключалось въ томъ, который изъ двухъ — степенный и важный Труазешелль, или живой, шутливый и проворный Птитъ-Андре, внушалъ къ себѣ больше страха и отвращенія. Достовѣрно одно: они въ томъ и другомъ имѣли пальму первенства передъ всѣми палачами Франціи, и уступали развѣ только начальнику своему, Тристану — Пустыннику, знаменитому профосу, или его повелителю, самому Людовику XI.

Не должно думать, чтобъ подобныя размышленія пришли въ голову Квентину Дорварду. Жизнь, смерть, вѣчность, неслись передъ его глазами, — уничтожающая и грозная перспектива, отъ которой отшатывается слабость человѣческой природы, хотя гордость и страшится обнаруживать страхъ. Онъ обратился къ Богу своихъ отцовъ... Воображенію его представилась маленькая, грубая, непокрытая часовня, въ которой покоился весь родъ его. «Наши феодальные враги погребли моихъ родныхъ въ нашей собственной землѣ» подумалъ Дорвардъ: «а я долженъ буду кормить своимъ тѣломъ вороновъ и хищныхъ птицъ на чужбинѣ, какъ отлученный отъ церкви преступникъ!» Слезы невольно полились изъ глазъ его. Труазешелль, слегка коснувшись его плеча, важно поздравлялъ молодого Шотландца съ благочестивымъ расположеніемъ къ предстоявшей кончинѣ. Птитъ-Андре, потрепавъ его по другому плечу, воскликнулъ: «Смѣлѣе, любезнѣйшій! ужь если надобно начинать пляску, такъ пусть балъ открывается весело, потому что всѣ струны настроены» — и дернулъ въ то же время веревку, чтобъ придать

вѣсь своей шуткѣ. Пока юноша обращалъ отчаянные взоры то на одного, то на другого, оба они старались объяснить ему понятнѣе смыслъ своихъ словъ, кротко подвигая его къ страшному дереву и совѣтуя не робѣть, потому что въ одно мгновеніе все будетъ кончено.

Въ такомъ гибельномъ положеніи, Квентинъ смутно оглянулся вокругъ себя. — Есть ли здѣсь хоть одинъ добрый христіанинъ, сказалъ онъ: — кто бы сказалъ Людовику Лесли изъ шотландскихъ стрѣлковъ, котораго въ здѣшней странѣ называютъ Рубцомъ, что племянника его подло умерщвляютъ?

Слова эти были сказаны во время, потому что какой-то шотландскій стрѣлокъ, привлеченный къ тому мѣсту приготовленіями казни, остановился съ двумя прохожими, чтобъ посмотрѣть на происходящее. — Подумайте напередъ, что вы дѣлаете, сказалъ онъ палачамъ: — если этотъ молодой человѣкъ шотландецъ, я не позволю сдѣлать ему ничего дурного.

— Избави Богъ, господинъ-рыцарь! отвѣчалъ Трузешелль: — но мы должны исполнить то, что намъ приказано, — и онъ потащилъ Дорварда за одну руку.

— Чѣмъ игра короче, тѣмъ она честнѣе, сказалъ Питтъ-Андре, потягивая его впередъ за другую руку.

Но Квентинъ уже слышалъ слова утѣшенія: удачнымъ усиліемъ онъ оттолкнулъ отъ себя обоихъ исполнителей правосудія и, со связанными еще руками, побѣжалъ къ шотландскому стрѣлку. — Заступись за меня, землякъ, сказалъ онъ ему на родномъ своемъ

языкъ: — если ты любишь Шотландію и св. Андрея! Я невиненъ... я твой соотечественникъ. Заступись за меня, или ты будешь отвѣчать за мою кровь въ день судный!

— Клянусь св. Андреемъ, они пробьются къ тебѣ только черезъ мой грѣхъ! сказалъ стрѣлокъ, обнаживъ мечъ.

— Обрѣжь мои веревки, землякъ, и я самъ помогу тебѣ, сказалъ Квентинъ.

Для исполненія этой просьбы, было достаточно одного прикосновенія оружія стрѣлка. Освобожденный плѣнникъ, внезапно наскочивъ на одного изъ объѣздной стражи, выхватилъ у него изъ рукъ алебарду, которою тотъ былъ вооруженъ. — А теперь подступитесь, если смѣете! вскричалъ онъ.

Палачи пошептались между собою. — Поѣзжай за уголовнымъ судьей, сказалъ Труазешелль: — а я постараюсь удержать ихъ здѣсь, сколько будетъ возможно. Солдаты объѣздной стражи, за оружіе!

Птигъ-Андре вскочилъ на лошадь и ускакалъ, а остальные стражи бросились съ такою поспѣшностью исполнять приказаніе Труазешелля, что въ суетахъ дали случай убѣжать другимъ двумъ плѣнникамъ. Можетъ быть, они и не очень заботились о нихъ, потому что давно уже пресытились кровью людей этого разряда, и, подобно другимъ кровожаднымъ звѣрямъ, утомились отъ частыхъ убійствъ. Но теперь они имѣли предлогъ броситься какъ можно скорѣе на помощь Труазешеллю, потому что соперничество и зависть часто доводили до открытыхъ ссоръ шотландскихъ стрѣл-

ковъ и стражу уголовного судьи, когда она исполняла приказаніе своего начальника.

— У насъ хватитъ силъ, чтобъ разбить вдвое большее число этихъ гордыхъ Шотландцевъ, если вы только прикажете, сказалъ одинъ изъ стражей Труа-зешеллю. Но осторожный чиновникъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ молчалъ, и обратился весьма учтиво къ шотландскому стрѣлку: — Вы, сударь, очень оскорбляете судью, вмѣшиваясь въ исполненіе королевскаго правосудія, которое законно и правильно поручено ему; вы поступаете совершенно несправедливо и со мною, потому что этотъ преступникъ мой и порученъ мнѣ законно. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу сказать, чтобъ вмѣшательство ваше было благодѣяніемъ даже и для самаго юноши: ему можетъ встрѣтиться пятьдесятъ случаевъ быть повѣшеннымъ и ни разу онъ не будетъ такъ счастливо и хорошо приготовленъ къ смерти, какъ былъ приготовленъ передъ вашимъ неблагонамѣреннымъ заступничествомъ.

— Если мой молодой соотечественникъ думаетъ, что я его обижаю, такъ я безъ малѣйшаго спора возвращу его въ твои руки, сказалъ Шотландецъ съ улыбкою.

— Нѣтъ, нѣтъ! ради самаго неба, нѣтъ! воскликнулъ Квентинъ: — Я бы лучше желалъ, чтобъ ваша длинный мечъ отсѣкъ мнѣ голову: это было бы приличіе моему происхожденію, вежели умереть отъ рукъ такого гнуснаго мерзавца.

— Слышите ли, какъ онъ кощунствуетъ! сказалъ исполнитель законовъ: — Увы! какъ скоро исчезаютъ

лучшія человѣческія намѣренія! Онъ былъ въ самомъ благодатномъ состояніи сейчасъ только, а теперь, черезъ двѣ минуты, сдѣлался поносителемъ властей...

— Да скажи мнѣ съ разу, что сдѣлалъ этотъ молодой человѣкъ? спросилъ стрѣлокъ.

— Онъ, отвѣчалъ важно Труазешелль: — осмѣлился спустить мертвое тѣло преступника, когда *цвѣтокъ лиліи* былъ означенъ на томъ самомъ деревѣ, на которомъ я самъ повѣсилъ этого преступника собственными своими руками.

— Что это значитъ, молодой человѣкъ? сказалъ стрѣлокъ: — что привело тебя къ такому преступленію?

— Прося вашего покровительства, отвѣчалъ Дорвардъ: — я скажу вамъ всю правду, какъ на исповѣди. Я увидѣлъ на деревѣ человѣка въ послѣднихъ судорогахъ, взлѣзъ туда и обрѣзалъ веревку — изъ простого человѣколюбія. Я не думалъ ни о лиліяхъ, ни о гвоздичномъ цвѣтѣ, и также мало думалъ оскорблять французскаго короля, какъ и нашего святѣйшаго папу.

— Какого же чорта тебѣ нужно было отъ мертваго тѣла? сказалъ стрѣлокъ. — Ты увидишь ихъ по слѣдамъ этого господина на каждомъ деревѣ, какъ виноградъ. Много же тебѣ будетъ дѣла въ здѣшной сторонѣ, если ты вздумаешь подбирать эти ягоды за палачомъ. Однако, я не оставлю земляка, пока у меня хватитъ силъ. Эй, ты, уголовный чиновникъ! видишь, что тутъ все дѣло въ ошибкѣ. Ты бы долженъ былъ пожалѣть о такомъ молодомъ путешественникѣ. Въ

нашемъ отечествѣ онъ не привыкъ видѣть такой дѣятельности и расторопности, къ какимъ привыкли все вы, вмѣстѣ съ вашимъ начальникомъ.

— Они и вамъ могутъ пригодиться, господинъ стрѣлокъ, замѣтилъ Питтъ-Андре, возвратившійся въ эту минуту: — Стой крѣпче, Труазешелль; вотъ ѣдетъ судья; посмотримъ, выпуститъ ли онъ изъ своихъ рукъ дѣло прежде, нежели оно кончено.

— Въ добрый часъ, сказалъ стрѣлокъ: — а вотъ ѣдутъ и нѣкоторые изъ моихъ товарищей.

Дѣйствительно, пока Тристанъ подѣзжалъ съ своимъ патрулемъ съ одной стороны пригорка, на которомъ происходилъ споръ, человѣка четыре или пять шотландскихъ стрѣлковъ поспѣшно вѣзжали съ другой и въ головѣ ихъ былъ самъ Рубецъ,

Въ настоящемъ случаѣ Лесли вовсе не показалъ къ своему племяннику того равнодушія, въ которомъ Квентинъ внутренно обвинялъ его; увидавъ Дорварда и своего товарища въ оборонительномъ положеніи, онъ сказалъ: — Коннингемъ, благодарю тебя! Товарищи! помогите мнѣ; этотъ молодой шотландскій дворянинъ, мой племянникъ... Линдсей, Готри, Тайри, мечи на голо и на нихъ!

Не было сомнѣнія, что настанетъ отчаянная свалка между обѣими сторонами, которыя хотя и не были соразмѣрны числомъ, но превосходство оружія шотландскихъ всадниковъ давало имъ такой перевѣсъ, что они могли надѣяться на побѣду. Однако уголовный судья, или сомнѣваясь въ послѣдствіяхъ схватки, или зная, что это не понравится королю, сдѣлалъ

*

знакъ, чтобъ его подчиненные удержались отъ насильственныхъ мѣръ, а самъ обратился къ Рубцу, который выѣхалъ впередъ: — Почему вы, всадникъ изъ стражи собственныхъ королевскихъ тѣлохранителей, противитесь исполненію казни надъ преступникомъ? спросилъ его судья.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рубецъ: — клянусь святымъ Мартиномъ! я думаю, есть разница между казнию преступника и убійствомъ моего роднаго племянника?

— Племянникъ вашъ можетъ быть такимъ же преступникомъ, какъ и всякій другой, господинъ стрѣлокъ, сказалъ уголовный судья: — а во Франціи всякій иностранецъ подлежитъ французскимъ законамъ.

— Да; но мы имѣемъ свои преимущества, мы шотландскіе стрѣлки, сказалъ Рубецъ: — такъ ли, товарищи?

— Да, да, разумѣется! закричали всѣ они въ одинъ голосъ. — Преимущества! преимущества! Да здравствуетъ король Людовикъ! да здравствуетъ храбрый Рубецъ! да здравствуютъ шотландскіе тѣлохранители! Смерть всѣмъ, кто осмѣлится нарушать наши права!

— Разсудите, господа воины, сказалъ уголовный судья: — подумайте о моемъ порученіи.

— Мы не хотимъ съ вами разсуждать, сказалъ Коннингемъ: — насъ разсудятъ наши собственные начальники. Пусть насъ судить королевская милость, или нашъ капитанъ, такъ какъ нѣтъ здѣсь лорда великаго коннетабля.

— Но послушайте, возразилъ судья: — вѣдь этотъ

молодой человекъ не изъ вашихъ и не можетъ пользоваться тѣмъ, что вы называете своими преимуществами.

— Всѣ должны признавать то, что мы *называемъ* своими преимуществами, сказалъ Коннингемъ.

— Мы не позволимъ въ нихъ сомнѣваться! закричали единодушно стрѣлки.

— Господа, вы съ ума сошли, сказалъ Тристанъ-Пустынникъ: — никто не оспариваетъ вашихъ преимуществъ; но вѣдь этотъ юноша не принадлежитъ къ стражѣ шотландскихъ стрѣлковъ.

— Онъ мой племянникъ, возразилъ Рубецъ съ торжествующимъ видомъ.

— Но не стрѣлокъ королевской гвардіи, если не ошибаюсь, возразилъ Тристанъ.

Стрѣлки сомнительно посмотрѣли другъ на друга. — Не уступай, товарищъ, шепнулъ Коннингемъ Рубцу: — скажи, что онъ опредѣлился къ намъ.

— Клянусь святымъ Мартиномъ, ты славно придумалъ, землякъ! отвѣчалъ Лесли, и, возвысивъ голосъ, сказалъ, что онъ въ тотъ день опредѣлилъ своего племянника въ свою собственную свиту.

Такое объявленіе произвело рѣшительный эффектъ. — Хорошо, господа! сказалъ Тристанъ, знавшій нервическую боязливость короля на счетъ того, чтобъ неудовольствіе не закралось между его тѣлохранителями. — Вы знаете, какъ вы говорите, свои преимущества, а мнѣ нечего заводить ссору съ королевскими стрѣлками шотландской гвардіи, когда можно обойтись и безъ этого. Я донесу обо всемъ королю; же-

лалъ бы я, чтобъ вы знали, что, поступая такъ, я дѣйствую гораздо снисходительнѣе, нежели, можетъ быть, дозволяетъ мнѣ моя обязанность.

Сказавъ это, онъ велѣлъ тронуться своему отряду; а стрѣлки остались на мѣстѣ и стали держать между собою поспѣшное совѣщаніе. — Во-первыхъ, мы должны донести обо всемъ лорду Крауфорду, нашему начальнику, и записать имя этого молодца въ списки.

— Но, господа и мои достойные спасители, возразилъ Квентинъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: — я еще не рѣшился, опредѣлится ли мнѣ въ службу вмѣстѣ съ вами, или нѣтъ.

— Такъ сообрази теперь же, сказалъ его дядя: — что лучше, служить здѣсь или быть повѣшеннымъ, — потому что даю тебѣ слово, хоть ты мнѣ и племянникъ, а я не вижу для тебя другой возможности избавиться отъ висѣлицы.

Противъ такого доказательства нечего было возражать, и Квентинъ по неволѣ принялъ предложеніе, которое безъ этихъ побудительныхъ причинъ показалось бы ему не совсѣмъ пріятнымъ.

— По моему, замѣтилъ Коннингемъ: — тебѣ бы слѣдовало рассказать обо всемъ Чорту-Оливье, который всегда былъ расположенъ къ шотландскимъ стрѣлкамъ. Онъ увидитъ отца Людовика раньше, нежели можетъ добраться до него судья, потому что Оливье завтра будетъ его брить.

— Однако, послушай, сказалъ Рубецъ: — къ Оливье не годится являться съ пустыми руками, а я голъ, какъ береза въ декабрѣ.

— Да и всё мы не лучше тебя, замѣтилъ Коннингемъ: — Оливье долженъ будетъ разъ въ жизни удовольствоваться нашимъ шотландскимъ словомъ. При слѣдующей раздачѣ жалованья, мы принесемъ ему что нибудь хорошенькое; а ужь если онъ будетъ ожидать поживы, такъ увѣряю васъ, намъ жалованье раздадутъ раньше обыкновеннаго.

— Теперь къ замку, сказалъ Рубецъ! — Племянникъ расскажетъ намъ, какимъ образомъ онъ навязалъ себѣ на плечи уголовного судью, чтобъ намъ знать, какъ объяснить дѣло Кроуфорду и Оливье.

VII.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НА СЛУЖБУ.

Одинъ изъ прислуги стрѣлковъ спѣшился и передалъ своего коня Квентину Дорварду; нашъ молодой Шотландецъ, окруженный своими воинственными земляками, поѣхалъ крупною рысью къ замку дю-Плесси, готовясь, хоть и противъ воли, сдѣлаться обитателемъ мрачной крѣпости, которой наружность поразила его.

Между тѣмъ, въ отвѣтъ на повторенные разпросы своего дяди, онъ подробно рассказалъ ему случай, навлекшій на него въ то утро такую близкую опасность.

— Однако, я думаю, что наша честь оскорблена, если Тристанъ и его люди осмѣливаются смѣшивать наши шотландскія шапки съ чалмами и токами этихъ

бродягъ и мошенниковъ, замѣтилъ Линдсей. -- Если у него нѣтъ глазъ, чтобъ видѣть, какая тутъ разниа, такъ его надобно научить быть разборчивымъ. Впрочемъ, я увѣренъ, Тристанъ только притворяется, что ошибся; ему просто хочется перехватывать добрыхъ Шотландцевъ, которые приходятъ сюда для свиданія съ своими родственниками.

— Могу ли спросить, дядюшка, что это за люди, о которыхъ вы сейчасъ говорили? сказалъ Квентинъ.

— Конечно, можешь, отвѣчалъ дядя: — только я не знаю, съумѣетъ ли кто отвѣчать тебѣ. Во всякомъ случаѣ, не я буду отвѣчать, хоть, можетъ быть, и знаю не меньше другихъ. Эти бродяги появились въ здѣшнихъ краяхъ, какъ налетаетъ саранча.

— Да, сказалъ Линдсей: — а Жакъ Бономмъ (такъ мы называемъ здѣшнихъ мужиковъ, молодой человекъ; ты со временемъ выучишься говорить по нашему), — честный Жакъ, говорю я, мало заботится о томъ, какой вѣтеръ приноситъ ихъ или саранчу, лишь бы ему знать, какая буря унесетъ отсюда эту сволочь.

— Да развѣ они дѣлають много зла? спросилъ Дорвардъ.

— Зла?... Да какъ же, дитя! Вѣдь они язычники, или жидаы, или по крайней мѣрѣ магометане, и не поклоняются ни нашей Владычицѣ, ни Святымъ (онъ перекрестился); они воруютъ все, что имъ попадетъ подъ руку, поють и гадають, сказалъ Кониингемъ.

— А есть ли подобные бродяги въ другихъ странахъ, кромѣ Франціи? спросилъ Линдсей.

— О, разумѣется, есть! — Ихъ шайки появились въ Германіи, въ Испаніи и въ Англии, отвѣчалъ Рубецъ. — Благодаря заступничеству св. Андрея, Шотландія еще свободна отъ этихъ негодяевъ.

— Шотландія, замѣтилъ Коннингемъ: — слишкомъ холодна для саранчи и слишкомъ бѣдна для воровъ.

— А можетъ быть, Джонъ Гейландеръ (*) и не допустилъ бы блаженствовать другимъ ворами, кромѣ своихъ собственныхъ, замѣтилъ Готри.

— Объявляю вамъ всѣмъ, сказалъ Рубецъ: — что я родился въ лѣсахъ Энгоса и имѣю благородную родню въ Гленъ-ислѣ, и потому не допущу, чтобъ порочили горныхъ Шотландцевъ.

— Вѣдь ты не станешь же утверждать, что они не уводятъ стадъ? сказалъ Готри.

— Увести пару-другую быковъ не есть еще воровство, отвѣчалъ Рубецъ. — Я готовъ доказать это тебѣ гдѣ и когда ты хочешь, если только осмѣлишься.

— Стыдись, товарищъ, сказалъ Коннингемъ: — кто теперь ссорится? — Молодой человекъ не долженъ слушать такихъ сумасбродныхъ толкованій. — Ну, вотъ мы уже подъѣзжаемъ къ замку. Я намѣренъ предложить боченокъ вина для возбужденія дружбы, и мы выпьемъ за здоровье Шотландіи, Горной и Низменной, если вы соберетесь ко мнѣ обѣдать.

— Дѣльно, дѣльно! подхватилъ Рубецъ: — а я

(*) John Highlander: такъ въ шутку называются горные Шотландцы.

предлагаю другой, чтобъ смыть всякое неудовольствіе и выпить за здоровье моего племянника, въ честь вступленія его въ нашъ отрядъ.

Когда они подъѣхали къ замку, калитка отворилась и опустился подъемный мостъ. Они входили по одиначкѣ; но когда явился Квентинъ, часовые скрестили передъ нимъ свои копья и велѣли ему остановиться. Въ то же время, со стѣнъ прицѣлились въ него изъ нѣсколькихъ луковъ и пищалей. Молодой Дорвардъ не избѣжалъ этой строгости, не смотря на то, что пришелъ въ обществѣ части гарнизона крѣпости и даже того самого войска, изъ котораго были часовые.

Рубецъ, нарочно оставшійся подлѣ своего племянника, далъ нужныя объясненія, и, послѣ значительныхъ недоумѣній и отлагательствъ, молодого человека повели подъ строгимъ карауломъ въ покои лорда Крауфорда. Этотъ шотландскій баронъ былъ однимъ изъ послѣднихъ уцѣлѣвшихъ шотландскихъ вельможъ и рыцарей, которые такъ долго и вѣрно служили Карлу VI въ кровавыхъ войнахъ, рѣшившихъ независимость французской короны и изгнаніе Англичанъ изъ Франціи. Онъ сражался еще ребенкомъ подлѣ Дугласа и Бокэна, скакалъ подъ знаменами аркской дѣвственницы и былъ, можетъ быть, однимъ изъ немногихъ оставшихся шотландскихъ рыцарей, которые добровольно обнажили мечи за *лилію* противъ своихъ старинныхъ враговъ, Англичанъ. Прошедшія въ Шотландіи перемѣны, а можетъ быть и привычка къ французскому климату и обычаямъ — заставили стараго

барона отказаться отъ всякаго помышленія возвратиться на родину, тѣмъ больше, что высокое званіе, занимаемое имъ при дворѣ Людовика, и его собственный благородный, открытый характеръ доставили ему значительное вліяніе на короля. Хотя Людовикъ вообще не слишкомъ полагался на человѣческую честь и добродѣтель, однакожь вѣрилъ въ лорда Крауфорда и допустилъ его до значительнаго вліянія, зная, что шотландскій лордъ никогда не вмѣшивался ни въ какія дѣла, кромѣ касавшихся его обязанности.

Рубецъ и Коннингемъ послѣдовали за Дорвардомъ и сопровождавшею его стражею въ покои своего начальника. Величавая наружность и почтеніе, отдаваемое старому воину гордыми его подчиненными, повидимому произвели сильное впечатлѣніе на молодого человѣка.

Лордъ Крауфордъ былъ высокъ ростомъ и отъ преклонныхъ лѣтъ казался тощимъ и сухощавымъ; не смотря на то, онъ сохранилъ въ своихъ мышцахъ силу, если не упругость молодости и въ походахъ также легко выносилъ тяжесть своего вооруженія, какъ и младшій изъ ѣхавшихъ подлѣ него подчиненныхъ. Лицо его было грубо, въ рубцахъ, и загорѣло отъ непогодъ; глаза показывали, что они смотрѣли на смерть, какъ на игрушку, въ тридцати правильныхъ сраженіяхъ. Однакоже въ нихъ скорѣе выражалось спокойное презрѣніе опасности, нежели звѣрская храбрость наемнаго воина. Высокій, прямой станъ его былъ одѣтъ въ просторный халатъ и опоясанъ ремнемъ изъ буйволовои кожи, къ которому прицѣпленъ былъ кинжалъ съ богато отдѣланною рукоятію.

На шеѣ было ожерелье и знакъ ордена св. Михаила. Онъ сидѣлъ на кровати, покрытой оленьюю шкурой, и съ очками (тогда еще новымъ изобрѣтеніемъ) на носу разбиралъ огромную рукопись, называвшуюся *Rosier de la Guerre* — уставъ военной и гражданской политики, составленный Людовикомъ для сына его, дофина Франціи. Король желалъ знать мнѣніе о немъ стараго и опытнаго шотландскаго воина.

Лордъ Крауфордъ, при видѣ неожиданныхъ посѣтителей, съ нѣкоторою досадою отложилъ въ сторону манускриптъ и спросилъ ихъ съ рѣзкимъ національнымъ удареніемъ: — Какого чорта вамъ нужно?

Рубецъ, съ большимъ почтеніемъ, нежели какое бы онъ оказалъ даже самому королю Людовику, рассказалъ подробно обстоятельства, въ которыхъ находился его племянникъ, и съ покорностью просилъ для него покровительства милорда. Лордъ Крауфордъ выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ. Онъ не могъ не улыбнуться простодушію, съ которымъ юноша такъ необдуманно хлопоталъ въ пользу повѣшеннаго преступника, но покачалъ головою, когда услышалъ о спорѣ между шотландскими стрѣлками и стражею уголовнаго судьи. — Долго ли, сказалъ онъ, будете вы заставлятъ меня распутывать эти чертовщины? Сколько разъ долженъ я говорить вамъ и особенно тебѣ, Людовикъ Лесли, и тебѣ, Арчи Коннингемъ, что иностранный воинъ долженъ вести себя чинно и скромно съ народомъ той земли, въ которой служить, если онъ не хочетъ имѣть за собой всѣхъ собакъ цѣлаго города? Но ужь если вамъ надобно торговаться, такъ

я лучше готовъ допустить, чтобъ это было съ него-
днемъ уголовнымъ судьей, нежели съ кѣмъ нибудь
другимъ. Я обвиняю тебя, Людовикъ, за это нападе-
ніе меньше, нежели за другія буйства, которыя тебѣ
случалось дѣлать, потому что тутъ тебѣ было есте-
ственно по чувству родства вступить за молодого
племянника. Но этотъ простакъ не долженъ попасть
въ бѣду; подай мнѣ вонъ съ той полки списокъ; мы
внесемъ туда его имя, чтобъ и онъ могъ пользоваться
нашими правами.

— Не угодно ли будетъ милорду... сказалъ Дор-
вардъ.

— Въ умѣ ли ты, мальчишка? воскликнулъ дядя.

— Какъ ты смѣешь обращаться къ милорду прежде,
нежели онъ самъ заговоритъ съ тобою?

— Терпѣніе, Людовикъ! сказалъ лордъ Крауфордъ:
— послушаемъ, что скажетъ намъ этотъ молодець.

— Только то, если милорду угодно будетъ по-
зволить, отвѣчалъ Квентинъ: — что я говорилъ своему
дядюшкѣ прежде о нѣкоторыхъ причинахъ, по кото-
рымъ мнѣ не хотѣлось бы опредѣлиться въ здѣшнюю
службу. Теперь я долженъ сказать, что сомнѣнія мои
исчезли съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ благороднаго
и опытнаго предводителя, подъ начальствомъ котораго
мнѣ придется служить...

— Хорошо сказано, дитя мое! сказалъ старый
лордъ, несовсѣмъ нечувствительный къ такому ком-
плименту: — мы таки имѣемъ опытность, и Богъ до-
пустилъ насъ воспользоваться ею, какъ въ званіи под-
чиненнаго, такъ и въ начальствованіи. Вотъ, Квен-

тинъ, ты теперь находишься въ нашей почетной дружинѣ шотландскихъ гѣлохранителей, въ качествѣ оруженосца твоего дяди, и будешь служить подъ его копьемъ. Я увѣренъ, ты будешь старателемъ и сдѣлаешься настоящимъ воиномъ, если только храбрость твоя соотвѣтствуетъ наружности; притомъ же ты происходишь отъ благороднаго корня. Людовикъ, смотри, чтобъ твой родственникъ хорошенько занялся своимъ дѣломъ, потому что въ одинъ изъ этихъ дней намъ придется ломать копья,

— Клянусь моимъ эфесомъ, я этому радъ, милордъ. Миръ дѣлаетъ всѣхъ трусами. Я самъ чувствую, что какъ-то поникъ духомъ, сидя взаперти въ этомъ проклятомъ подземельѣ, называемомъ замкомъ.

— Хорошо, хорошо; какая-то птичка шепнула мнѣ на ухо, что старое знамя, можетъ быть, снова запляшетъ въ полѣ, продолжалъ лордъ Крауфордъ.

— Для такой пѣсни я сегодня вечеромъ выпью кубкомъ больше, сказалъ Рубецъ.

— Ты будешь пить для моей пѣсни, возразилъ лордъ Крауфордъ: — но я боюсь, что когда нибудь выпьешь горькій напитокъ твоей собственной варки.

Лесли, нѣсколько смутившись, отвѣчалъ, что онъ уже давно этого не дѣлалъ; но милорду извѣстны обычаи ихъ дружины: необходимо сдѣлать пирушку въ честь вновь поступившаго товарища.

— Правда, сказалъ старый вождь: — я и забылъ объ этомъ. Я пришлю для вашей пирушки нѣсколько флагъ вина; но чтобъ все было кончено къ солнечному закату. А между тѣмъ, слушай — чтобъ тѣ,

кому очередь на службу, были тщательно отобраны; смотри, чтобъ никто изъ нихъ нисколько не участвовалъ въ вашемъ весельѣ.

— Приказаніе милорда будетъ въ точности исполнено, отвѣчалъ Лесли: — и за ваше здоровье будетъ должнымъ образомъ выпито.

— Можетъ быть, прибавилъ лордъ Крауфордъ: — я и самъ загляну къ вамъ... чтобы только посмотреть, все ли идетъ приличнымъ образомъ.

— Милордъ будетъ у насъ пріятнѣйшимъ гостемъ, сказала Рубецъ.

Послѣ этого всѣ ушли, чтобъ приготовиться къ военному пиршеству, на которое Лесли пригласилъ десятка два своихъ товарищей, державшихъ столъ вмѣстѣ.

Военная пирушка всегда бываетъ дѣломъ случайнымъ, въ которомъ думаютъ только о томъ, чтобъ было вдоволь сѣстнаго и напитковъ. Но теперь Людовикъ Лесли хлопоталъ о томъ, чтобъ добыть вина получше обыкновеннаго, такъ какъ ожидалъ прихода стараго лорда.

Готическая зала, въ которой всегда собирались стрѣлки, была на этотъ случай приведена въ лучшій порядокъ; конюховъ отправили за зелеными вѣтками, чтобъ разсыпать ихъ на полу; а знамена, подъ которыми шотландскіе стрѣлки ходили въ битвы, равно какъ и тѣ, которыя они отняли у непріятеля, были развернуты надъ столомъ или украшали стѣны залы въ видѣ боевъ.

Рубецъ старался снабдить молодого повобранца какъ

можно поспѣшнѣе одеждою и оружіемъ шотландскихъ тѣлохранителей, чтобъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ казался участникомъ ихъ важныхъ привилегій, вслѣдствіе которыхъ, при поддержкѣ своихъ соотечественниковъ, онъ могъ на свободѣ пренебрегать могуществомъ и неудовольствіемъ уголовного судьи — хотя и извѣстно было, что это могущество грозно, а неудовольствіе непримиримо.

Пиръ былъ въ высшей степени веселъ; гости дали полную волю народному пристрастію, принимая въ свои ряды новобранца изъ драгоцѣннаго отечества. Пѣли старинныя шотландскія пѣсни, рассказывали древнія были о шотландскихъ герояхъ. Подвиги отцовъ и мѣста, въ которыхъ они свершались, воскресали въ памяти пирующихъ; въ чаду воспоминаній, роскошныя равнины Турени, казалось, превратились въ гористыя и бесплодныя страны Каледоніи. Когда энтузіазмъ достигъ полной силы и каждый старался сказать что нибудь въ честь милаго отечества, общая радость увеличилась прибытіемъ лорда Крауфорда, который сидѣлъ за королевскимъ столомъ какъ на терновникѣ, выжидая случая ускользнуть въ общество земляковъ своихъ. На верхнемъ концѣ стола были для него приготовлены предсѣдательскія кресла. Хотя, по обычаю того вѣка и уставамъ дружины, лордъ Крауфордъ и былъ главнымъ начальникомъ стрѣлковъ послѣ короля и великаго коннетабля, но какъ всѣ стрѣлки (или, какъ бы нынче выразились, рядовые) были дворянами, то предводитель ихъ не считалъ не-

приличнымъ сидѣть за однимъ съ ними столомъ и принимать участіе въ ихъ пиршествѣ, нисколько тѣмъ не унижая своего начальническаго достоинства.

Теперь, однако, лордъ Крауфордъ отказался занять предназначенное ему мѣсто и, прося общество веселиться, стоялъ подлѣ стола, съ лицомъ, повидимому, выразившимъ большое неудовольствіе.

— Оставь его, шепнулъ Коннингемъ Линдсею, когда послѣдній предлагалъ вина своему благородному предводителю: — оставь его; не торопи ни чьего стада: пусть онъ выпьетъ когда ему захочется.

Дѣйствительно, старый лордъ, сначала только улыбавшійся, качавшій головою и поставившій на столъ нетронутый кубокъ, вскорѣ началъ, какъ будто невзначай, полегоньку отвѣдывать изъ него; а отвѣдавъ, онъ кстати вспомнилъ, что принесетъ несчастіе новобранцу, если не выпьетъ за здоровье храброго молодого человѣка, присоединившагося къ нимъ въ тотъ день. Заздравный кубокъ былъ наполненъ, и, легко догадаться, ему отвѣчали многими радостными восклицаніями, когда старый вельможа сообщилъ обществу, что онъ разсказалъ мэтру Оливье обо всемъ, въ тотъ день происшедшемъ. — А такъ какъ, сказалъ онъ: — скоблитель подбородковъ не очень жалуется вытягивателя глотокъ, то онъ вмѣстѣ со мною выпросилъ у короля повелѣніе уголовному судѣ, чтобъ Тристанъ прекратилъ всѣ преслѣдованія, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, противъ Квентина Дорварда, и чтобъ онъ всегда уважалъ ненарушимость правъ шотландскихъ.

Снова загремѣли восклицанія, снова наполнились кубки, до того, что вино заискрилось у краевъ ихъ, и возгласилось здоровье благороднаго лорда Крауфорда, храбраго защитника правъ и преимуществъ его соотечественниковъ. Добрый старый лордъ изъ вѣжливости не могъ не отвѣчать на такой тостъ; опустившись, какъ будто безъ намѣренія, въ приготовленные для него кресла, онъ подозвалъ къ себѣ Квентина и осыпалъ его такимъ множествомъ вопросовъ о состояніи Шотландіи и знатныхъ ея фамилій, что тотъ не успѣвалъ отвѣчать; а между тѣмъ, какъ будто мимоходомъ, почтенный лордъ прикладывался устами къ кубку съ виномъ, замѣчая, что общежительность прилична шотландскимъ дворянамъ, но что молодые люди, подобные Квентину, должны пользоваться ею осторожно, чтобъ она не превратилась въ излишество. При этомъ случаѣ, онъ говорилъ много прекрасныхъ вещей до тѣхъ поръ, пока его собственный языкъ, хотя онъ и восхвалялъ умѣренность, не началъ наконецъ двигаться медленнѣе обыкновеннаго. Въ это время, когда воинственный пылъ общества усиливался съ каждою осушенною кружкой, Коннингемъ вызвалъ товарищей выпить за скорое распущеніе *орифламы* (королевскаго знамени Франціи). — Пусть дунеть вѣтеръ изъ Бургундіи, чтобъ оно хорошенько развѣвалось! отозвался Линдсей.

— Отъ всей души, какая только уцѣлѣла въ этомъ изношенномъ тѣлѣ, принимаю вашъ тостъ, дѣти! отозвался лордъ Крауфордъ. — Какъ я ни старъ, а увѣренъ, что еще увижу, какъ оно будетъ развѣваться.

Послушайте-ка, товарищи (вино сдѣлало его нѣсколько разговорчивѣе), всѣ вы вѣрные слуги Французской короны: такъ почему вамъ и не знать, что сюда прибылъ посоль отъ герцога Карла Бургундскаго съ порученіемъ сердитаго рода.

— Я видѣлъ свиту графа де-Крѣвкѣра, и коней и всадниковъ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ: — тамъ въ гостинницѣ, у шелковичной рощи. Говорятъ, король не впустилъ его въ замокъ.

— Да низпошлетъ ему небо неблагопріятный отвѣтъ! сказалъ Готри: — но на что же онъ жалуется?

— Тьма-тьмушая жалобъ на пограничныя владѣнія, сказалъ лордъ Крауфордъ: — и наконецъ на то, что король принялъ подъ свое покровительство одну даму изъ его земли, какую-то молодую графиню, бѣжавшую изъ Дижона, ибо герцогъ, у котораго она находилась подъ опекою, хотѣлъ выдать ее за любимца своего, Кампо-Бассо.

— И она дѣйствительно пріѣхала сюда одна, милордъ? спросилъ Линдсей.

— Нѣтъ, не совсѣмъ одна, а съ родственницей своей, какой-то старой графиней, уступившей въ этомъ случаѣ желанію своей племянницы.

— А захочетъ ли король, сказалъ Коннингемъ: — будучи феодальнымъ государемъ герцога, вмѣшиваться въ дѣла его съ молодою графиней, надъ которою Карль имѣетъ такія же права, какія имѣлъ бы и король надъ наслѣдницей Бургундіи, еслибъ самъ герцогъ умеръ?

— Король хочетъ дѣйствовать по своему обыкно-

венію — политикою, продолжалъ Крауфордъ: — вы знаете, что онъ не принялъ этихъ дамъ публично, не поручилъ ихъ покровительству ни своихъ дочерей, ни мадамъ де-Божё, ни принцессы Жанны; а потому онъ, безъ сомнѣнія, будетъ поступать сообразно съ обстоятельствами. Онъ нашъ государь — но вѣдь нѣтъ никакой измѣны сказать, что онъ готовъ охотиться съ собаками или бѣгать вмѣстѣ съ зайцемъ любого христіанскаго государя.

— Но герцогъ Бургундскій не понимаетъ такого двуличія, замѣтилъ Коннингемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старій лордъ: — а потому-то и вѣроятно, что между ними загѣнется дѣло.

— Хорошо! пусть св. Андрей способствуетъ дракѣ! сказалъ Рубецъ. — Мнѣ предсказывали за десять, или даже за двадцать лѣтъ назадъ, что я составлю счастье своего дома женитьбою. Кто знаетъ, что можетъ случиться, если намъ когда нибудь прійдется сражаться въ честь дамъ, какъ говорится въ старинныхъ романсахъ?

— Ты говоришь о дамахъ, съ такою прорѣхою на лицѣ! сказалъ Готри.

Рубецъ обидѣлся и хотѣлъ возражать.

— Стойте, товарищи! перебилъ лордъ Крауфордъ: нечего побрякивать острымъ оружіемъ, нечего шутить ѣдкими намеками — все должны быть друзьями. А что до дамы, она такъ богата, что не достанется бѣдному шотландскому лорду; иначе бы я готовъ былъ предъявить и свое притязаніе съ восьмьюдесятью годами на плечахъ или немногимъ меньше того. Но не

смотря ни на что, тостъ за ея здоровье, потому что она, говорятъ, свѣтильникъ красоты.

— Я думаю, что видѣлъ ее, сказалъ другой стрѣлокъ: — когда былъ на часахъ у внутренней ограды: но она скорѣе походила на темный фонарь, нежели на свѣтильникъ, потому что ее и другую внесли въ замокъ въ крытыхъ носилкахъ.

— Стыдись, стыдись, Арнотъ! сказалъ лордъ Крауфордъ: — воинъ никогда не рассказываетъ того, что онъ видѣлъ, стоя на часахъ. Однако, прибавилъ онъ послѣ краткаго молчанія, когда любопытство взяло верхъ надъ желаніемъ выказать дисциплину, которую онъ счелъ нужнымъ напомнить: — почему бы эти носилки и дѣйствительно не заключали въ себѣ той самой графини Изабеллы де-Круай?

— Позвольте, милордъ, возразилъ Арнотъ: — я знаю только то, что когда мой ножевщикъ проваживалъ лошадей на дорогѣ къ деревнѣ и встрѣтился съ Догеномъ, погонщикомъ муловъ, который отнесъ назадъ въ гостинницу носилки, — Догенъ предложилъ Саундерсу Стиду выпить кубокъ вина, потому что они знакомы; тотъ, безъ сомнѣнія, готовъ былъ принять предложеніе...

— Безъ сомнѣнія! безъ сомнѣнія! сказалъ старый лордъ: — я бы желалъ, чтобъ это у васъ передѣлось, господа: всѣ ваши конюхи, ножевщики и *джекмены*, какъ бы мы ихъ называли въ Шотландіи, слишкомъ готовы выпить кубокъ вина съ кѣмъ бы то ни было — а это на воинѣ пагубно, и такія вещи непременно должно вывести. Но, Эндрю Арнотъ, ты

разсказываешь длинную повѣсть, и мы обрѣжемъ ее кубкомъ; наши горцы говорятъ: *Skeoch doch nan skial* (*) — вотъ вамъ настоящее галльское изрѣченіе. Выпьемъ за здоровье графини Изабеллы де-Круай, и чтобъ у нея былъ мужъ получше Кампо-Бассо, который ни больше, ни меньше, какъ низкое итальянское животное! — Ну, Эндрю Арнотъ, что же сказалъ погонщикъ муловъ твоему конюху?

— Да, онъ сказалъ ему по секрету, если угодно знать милорду, продолжалъ Арнотъ: — что двѣ дамы, которыхъ онъ сейчасъ только доставилъ въ крытыхъ носилкахъ, были особы знатныя, тайно жившія нѣсколько дней въ домѣ его хозяина; что король не разъ посѣщалъ ихъ также въ тайнѣ и оказывалъ имъ большое уваженіе, и что онѣ бѣжали въ замокъ, испугавшись графа де-Крѣвкѣра, посланника герцога бургундскаго, котораго прибытіе возвѣщалось прискакавшимъ гонцомъ.

— Ну, Эндрю, такъ выходитъ по моему! сказалъ Готри. — Я готовъ присягнуть, что слышалъ голосъ самой графини, которая пѣла и аккомпанировала себѣ на лютнѣ, когда я проходилъ черезъ внутренній дворъ. Звуки раздавались изъ выпуклыхъ окошекъ дофиновой башни: такой мелодіи никто еще не слышалъ въ замкѣ Плесси дю-Паркъ. Клянусь честью, я думалъ, что сама волшебница Мелюзина занимается музыкою. Я

(*) Обрѣзать сказку кубкомъ — выраженіе, употреблявшееся въ такихъ случаяхъ, когда человѣкъ проповѣдуетъ надъ виномъ, какъ говорятъ въ Англіи.

стоялъ тамъ — хотъ и звалъ, что столъ накрытъ и что всѣхъ васъ беретъ нетерпѣніе — я стоялъ тамъ, какъ...

— Какъ оселъ, Джонни Готри, подхватилъ его начальникъ: — длинный носъ твой чуялъ обѣдъ, длинные уши слушали музыку, а короткій разсудокъ не могъ рѣшить, что изъ двухъ выбрать... Слушайте! неужели это въ соборѣ звонятъ къ вечернѣ?... Вѣрно еще не такъ поздно?... Старый дуракъ звонарь завопилъ, кажется, часомъ раньше.

— Клянусь честью, колоколъ бьетъ часы слишкомъ вѣрно, сказалъ Коннингемъ: — вонъ и солнце закатывается по западную сторону той чудной равнины.

— Ну, неужели такъ? сказалъ Крауфордъ. — Чтожь, дѣти? мы должны жить съ умѣренностью... тише ѣдешь, дальше будешь... малый огонь лучше варить солодъ... умная пословица говоритъ, что хорошо быть веселымъ и мудрымъ... Еще разъ за здравіе старой Шотландіи — и потомъ каждый за свое дѣло.

Опорожнивъ прощальные кубки, гости разошлись. Величавый старикъ баронъ взялъ подъ руку Рубца, какъ будто за тѣмъ, чтобъ дать ему нѣсколько наставленій на счетъ его племянника, а въ сущности, можетъ быть, ему не хотѣлось, чтобъ постороннимъ шаги его казались менѣе твердыми, нежели сколько было прилично его сану и почетной должности. Онъ прошелъ съ весьма степеннымъ лицомъ черезъ два двора, отдѣлявшіе его покои отъ пиршественной залы; особенно торжественно было прощальное поученіе, ко-

торое онъ давалъ на разставаніи Людовику Лесли, чтобъ тотъ хорошенько смотрѣлъ за своимъ племянникомъ.

Между тѣмъ, молодой Дорвардъ, отведенный въ маленькую комнату, гдѣ онъ долженъ былъ жить вмѣстѣ съ пажомъ своего дяди, впалъ въ глубокія размышленія. Мечтанія юноши, которымъ не мѣшала маленькій пажъ Вилль Гарперъ, были прерваны возвращеніемъ смааго Людовика Лесли, приказавшаго Квентину ложиться спать, чтобъ онъ могъ завтра подняться во-время и сопровождать его въ пріемную его величества, въ которой Рубецъ долженъ былъ занять свой постъ вмѣстѣ съ пятью товарищами.

(Продолженіе въ слѣдующ. №).

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотри по содержанію статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

ЦѢНА за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ** рублей, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ** руб., съ пересылкою въ города **СЕМЬ** руб. **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. сер.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1860 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ Тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургъ, на Лиговкѣ, въ домъ Зуева.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.